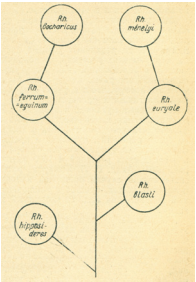
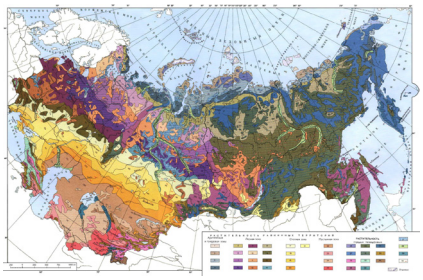
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КУЗЯКИН

Биография,

научное наследие и воспоминания о нём





Петрозаводск - 2018

Александр Петрович Кузякин
1915 - 1988

УДК 591.6:911.52

Рецензенты:
д. б. н. А. И. Шаталкин, д. б. н. В. Г. Кривенко

Научные редакторы:
к. б. н. Л. Н. Мазин, д. б. н. Е. С. Равкин, д. б. н. В. А. Кузякин, Б. Н. Фомин

Александр Петрович Кузякин. Биография, научное наследие и воспоминания о нём: сборник статей и воспоминаний / [науч. ред. Л. Н. Мазин, Е. С. Равкин, В. А. Кузякин, Б. Н. Фомин] // Принципы экологии. – 2018. – № 5. – 269 с. – Ил. 145.

Книга содержит материалы заседаний, организованных кафедрой общей биологии и биоэкологии Московского государственного областного университета, кафедрой биологии, экологии и методики обучения биологии Московского городского педагогического университета, секцией дезинфектологии Московского отделения Всероссийского научно-практического общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов и комиссией биогеографии Московского городского отделения Русского географического общества (февраль-сентябрь 2015 года, Москва), посвящённые 100-летию со дня рождения А. П. Кузякина, а также материалы научного наследия учёного и воспоминания о нём. Рассматриваются вопросы ландшафтной зоогеографии и зоологии. Предназначается для энтомологов, орнитологов, териологов, экологов, охотоведов и зоогеографов.

УДК 591.6:911.52

© Мазин Л. Н., Равкин Е. С., Кузякин В. А., Фомин Б. Н., науч. ред., 2018

Дизайн обложки: Л. Н. Мазин

Компьютерный набор и верстка: Л. Н. Мазин, Б. Н. Фомин

Reviewers:
Dr. Sci. A. I. Shatalkin, Dr. Sci. V. G. Krivenko

Scientific Editors:
Ph. Sci. L. N. Mazin, Dr. Sci. E. S. Ravkin, Dr. Sci. V. A. Kuzyakin, B. N. Fomin

Alexander P. Kuzyakin. Biography, scientific heritage and memories of him: collection of articles and memoirs / ed. L. N. Mazin, E. S. Ravkin, V. A. Kuzyakin, B. N. Fomin // Principy Ekologii. – 2018. – № 5. – 269 p. – Fig. 145.

The book contains the proceedings of the meetings organized by the Department of general biology and bioecology Moscow region state University, Department of biology, ecology and methods of teaching biology, Moscow city pedagogical University, section of Disinfectology Moscow branch of all-Russian scientific-practical society of epidemiologists, Parasitologists and microbiologists and the Commission of biogeography of the Moscow city branch of the Russian Geographical Society (February-September 2015, Moscow), dedicated to the 100th anniversary from the birthday of the A. P. Kuzyakin, and also materials of scientific heritage of the scientist and memories about him. Examines issues of landscape zoogeography and Zoology. Is intended for entomologists, ornithologists, mammalogists, ecologists, wildlife managers, and zoogeography.

Содержание

Предисловие 7

Биографические материалы об Александре Петровиче Кузякине 8

Жизнь Александра Петровича Кузякина и его вклад в биологическую и географическую науки. *Мазин Л. Н.* 8

Хронология отдельных событий в жизни А. П. Кузякина, география его поездок и их содержание. *Мазин Л. Н., Кузякина Т. А.* 43

Научное наследие Александра Петровича Кузякина 70

Руководство А. П. Кузякиным аспирантами и соискателями в МОПИ им. Н. К. Крупской. *Мазин Л. Н.* 70

Письмо А. П. Кузякина с замечаниями и предложениями на рукопись книги Ю. С. Равкина и И. В. Лукьяновой «География населения позвоночных животных южной тайги Западной Сибири». *Равкин Ю. С.* 82

Письмо Ю. С. Равкина с ответом на критику А. П. Кузякина. *Равкин Ю. С.* 122

Письмо А. П. Кузякина с замечаниями и предложениями на книгу Ю. С. Равкина и И. В. Лукьяновой «География позвоночных южной тайги Западной Сибири (Птицы, мелкие млекопитающие и земноводные)». *Равкин Ю. С.* 130

Коллеги о заслугах Александра Петровича Кузякина 147

Институт изучения позвоночных животных, Брно, Чехословакия (1965 г.). *Кратохвил Й.* 147

Шаньдунский университет, Цзинань, КНР (12 февраля 1965 г.). *Фан-у Чэн, Чжан Лин.* 147

Зоологический институт и музей Болгарской АН, София (12 февраля 1965 г.). *Марков Г.* 148

Институт зоологии АН Казахской ССР, Алма-Ата (1965 г.). *Слудский А. и др.* 148

Алма-Ата (28 января 1965 г.). *Долгушин И.* 149

Институт зоологии АН Украинской ССР, Киев (2 февраля 1965 г.). *Мажуга П. и др.* 151

Главохота РСФСР, Москва (1965 г.). *Перовский и др.* 151

Институт зоологии и паразитологии АН Туркменской ССР, Ашхабад (22 января 1965 г.). *Ташлиев А. О. и др.* 152

Центральный НИПЧИ «Микроб», Саратов (1965 г.). *Фенюк Б. и др.* 152

Улан-Удэ (26 января 1965 г.). *Измайлов И.* 153

Новосибирский научный центр АН СССР (1965 г.). *Фолитарек С. и др.* 153

Ростовский-на-Дону НИПЧИ (1965 г.). *Миронов Н. и др.* 154

Отдел зоологии и паразитологии АН Белорусской ССР, Минск (1965 г.). *Сержанин И. Н., Курсков А. Н.* 154

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, Казанский государственный педагогический институт, Волжско-Камское отделение ВНИИ животного сырья и пушнины (1965 г.). *Артемьев и др.* 155

Львовский государственный университет имени И. Франко (1965 г.). *Сребродольская Н. и др.* 156

Тамбовский государственный педагогический институт (25 января 1965 г.). *Скопцев А. Г. и др.* 156

Тульский государственный педагогический институт имени Л. Н. Толстого (1965 г.). *Новиков и др.* 157

Ташкентский змеепитомник (1965 г.). *Богданов О. и др.* 157

Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской (1965 г.). *Сазонова О. и др.* 157

Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара (февраль 1975 г.). *Воробьев Е. и др.* 158

ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства (1975 г.). *Колтовский и др.* 158

Зоологи Львова (1975 г.). 159

Государственный Дарвиновский музей (20 февраля 1975 г.). *Игнатьева В. и др.* 160

Институт зоологии АН Туркменской ССР (1975 г.). *Ташлиев О. А. и др.* 160

Институт полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР (1975 г.). *Окулова Н. и др.* 161

Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (1975 г.). *Чарушина А. и др.* 161

Институт зоологии и паразитологии АН Литовской ССР, Вильнюс (2 февраля 1975 г.). *Заянчкаускас П.* 161

Кировский сельскохозяйственный институт (1975 г.). *Корсакова И. и др.* 162

Ленинградский государственный университет (1975 г.). *Лызлова С. и др.* 162

Зоологический институт и музей Болгарской АН, София (12.II.1975 г.). *Марков Г.* 164

Московский зоологический парк (1975 г.). *Сосновский И. П. и др.* 164

Московское общество испытателей природы (1975 г.). *Меннер В. В. и др.* 164

Кафедра зоологии позвоночных Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1975 г.). *Панютин К. и др.* 165

Кафедра биогеографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1975 г.). *Тупикова Н. и др.* 166

Зоологический музей Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1975 г.). *Туров С. и др.* 166

Новозыбковский государственный педагогический институт (19.II.1975 г.). *Гарбузова Е. П.* 167

Отдел зоологии и паразитологии АН Белорусской ССР (1975 г.). *Сущеня Л. М. и др.* 167

Южно-Сахалинский государственный педагогический институт (1975 г.). *Колесников Н. И. и др.* 168

Среднеазиатский НИПЧИ (1975 г.). *Бурделов А. и др.* 169

Ужгородский государственный университет (12 февраля 1975 г.). *Зоологи Ужгородского государственного университета* 169

Руководство Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.). *Сераев Н. А. и др.* 169

Студенты Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.). *Маракова Н. и др.* 170

Кафедра зоологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.). *Денисова М. и др.* 171

Кафедра методики биологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (20.II.1975 г.). *Малахова Г. и др.* 171

Кафедра общей физической географии и геологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.). *Хорошилов П. и др.* 172

Кафедра экономической географии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.). *Рязанцев С. Н. и др.* 172

Владимирский педагогический институт (февраль 1985 г.). *Измайлов И. и др.* 173

Всесоюзное териологическое общество АН СССР (1985 г.). *Соколов В. Е.* 173

Главное управление карантинных инфекций Министерства здравоохранения СССР (20.II.1985 г.). *Сергиев В. П.* 174

Дагестанский сельскохозяйственный институт, Махачкала (1985 г.). *Джамбулатов М. М. и др.* 174

Государственный Дарвиновский музей, Москва (1985 г.). *Игнатьева В. и др.* 175

Биологический институт СО АН СССР, Новосибирск (1985 г.). *Фолитарек С. и др.* 175

Институт зоологии АН Азербайджанский ССР, Баку (1985 г.). *Мусаев М. А. и др.* 175

Институт зоологии АН Белорусской ССР, Минск (2 февраля 1985 г.). *Сущеня Л. М., Курсков А. Н.* 176

Институт полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР (1985 г.). *Повалишин и др.* 177

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик (1985 г.). *Териологи* 178

Калужский государственный педагогический институт им. К. Э. Циолковского (1985 г.). *Декан факультета и др.* 178

Карпатский государственный заповедник (1985 г.). *Луговой и др.* 179

Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (14.02.1985 г.). *Чарушина А. Н. и др.* 179

Курганский государственный педагогический институт (1985 г.). *Сазонов А. Д. и др.* 179

Ленинабадский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова (1985 г.). *Коллектив кафедры зоологии* 180

Зоологи Северо-Востока, Магадан (1985 г.). *Кривошеева В. и др.* 180

Кафедра методики преподавания биологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1985 г.). *Воронцов Н. и др.* 181

Кафедра биогеографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1985 г.). *Осадчая Н. и др.* 181

Кафедра зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1985 г.). *Соколов В. и др.* 182

Центральная контрольно-исследовательская лаборатория Дезстанции ГУЗМ (1985 г.). *Леви М. И. и др.* 182

Туркменский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (1985 г.). *Мередов М. и др.* 184

Материалы газет об Александре Петровиче Кузякине 185

Путь в большую науку. *Ножина Р.* 185
Да здравствует биология! *Хромова Клара* 186
«Учитель, воспитай ученика!» *Хромова К.* 188

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине 193

Дополнения к портрету юбиляра (воспоминания дочери). *Кузякина Т. А.* 193
Мой отец — Александр Петрович. *Кузякин В. А.* 199
Из письма к П. А. Пантелееву 13 мая 1992 года. *Фолитарек С. С.* 204
Александра Петровича Кузякина мне Бог послал. *Пантелеев П. А.* 204
Мой коллега — Александр Петрович Кузякин. *Матвеев Н. П.* 212
О Профессоре Александре Петровиче Кузякине. *Гуанмей Женг* 212
Вспоминая Александра Петровича Кузякина. *Губарь Ю. П.* 213
Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине. *Рогачева Э. В.* 215
Александр Петрович Кузякин — учитель, критик, оппонент. *Равкин Ю. С.* 226
Александр Петрович — моя судьба. *Тагирова В. Т.* 230
Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине. *Равкин Е. С.* 236
Воспоминания об учителе сквозь аспирантские годы. *Титова В. В.* 238
Александр Петрович Кузякин. *Черняховский М. Е.* 240
Великий учёный и педагог. *Дидманидзе Э. А.* 241
А. П. Кузякин и дети. *Рыльников В.А.* 241
Рассказ о совместной работе с большим учёным и человеком.
Атанасова И. Й. 241
Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине. *Фомин Б. Н.* 245
Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине. *Прилуцкая Л. И.* 248
Как я стал териологом. *Стариков В. П.* 250
А. П. Кузякин и зоологический поиск. *Хляп Л. А.* 251
Александр Петрович Кузякин — мой учитель. *Малков Н. П.* 252
Александр Петрович Кузякин в моей жизни. *Кретова С. П.* 253
Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине. *Манин Б. Л.* 255
Воспоминания об учителе — Александре Петровиче Кузякине.
Корчак Г. Н. 257
Об Александре Петровиче Кузякине. *Мелков В. К.* 258
Уроки таксидермии. *Обухова Н. Ю.* 259
Об учителе добрым словом. *Бондаренко Д. А.* 261
Семь небольших фрагментов воспоминаний об Александре Петровиче Кузякине с тремя лирическими отступлениями. *Вахрушев А. А.* 265

Предисловие

В этой книге публикуются биографические материалы выдающегося отечественного зоогеографа, зоолога и эколога, доктора биологических наук, профессора Александра Петровича Кузякина, его научное наследие и воспоминания о нём. Материалы книги приурочены к 100-летию со дня рождения учёного. Воспоминаниями о А. П. Кузякине поделились специалисты стран Содружества Независимых Государств, Болгарии и Китайской Народной Республики.

Первая часть книги посвящена жизни А. П. Кузякина и его вкладу в биологическую и географическую науки, подготовленных Л. Н. Мазиным, а также хронологии отдельных событий в жизни А. П. Кузякина, географии его поездок и их содержанию, представленных Л. Н. Мазиным и Т. А. Кузякиной.

Вторая часть содержит материал о руководстве А. П. Кузякиным аспирантами и соискателями в МОПИ им. Н. К. Крупской и переписку А. П. Кузякина с Ю. С. Равкиным при редактировании рукописи книги по ландшафтной зоогеографии.

В третьей части книги коллеги рассказывают о заслугах А. П. Кузякина в науке и выращивании педагогических и научных кадров.

Четвёртая часть отражает материалы газет об А. П. Кузякине.

Пятая часть книги включает воспоминания детей А. П. Кузякина, его учеников и коллег.

Л. Н. Мазин, Е. С. Равкин, В. А. Кузякин, Б. Н. Фомин

Биографические материалы об Александре Петровиче Кузякине

Жизнь Александра Петровича Кузякина и его вклад в биологическую и географическую науки

Л. Н. Мазин

Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напутствуют оттуда,
Где нету смены вечеру и дню.

А. Д. Дементьев

Научная деятельность и наследие выдающегося русского советского учёного натуралиста Александра Петровича Кузякина весьма многогранны и весомы. В зоологии он проявил себя как териолог, орнитолог и энтомолог. Прежде всего, его имя широко известно среди зоологов-систематиков. Как высококлассный специалист в этой области, Александр Петрович сформировался, собирая научные коллекции, вначале териологическую, потом оологическую и орнитологическую, наконец, лепидоптерологическую. Все они обширны по охвату объектов изучения, великолепны по обработке материалов и находятся ныне в государственных зоологических хранилищах.

Не менее известен Александр Петрович и как эколог-практик в области медицинской и сельскохозяйственной зоологии.

Сочетание интересов и талантов систематика и эколога позволило ему внести свой вклад и в теоретическую область биологии, где им создана оригинальная и во многом опередившая коллег и время теория вида и видообразования.

Многочисленные экспедиционные поездки в различные регионы, тонкий взгляд натуралиста, эрудированность и критическая работа ума привели Александра Петровича к созданию нового направления в географической науке — ландшафтной зоогеографии и связанной с ней новой научной школы. Его работы отличаются разносторонностью объектов и мест исследований, чёткостью поставленных задач и глубиной вскрытия причин, тенденций и закономерностей природных явлений с ясностью их показа. Разнообразная деятельность учёного многие годы сочеталась с большой педагогической работой у нас в стране и за её рубежами.

Всё многообразие научной и педагогической деятельности Александра Петровича естественно и надёжно связано между собой. Для отражения многообразия интересов и деятельности Александра Петровича автор

сообщения представляет их тематическими блоками, но тем самым будет прерывать хронологическую канву повествования. Надеюсь, что это будет оправданным подходом при изложении материала.

Всё начинается с семьи, детства и учёбы. С них мы и начнём.

Александр Петрович родился 2 февраля (20 января ст. стиля) 1915 г. в с. Большие Кармаки (ныне с. Успенское) Тюменского уезда Тобольской губернии в большой крестьянской семье. Мать его умерла, когда маленькому Шуре было всего 2 года. Отец женился на другой женщине, у которой было своих 4 детей в добавок к 10 детям первоначальной семьи.

Отец был «крепким» хозяйственным крестьянином и все дети были вовлечены в сельскохозяйственные работы. С малых лет Шура пас гусей, затем свиней, потом коров и лошадей — всякой скотины хватало. Во время пастьбы он очень интересовался жизнью окружающих его животных, пытался узнать их названия, образ жизни. Наблюдений было множество, а знаний не хватало. На счастье, в Успенском жил и работал в школе очень грамотный биолог, который сразу приметил молодого Сашу Кузякина и много рассказывал ему и объяснял. Простые наблюдения стали принимать форму системы знаний по зоологии.

Рис. 1. ***Пётр Афанасьевич Кузякин и его семья***

Саша Кузякин (его все называли Шурой) был младшим ребёнком в первичной семье Кузякиных. Когда старшие сёстры выросли и вышли замуж, семья начала постепенно распадаться. В 1918-1919 гг. в селе квартировался белогвардейский чешский корпус, состоящий не только из чехов, но и солдат других национальностей. Старшая сестра, Анастасия

Петровна, вышла замуж за чеха Милиновского, более младшая, Евдокия Петровна — за венгра Бакош родом из Румынии.

С окончательным установлением советской власти Анастасия с мужем переехали в Тобольск, где и прожили всю свою жизнь. Семья Бакош взяла Шуру к себе в Тюмень. В ней он жил с 1922 г.

Ещё до отъезда в Тюмень произошло событие, которое, по воспоминаниям Александра Петровича, сыграло значительную роль в его дальнейшей жизни. В апреле 1922 г. местный взрослый парень взял в гнезде кладку галки из семи голубых с чёрными пятнами и просвечивающими желтками яиц. Возникло желание узнать: какие яйца у других птиц? На следующий день тот же парень достал кладку сороки из восьми яиц, непохожих на яйца галки. Потом Саша сам взял на чердаке амбара белые яйца голубей, а на гумне в толще соломенной крыши достал яйца воробьёв.

С 1923 г. в Тюмени Саша начал посещать краеведческий музей. Здесь на него обратил внимание пожилой препаратор — Андрей Михайлович Кузнецов, который в молодости был проводником Альфреда Брема по Южной Сибири и Казахстану. Он стал для подростка первым учителем и наставником по биологии.

Осенью I927 г. Саша познакомился о преподавателем биологии Тюменского педагогического техникума Фёдором Филипповичем Ларионовым, отцом известных впоследствии учёных — онколога Леонида Фёдоровича и орнитолога Вячеслава Фёдоровича Ларионовых, с которыми Александр Петрович был дружен всю свою жизнь. Фёдор Филиппович в воскресные дни водил своих кружковцев в окрестные леса. Саша впервые узнал и запомнил первые латинские названия птиц, а также научился различать их по внешнему виду и голосам. Такие экскурсии, расширяющие биологические знания, продолжались в течение трёх лет.

Рис. 2. ***Фёдор Филиппович Ларионов (1876-1951)***

Вторым событием, предопределившим выбор его профессии, для Александра Кузякина стало чтение в библиотеке Тюменского музея книги «Украинский степной заповедник Чапли (Аскания-Нова)». Прекрасно иллюстрированная, с увлекательными рассказами о животных, она произвела сильнейшее впечатление на подростка. Он принимает решение поехать туда и стать зоологом. На фоне его интересов это было закономерно.

В 1929 г. поголовная коллективизация сельского хозяйства затронула и семью Кузякиных. Она попала под раскулачивание. Дети разбежались. Семья Бакош уехала в Румынию. Шура вынужден был бросить школу, не закончив 7-го класса. Сбежав от местных властей, он добрался до Москвы, преимущественно в багажных ящиках под вагонами. Было ему тогда 14 лет.

Путь в Асканию-Нова лежал через Москву, куда Александр приехал

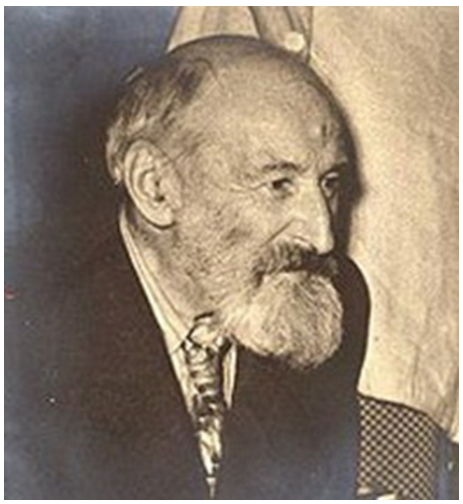


Рис. 3. ***Пётр Александрович Мантейфель (1882-1960)***

в апреле 1930 г. Здесь необходимо было сделать пересадку на другой поезд, идущий на Украину. Узнав, что тот отправляется вечером, Александр решил побывать в зоопарке. Там планы 15-летнего паренька поехать в Асканию-Нова неожиданно изменяются. Это происходит после знакомства с заместителем директора зоопарка по научной работе Петром Александровичем Мантейфелем. При содействии директора зоопарка старого большевика Евгения Михайловича Климека Александр остаётся работать там. Вначале он был учеником, а потом помощником препаратора-таксидермиста П. С. Николаева. Через неделю Саша сдал своеобразные «экзамены» и стал членом кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗа).

Кружок того времени был весьма разновозрастным по составу. Среди старших в нем были Георгий Васильевич Никольский, Николай Алексеевич Гладков, Николай Иванович Калабухов, Борис Петрович Мантейфель и другие, ставшие позднее известными отечественными зоологами. В своих воспоминаниях Александр Петрович неизменно отмечал, что у каждого из них он чему-либо научился.

Творческим наставником КЮБЗа был Пётр Александрович Мантейфель, а непосредственным заведующим — Пётр Петрович Смолин. Работа Александра Петровича в зоопарке продолжалась до осени 1932 г.

Связь с КЮБЗом Александр Петрович поддерживал всегда.

Работая в зоопарке, Александр Петрович совершил ряд поездок по стране. Зимой 1930-1931 гг. он был помощником руководителя по заготовке живых хищников для зоопарка на Северном Урале. Летом 1931 г. Александр Петрович параллельно с Сергеем Павловичем Наумовым проводил занятия по полевой практике студентов-охотоведов на

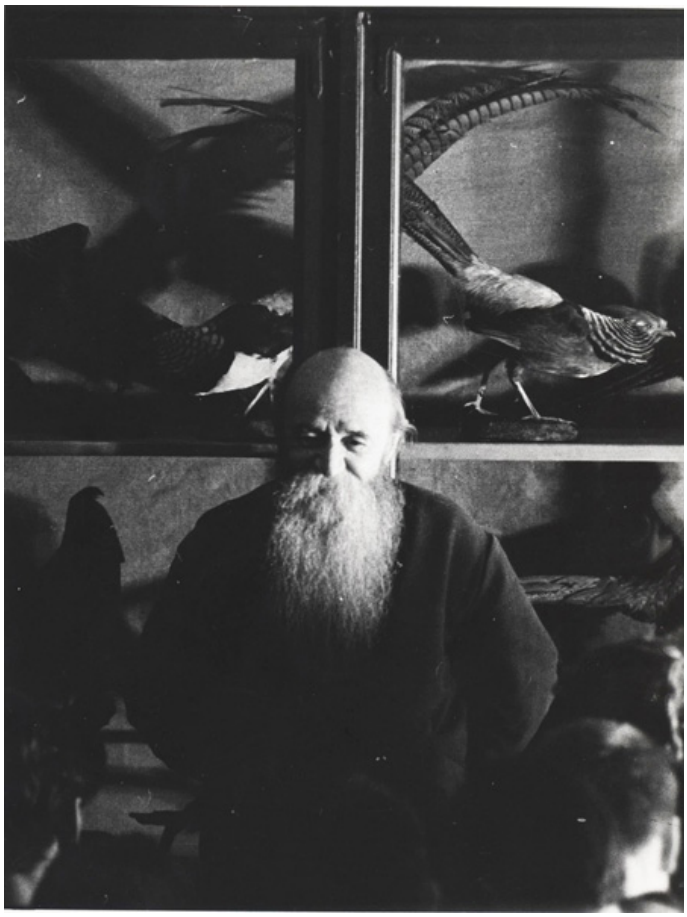


Рис. 4. ***Пётр Петрович Смолин (1897-1975)***

Рис. 5. ***Роман Николаевич Мекленбурцев (1905-2002)***

Средней Волге. С апреля по июнь 1932 г. с двумя кружковцами он был занят заготовкой живых рептилий в Туркмении. Попутно собирались мелкие зверьки-землеройки, рукокрылые и грызуны. В сентябре того же года Александр Петрович был командирован в Ташкент закупать виноград для приматов. Во время этой поездки состоялось его знакомство с доцентом местного университета Романом Николаевичем Мекленбурцевым, который изучал летучих мышей. Александр Петрович тоже занялся их сбором и за две недели командировки сумел добыть девять видов рукокрылых. Одновременно он учился у Романа Николаевича добывать летающих зверьков и правильно обрабатывать их для научных коллекций. Так изучение рукокрылых стало для Александра Петровича делом на всю жизнь.

Вернувшись в Москву, он передал собранных рукокрылых в лабораторию профессора МГУ Сергея Ивановича Огнёва, который предоставил ему здесь место для их обработки. Так Александр Петрович на несколько лет оказался в окружении Александра Николаевича Формозова, Николая Павловича Наумова, Павла Алексеевича Свириденко, Авенира Григорьевича Томилина, Сергея Ульяновича Строганова, Ивана Дмитриевича Кириса, Алексея Михайловича Колосова, Бориса Михайловича Житкова, Николая Алексеевича Бобринского. Общение с ними оказало несомненное воздействие на становление молодого исследователя.

Обработанные материалы по рукокрылым позднее легли в основу первой публикации Александра Петровича — «Летучие мыши г. Ташкента и систематические заметки о некоторых формах Chiroptera с Кавказа, Бухары и Туркмении» [1].

Рис. 6. ***Сергей Иванович Огнёв (1886-1951)***

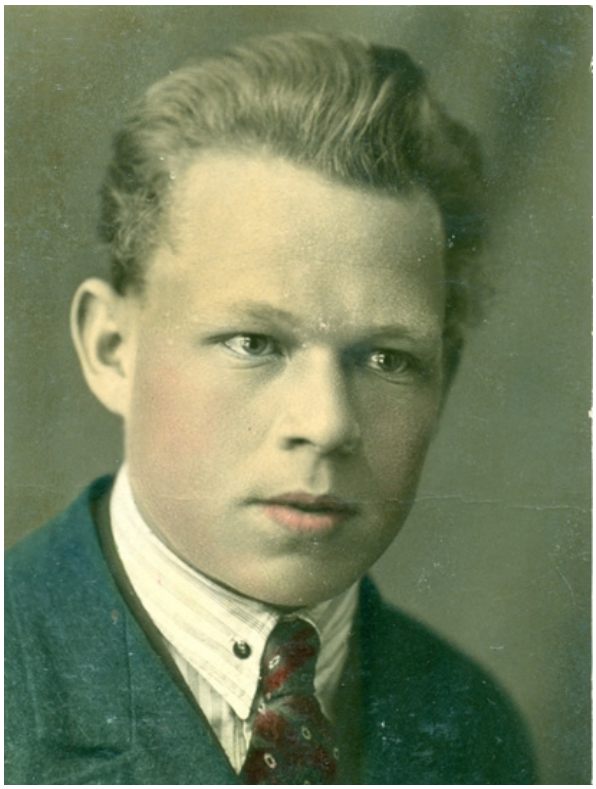


Рис. 7. ***А. П. Кузякин, 1935 г.***

В октябре 1932 г. Александр Петрович поступает на рабфак при Московском институте пушно-мехового хозяйства (в г. Балашиха). В летние каникулы 1933 г. , по рекомендации Сергея Семёновича Фолитарека, он проводил изучение биологии и промысла крота в тульских засеках. Итогом этой поездки стала публикация «Материалы по биологии крота *(Talpa europaea* L.*)* тульского широколиственного леса» [2].

В июне 1935 г. Александр Петрович перевёлся в Московский университет, а ранее, в январе 1934 г., он подписал с Зоологическим институтом АН СССР договор на подготовку им монографии по рукокрылым для серии «Фауна СССР». В инструкции для авторов «Фауны», кроме морфологической характеристики, распространения и биологии, требовалось излагать хотя бы предположительные родственные соотношения с таксонами того же ранга. Последнее требование Александр Петрович счёл как самую важную, самую научную часть любой систематической монографии.

При выполнении им этого требования, в фауне СССР он обнаружил 8 пар близких видов с общими (перекрещивающимися) ареалами. Пары этих ареалов располагались так, что и в прошлом они не были разобщены, т. е. их перекрывание было первичным. При морфологической близости, отсутствии переходных форм и первичной общности пространственного распределения было непонятно: как мог один вид произойти от другого, чтобы крайние формы их сохранились, а промежуточные вымерли. Обнаруженный факт не укладывался в дарвинскую схему дивергенции.

После длительных раздумий, в октябре 1934 г., пришла идея, что новые виды возникли не путём географической дивергенции, а внутри ареала родоначального вида в форме качественного скачка, подобно, например, образованию полиплоидных видов у растений. С тех пор эта идея неотступно преследовала, отвлекала от других дел и вызывала сомнение в правильности.

Для её подтверждения или отказа от неё понадобилось подобрать как можно больше фактического материала. С этой целью Александр Петрович обработал коллекции 17 музеев, а также провёл наблюдения и сборы в естественных местах обитания рукокрылых. Эти сборы послужили началом его обширной личной коллекции зверьков. В общей сложности обработано более 10 тысяч музейных экспонатов и десятки тысяч зверьков в природе прошли через руки Александра Петровича. Всё полностью под-

твердило правильность изложенной выше идеи.

В 1938 г., закончив текст монографии по рукокрылым «Фауны СССР», Александр Петрович приступил к изложению своей теории вида и видообразования. В ноябре I939 г. смысл теории был доложен на заседании секции зоологии Московского общества испытателей природы (МОИП). В апреле I940 г., после доработки ряда разделов, состоялось второе выступление Александра Петровича на эту тему с публикацией тезисов доклада (1940) [3]. В мае 1941 г. было третье его выступление с докладом на конференции АН Украинской ССР (в Киеве), посвящённой теории вида и видообразования. Тезисы этого доклада также напечатаны (1941), но очень малым тиражом. Полный текст теории впервые был опубликован в «Трудах Института зоологии и паразитологии» АН Узбекской ССР в Ташкенте в 1956 г. [4]. Однако эта публикация была без рисунков, без карт ареалов и с большим количеством опечаток, искажающих смысл содержания.

Второе издание полного текста вышло в 1958 г. в «Ученых записках Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской»[5]. Оно и стало основным изданием. В 1957, 1958 и I959 гг. двумя изданиями теория опубликована в объёме лекций на китайском языке (в Чанчуне и Пекине) [6, 7].

Тезисы докладов по этой же теории были опубликованы ещё трижды — в 1970, 1982 и 1983 гг. [8-10]. Такой оказалась судьба концепции видообразования, разработанной Александром Петровичем [1].

Можно предположить, что и в жизнь самого Александра Петровича его теория видообразования внесла коррективы. В первые годы расцвета лысенковщины «народный академик» дважды выступал в Московском университете. Одна из его лекций, проходившая в Коммунистической аудитории старого здания на Моховой улице, была посвящена внутривидовой и межвидовой борьбе. Результатом её стало увольнение из университета Александра Николаевича Формозова. Вторая лекция проходила в осеннем семестре 1950 г. в Большой зоологической аудитории на улице Герцена. Её темой было скачкообразное происхождение одного вида из другого: ржи из пшеницы, кукушки из пеночки и т. п. После выступления Т. Д. Лысенко Александр Петрович попытался задать ему вопрос. Начал с того, что в таком-то году он установил у летучих мышей скачкообразное происхождение одного вида из другого. Вопрос ещё не был сформулирован, как последовала агрессивная реакция Т. Д. Лысенко, который закричал: «Вы за приоритет? Возьмите его!». Эта реплика академика окончилась для Александра Петровича увольнением из МГУ.

Автор сообщения так подробно касался выше сказанного потому, что сам Александр Петрович оценивал эту идею, как самое важное и существенное из всего сделанного им в науке.

Возвращаясь к научной деятельности Александра Петровича Кузяки-

---

[1] Своё освещение истории теории видообразования А. П. Кузякина представил И. С. Даревский в статье «История несостоявшейся эволюционной теории» (см. журнал «Природа», 1997, № 8, с. 121-128). — *Прим. Л. Н. Мазина.*

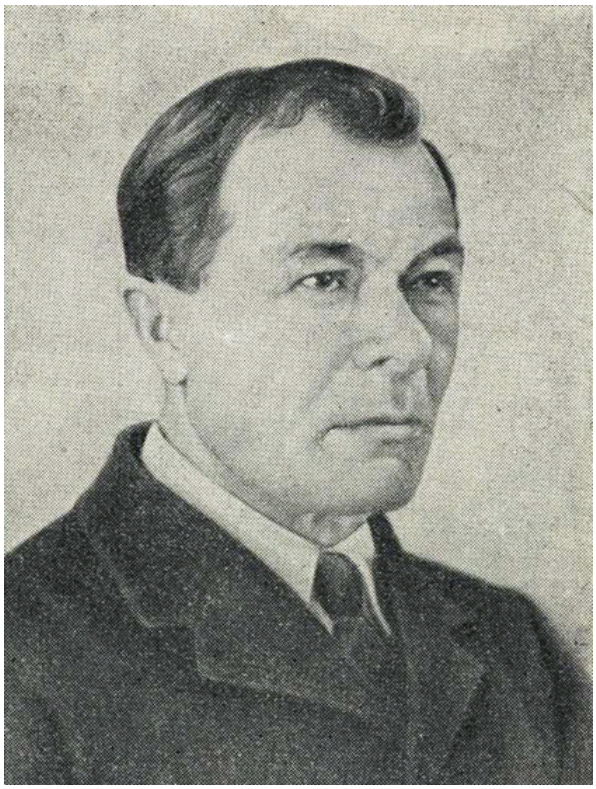


Рис. 8. ***Николай Иванович Латышев (1886-1951)***

Рис. 9. ***Анатолий Александрович Смородинцев (1901-1986)***

на, отмечу, что с 1935 г. произошло расширение его научных интересов. Это связано с участием Александра Петровича в экспедициях по изучению природных очагов болезней опасных для человека. Он стал медицинским зоологом, но одновременно продолжил сбор материала по рукокрылым.

В 1935 г. под руководством профессора Николая Ивановича Латышева Александр Петрович принимал участие в работе Таджикского института тропических болезней по изучению очагов клещевого спирохетоза в этой республике. В 1937 г. он совместно с Н. И. Латышевым работал в очагах сезонного (кожного) лейшманиоза в юго-восточной Туркмении — близ Тахта-Базара, погранзастав Рабат-Кошан и Турашек, а также станции Ташкепри. Находясь в Туркмении, Александр Петрович совершил свою первую поездку в Бахарденскую пещеру, в которой обитала наиболее крупная в СССР колония летучих мышей.

В 1939 г. в сборнике студенческих работ МГУ вышла его первая работа по медицинской зоологии «Материалы по экологии млекопитающих Кашано-Мургабской долины с учётом роли их в эпидемиологии кожного лейшманиоза» [11]. В ней он первым из териологов показал роль млекопитающих (в данном случае большой песчанки) в очагах кожного лейшманиоза.

Летом того же года Александр Петрович принимал участие в изучении очагов кожной формы общего лейшманиоза (годовика) в пределах восточного Закавказья. Материалы этой поездки стали источником его новой публикации, в которой он высказал гипотезу, что «в отличие от пустынной (язвенной) формы

Рис. 10. ***А. П. Кузякин, 1941 г.***

в азербайджанских очагах компонентами эпидемиологической цепи является не грызун — москит — человек, а больной человек — москит — здоровый человек» [12: с. 118].

В 1940 г. в составе отряда профессора Анатолия Александровича Смородинцева экспедиции Наркомздрава СССР Александр Петрович занимался исследованием природных очагов клещевого и комариного энцефалитов, а также риккетсиозов и геморрагической лихорадки на Дальнем Востоке.

Её итогом стали две работы А. П. Кузякина [13, 14], в которых изложены его взгляды о месте различных позвоночных Уссурийского края в эпизоотологии и эпидемиологии клещевого энцефалита.

Прежде всего он отмечал резко выраженную полизоидность личинок и нимф (более 60 видов млекопитающих и не менее 30 видов птиц) и «называть грызунов или насекомоядных основными хозяевами личинок и нимф нет основания» [14: с. 71], а это «даёт право утверждать, что грызуны, насекомоядные млекопитающие и все птицы, изучению которых уделялось основное внимание, практически (с точки зрения рациональной противоклещевой профилактики) никакого интереса не представляют» [13: с. 6].

По мнению одного из авторитетных эпидемиологов нашей страны Эдуарда Исаевича Коренберга эти представления А. П. Кузякина в дальнейшем полностью подтвердились по крайней мере в отношении нимф [15].

Во-вторых, Александром Петровичем была выделена особая роль прокормителей имаго для существования очагов клещевого энцефалита. В дикой природе её выполняют дикие копытные и крупные хищники, а в обжитой тайге — домашние животные.

Такая насыщенная исследовательская работа дала свои плоды. К пятому курсу университета Александр Петрович закончил 12 научных работ.

В 1941 г. Александр Петрович Кузякин окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

В тот же год решением санитарного управления Красной Армии он направлен на работу в дезотделение № 2 Московской городской дезинфекционной станции. В этот период он обследовал случаи заболевания крысиными риккетсиозом и лептоспирозом в Москве, а также уделил большое внимание вопросам дератизации. В июле 1942 г. решением Наркомздрава СССР Александр Петрович переведён из дезстанции в Московскую наблюдательную противочумную станцию. В течение трёх лет (1942-1944 гг.) он

неоднократно командировался для проведения мероприятий по ослаблению и ликвидации эпидемических очагов туляремии на разных участках Центрального, Сталинградского и Калининского фронтов.

За успешное выполнение заданий командования Александр Петрович был награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В октябре 1944 г. Александр Петрович окончил аспирантуру, а в декабре защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сезонная пендинка, факторы её очаговости и меры массовой профилактики». Следствием этого события стало присуждение ему в декабре 1944 г. учёной степени кандидата биологических наук.

В 1944-1945 гг. Александром Петровичем проведены специальные работы по дератизации в лечебно-санитарном управлении Кремля.

В 1945-1947 гг. он трижды работал в Аральском очаге чумы. В эти же годы внимание А. П. Кузякина привлекала проблема природной очаговости и разработки мер профилактики туляремии. По ней он опубликовал две сравнительно небольших статьи с одинаковым названием [16, 17]. Фактически это была одна работа (ибо сам Александр Петрович считал первую публикацию сознательно искажённой редактором. — *Прим. Л. Н. Мазина*). В ней автор в числе первых на эпидемиологических принципах осуществил районирование огромного нозоареала туляремии и выделил в нём три очаговые области — степную, среднерусскую и Обь-Иртышскую.

В ноябре 1946 г. Александр Петрович Кузякин был утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника.

В 1950-е годы медико-зоологическая деятельность Александра Петровича связана с анализом и обобщением его богатого практического опыта в этой области. Одновременно это время признания его авторитета в ней, ибо он был приглашён для написания ряда статей в одном из энциклопедических изданий [18-21].

Кроме того, из-под его пера вышла целая серия статей о серых крысах и основных вопросах дератизации [22-26]. Среди этих работ особого внимания заслуживает «История расселения, современное распространение и места обитания пасюка в СССР» [24]. В ней Александр Петрович впервые показал ареал этого зверька в нашей стране и выделил в нём три участка.

В работе о размножении крыс в городах им на большом фактическом материале обстоятельно показано, что в этих условиях пасюк имеет очень низкую фактическую плодовитость; однако, несмотря на последнее обстоятельство, серые крысы не только покрывают отход поголовья от разных причин, включая целенаправленное истребление человеком, но дают неуклонный и весьма значительный общий прирост поголовья [25].

Эти выводы Александра Петровича пришли в противоречие с практикой дератизации, основанной на ложных представлениях, что одна пара крыс в течение года может дать приплод в 850 особей. Именно эти представления одним из первых он разрушил. На основе своих выводов Александр Петрович в очередной раз пришёл к мысли, что существующая

система и методика крысоистребления в городах нуждаются в коренном улучшении.

Таким образом, отечественная экология постепенно приходила к осознанию авторегуляции численности популяций. Однако Вторая Всесоюзная экологическая конференция, проходившая ещё во времена лысенковщины в 1950 г. в Киеве, наложила табу на изучение факторов эндогенного характера. В результате подготовленная исследованиями отечественных экологов — Николая Ивановича Калабухова, Александра Петровича Кузякина, Ивана Дмитриевича Стрельникова и Александра Николаевича Формозова — теория эндогенной динамики популяций пришла к нам из-за рубежа в работах Д. Читти, Д. Христиана и Д. Дэвиса.

Общим итогом исследований по серой крысе стала широко известная работа Александра Петровича «Биологические основы дератизации» [27].

В этот же период он продолжал заниматься и общими вопросами медицинской зоологии, а также их связью с разрабатываемым им новым направлением в географической науке — ландшафтной зоогеографией, о чём свидетельствует ряд его работ [28-30].

Александр Петрович, внёс свою лепту в медицинскую зоологию и на педагогическом поприще. Он подготовил и в течение 16 лет (1946-1962 гг.), с некоторым перерывом, приватно читал теоретический курс «Медицинская зоология (природные зоонозы и экологические основы их профилактики)» на кафедре военной эпидемиологии Центрального института усовершенствования врачей (ныне Российской медицинской академии последипломного образования). Многие годы слушателями курса были также студенты биологического и географического факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова. Как спецкурс «Медицинская зоология» преподавалась Александром Петровичем студентам биолого-химического и географо-биологического факультетов МОПИ им. Н. К. Крупской (в том числе и автору этого сообщения).

В годы работы Александра Петровича в Китайской Народной Республике лекции этого курса прослушало большое количество аспирантов и усовершенствовавшихся преподавателей зоологии и зоогеографии пединститутов и университетов Китая. В 1958 г. в Чанчуне этот курс был опубликован на китайском языке в III части цикла лекций Александра Петровича «Практическая экология животных» [6]. На основе этого курса в 1963 г. в 126-м томе «Учёных записок МОПИ им. Н. К. Крупской» А. П. Кузякиным в конспективном виде была опубликована одноимённая статья [27].

Свой интерес к медицинской зоологии Александр Петрович сохранил до конца своей жизни. Так, в 1983 г. он принимал активное участие в работе I Всесоюзного совещания «Экология и медицинское значение серой крысы», а в 1984 г. — Всесоюзной конференции «Проблемы дезинфекционного обслуживания крупных градостроительных объектов», которые проходили в Москве (МГУ и Дезстанции ГУЗМ). Последней публикацией Александра Петровича по этой тематике стала работа «Несоответствие между экологией серой крысы и современной дератизацией» [31].

Всё названное свидетельствует о весомом вкладе Александра Петро-

Рис. 11. ***Камышин, 1949 г. Комплексный отряд МГУ и АН СССР***

вича в развитие медицинской зоологии и в дело подготовки специалистов по ней в нашей стране и за рубежом.

Вторым практическим направлением в деятельности Александра Петровича Кузякина была сельскохозяйственная зоология.

Осенью 1948 г. Александр Петрович совершил поездку в Камышин и Сталинград на совещание по созданию государственных полезащитных лесных полос. В 1949 г. он руководил комплексным отрядом МГУ и АН СССР по изучению природных условий района государственной лесной полосы Камышин — Сталинград. Итогом этих работ стала одноимённая публикация [32].

В том же году он опубликовал серию статей, посвящённых проблеме защиты лесных полос от грызунов, и сформулировал задачи зоологов в этой связи [33-35].

Свидетельством авторитета Александра Петровича в области медицинской и сельскохозяйственной зоологии, сложившегося уже к 1950-м годам, можно считать предложения Н. А. Бобринского и Б. С. Матвеева подготовить раздел в их учебнике «Курс зоологии» [36-37].

В 1950-1952 гг. Александр Петрович возглавлял объединённый зоологический отряд по изысканию и усовершенствованию новых методов защиты лесных насаждений от сусликов и других грызунов. Разработанные им совместно с сотрудниками Сталинградской противочумной станции Давидом Соломоновичем Резинко и Николаем Ивановичем Макаровым методы были опубликованы в ряде работ и внедрены в производство [38-40].

Рис. 12. ***Александр Андреевич Шило, Сергей Семёнович Фолитарек, Леонитий Абрамович Барабаш***

На рубеже 1950-1960-х годов Александр Петрович вновь занимался сельскохозяйственной териологией: по приглашению С. С. Фолитарека он работал в Барабинской комплексной экспедиции по борьбе с водяной полёвкой (крысой). В лесостепной полосе Западной Сибири в каждое десятилетие этот грызун давал вспышки массового размножения. В прежние годы «крысиной напасти», если с грызунами не велась борьба, урожай на многих тысячах гектаров уничтожался полностью. Не оставалось не только зерна, картофеля и овощей, но даже не хватало сена на зимний прокорм скоту. В некоторых местах крестьяне покидали целые деревни, оставляя несколько человек для охраны домов и летней пастьбы скота.

Исследовательские работы проводились в окрестностях села Кама, что в 70 км к северу от города Барабинска. Александр Петрович приезжал на всё лето с группой студентов и брал с собой свою семью — жену Валентину Ивановну и детей Таню и Володю. Работы хватало всем. По инициативе А. П. Кузякина начальник экспедиции С. С. Фолитарек, а по его представлению Президиум Сибирского отделения АН СССР и Министерство сельского хозяйства РСФСР приняли решение на разработку авиационно-приманочного метода защиты посевов от катастрофически размножившейся водяной полёвки. Было ясно, что только с помощью авиации имелись шансы сократить численность вредителя на сотнях тысяч гектаров Новосибирской, Омской и юга Тюменской областей. Идея состояла в том, чтобы найти охотно поедаемую полёвкой приманку, причём, она должна быть сыпучей, т. е. пригодной для рассева с самолётов и вертолётов.

Рис. 13. ***Павел Александрович Пантелеев, Валентина Ивановна Комкова, Александр Петрович Кузякин***

После многочисленных опытов было установлено, что лучшие приманки — это размоченные горох и кукуруза. В качестве яда был использован чёрный порошок фосфида цинка. На зерне он закреплялся с помощью растительного масла, которое одновременно увеличивало привлекательность приманки для грызунов. Опытным путём определялось необходимое время для размачивания зерна, количество масла и порошка яда на определённую массу зерновой основы. Разрабатывалась норма рассева готовой приманки, выяснялись сроки её пригодности в полях рассева, возможное влияние на фауну полезных животных, и, наконец, практическая эффективность метода. Всей этой научно-поисковой работой руководил Александр Петрович и его первый помощник Павел Александрович Пантелеев.

Огромная работа велась по подготовке полевых аэродромов, где непосредственно перед заправкой самолётов «Як-12» и вертолётов «Ка-15» из отряда сельхозавиации в специальных бункерах готовилась приманка. Организация этой стороны общего мероприятия лежала на плечах Сергея Семёновича. Одновременно большой объём дел проводил отряд Анатолия Александровича Максимова по обследованию очагов водяной полёвки. Ход исследований неоднократно обсуждался на совещаниях с участием представителей МСХ РСФСР, Президиума СО АН СССР, а опытно-практические работы находились под контролем Новосибирского обкома КПСС. Вряд ли ещё найдутся какие-либо зоологические мероприятия, которые имели бы такое внимание со стороны государства. В истории СССР было толь-

Рис. 14. ***Анатолий Александрович Максимов и Александр Петрович Кузякин***

ко единственное решение Правительства РСФСР по организации борьбы с водяной крысой.

Авиационно-приманочным методом защиты посевов от водяной полёвки, главным идейным автором которого был Александр Петрович Кузякин, в Новосибирской, Омской и на юге Тюменской областей обработаны сотни тысяч гектаров полей. Ведущие авторы метода были удостоены медалей ВДНХ СССР.

Этому отрезку научно-практической деятельности А. П. Кузякина и близким к нему вопросам посвящён ряд его публикаций [41-46].

Для дальнейшего рассказа о жизни и деятельности Александра Петровича Кузякина необходимо вернуться в 1950-е годы.

В 1950 г. вышла из печати монография Александра Петровича «Летучие мыши (систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства)» [47]. В ней подведён итог многолетних исследований учёного этой группы млекопитающих. Книга стала этапной в жизни автора. Она послужила фундаментом докторской диссертации Александра Петровича на тему «Рукокрылые Средней и Северной Палеарктики», которую он защитил в том же году. Учёная степень доктора биологических наук присуждена ему в феврале 1951 г.

В своей книге Александр Петрович предстал как разносторонний исследователь — эрудированный систематик, тонкий эколог и прозорливый филогенист. Одновременно книга стала важной вехой в советской хироптерологии. Все последующие поколения отечественных исследователей рукокрылых ведут отсчёт от книги Александра Петровича. Сам он стал

признанным лидером в этой области у нас в стране. Его ведущую роль признали и зарубежные коллеги. И в дальнейшем рукокрылые неизменно оставались в поле зрения Александра Петровича.

После создания в 1973 г. Всесоюзного териологического общества (ВТО) АН СССР и образования в нём комиссии по рукокрылым, которую он возглавлял, деятельность Александра Петровича в этой области териологии получила новый импульс. К 1988 г., совместно с Петром Петровичем Стрелковым, Михаилом Фотиевичем Ковтуном и Валерием Александровичем Орловым, проведено четыре Всесоюзных совещания по этой группе млекопитающих. Опубликованы сборники трех совещаний.

В 1980 г. в серии ВТО «Вопросы териологии» под редакцией Александра Петровича и его ученика Константина Константиновича Панютина вышел том «Рукокрылые (Chiroptera)», в котором большим коллективом авторов обобщены материалы изучения группы на современном этапе. Александром Петровичем Кузякиным в нём подготовлена статья методического плана [48].

К. К. Панютин, оценивая роль Александра Петровича в изучении рукокрылых СССР писал, что важнейшей его заслугой «было упорядочение их систематики и номенклатуры. Во-первых, им была восстановлена система описаний на видовом уровне, вместо явно неудачного и спорного подвидового. … Во-вторых, была преодолена процветавшая до этого тенденция «видодробительства», явно тормозившая дальнейшее изучение группы. … В третьих, проведена ревизия обоснованности выделения родов нетопырей, кожанов, двухцветных кожанов и кожанков и они объединены в один полиморфный род кожанов и нетопырей. … В-четвёртых, … — осмысленное упорядочение им русских названий этих животных. Для популяризации же рукокрылых в природоохранных целях осмысленные названия их особенно важны» [49].

Александр Петрович Кузякин внёс весомый вклад и в систематику других групп млекопитающих. Подготовленный им совместно с Н. А. Бобринским и Б. А. Кузнецовым «Определитель млекопитающих СССР» стал настольной книгой для всех териологов страны. И сейчас ещё по многим группам зверей он не утратил своего значения.

Первое издание «Определителя» вышло в 1944 г. в издательстве «Советская наука» [50]. Александр Петрович в нём подготовил материал по отряду рукокрылых и совместно с Н. А. Бобринским — по отряду насекомоядных. С этого издания познание фауны летучих мышей фауны СССР получило капитальную основу. С него же прекратился хаос в отношении землероек, текст по которым написал А. П. Кузякин. Время было тяжёлое и книга издана на газетной бумаге.

Второе издание «Определителя», выпущенное издательством «Просвещение» в 1965 г. [51], было значительно изменено в сравнении с предыдущим выпуском.

Александру Петровичу в этом издании «Определителя» принадлежат, помимо общей редакции книги, полный список млекопитающих фауны СССР, глава «Основные сведения по систематике», общая характеристика класса млекопитающих, тексты и карты ареалов по отрядам насекомояд-

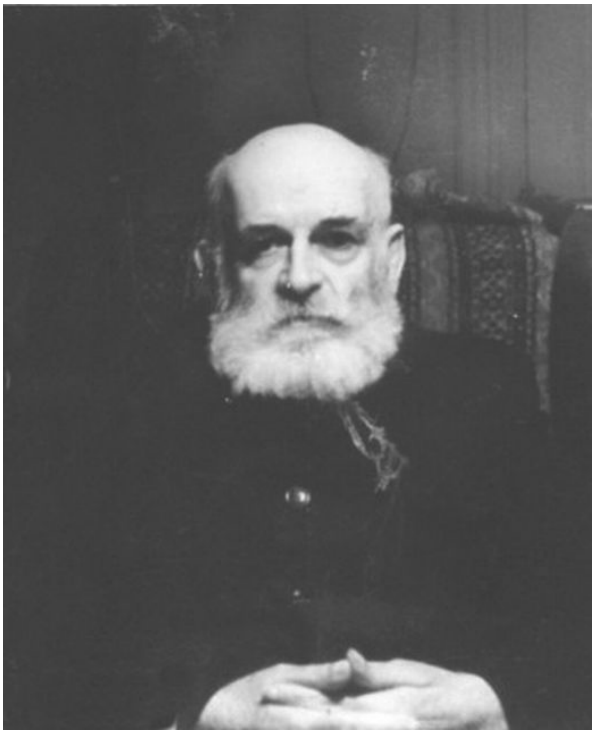


Рис. 15. ***Николай Алексеевич Бобринский (1890-1964)***

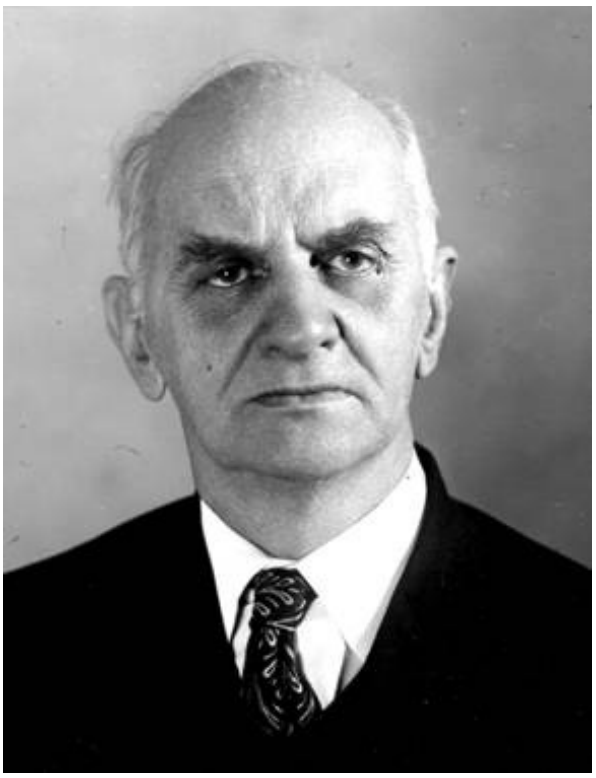


Рис. 16. ***Борис Александрович Кузнецов (1906-1979)***

ных и рукокрылых, а также 35 карт ареалов грызунов. Картам ареалов Александр Петрович всегда придавал особое внимание, Так, в статье «О кадастровых картах распространения рукокрылых» он писал: «Все мы нуждаемся в предельно точных, так называемых кадастровых картах, на которых каждый знак был бы под особым номером, а в прилагаемом тексте было бы указано: по какому источнику этот знак нанесён на карту» [52: с. 43].

Определитель иллюстрирован цветными рисунками художников Николая Николаевича Кондакова и Ольги Флорентьевны Хлудовой.

Выход «Определителя» пришёлся на годы апофеоза подвидоописательства. Во всех сводках того времени морфология и экология животных давались в рамках подвидов. В последующие десятилетия было показано, что многие из них представляют собой адаптивную географическую изменчивость, не имеющую наследственного характера, как того требует подвидовой статус. «Определитель млекопитающих СССР» был построен на видовом уровне, и на фоне эпохи попыток видового распада стал важным фундаментом сохранения главнейшей таксономической категории — вида. Это видно из трактовки Александра Петровича понятия «систематика» — «наука о видах животных и растений, о формах внутривидовой изменчивости и объединении видов в систематические группы, или категории, разного ранга» [51: с. 17].

«Определитель млекопитающих СССР» вошёл в золотой фонд отечественной биологической науки. Помимо прикладного значения, состоящего в определении вида и его распространения, он имел также немаловажное теоретическое значение. Оно заключалось в упомянутой выше

главе об основных сведениях по систематике. В ней Александр Петрович дал достаточно подробный анализ состояния систематики того времени, изложил основные правила биологической номенклатуры, аргументировал проблему расположения видов и групп внутри системы.

В последние годы жизни учёного в его планах стояла подготовка третьего издания «Определителя». Была проделана большая предварительная работа: продуманы предполагаемые таксономические ревизии ряда групп, набор и структура таблиц с морфометрическими данными, форма картографического материала, иллюстрации, макет книги. Затем начался сбор фактического материала, в котором было задействовано большое количество студентов МОПИ им. Н. К. Крупской. К сожалению, всё это осталось незаконченным.

Ещё одной группой систематических исследований А. П. Кузякина были грызуны. Среди работ о них наиболее важной можно оценить его статью «К систематике грызунов фауны СССР» [53], которая вышла в свет в 10-м томе трудов МОИП. В ней на основе морфолого-географического метода, используемого автором, были сделаны изменения в системе сразу нескольких родов: сурков, сусликов, мышовок, серых полёвок и цокоров (Marmota, Citellus, Sicista, Microtus и Myospalax).

Во всех работах по систематике прослеживается принадлежность Александра Петровича к специалистам фенетического типа, которые строили свои системы на основе кладистических подходов сходства и различия. Из наиболее известных зарубежных териологов к этому же типу систематиков относился Дж. Эллерман. Не владея методами палеонтологии, А. П. Кузякин не стремился данные палеонтологической летописи включать в аналитический комплекс системного порядка. Отличительной чертой его построений была чёткая определённость прежде всего морфологических показателей. При обсуждении какого-либо практического вопроса систематики Александр Петрович мог долго колебаться между альтернативными вариантами, но приняв какое-либо решение, старался упорно его отстаивать.

Мною уже упоминалось мнение К. К. Панютина о роли Александра Петровича в упорядочении русских названий рукокрылых. Это не было эпизодом в его деятельности. С 1934 г. и до конца своей жизни он целенаправленно и многосторонне занимался этим вопросом — с рукокрылыми, грызунами, млекопитающими в целом, птицами, булавоусыми чешуекрылыми. Для него, систематика по натуре, это было естественным продолжением научного интереса. По мнению Александра Петровича, разработка национальных названий животных составляет важную задачу зоологической систематики.

Первым из соотечественников на необходимость упорядочения русских названий животных обратил внимание академик Лев Семёнович Берг. В 1932 г. он предложил это в общей форме, а в 1940 г. в получившей всемирную известность монографии «Система рыбообразных и рыб ныне живущих и ископаемых» осуществил унификацию как латинских, так и русских названий крупных таксонов. Окончания русских названий, приводимые в ней, ориентируют читателя на ранг таксона.

Рис. 17. ***Киргизия, ст. Кара-Балта, школа, конец июля 1974 г.***

Следуя примеру Л. С. Берга, Александр Петрович в «Определителе млекопитающих СССР» [51] упорядочил названия всех зверей фауны СССР. Семейства получили окончания «-овые» (или «-евые»), соответственно латинскому «-idae», родовые — множественное число, даже если род монотипический.

В начале 1970-х гг. в рамках Всесоюзного териологического общества была создана комиссия по унификации русских названий, в работе которой самое активное участие принимал Александр Петрович. Первым результатом её работы стал доклад Игоря Михайловича Громова, Александра Петровича Кузякина и Павла Александровича Пантелеева «О русских названиях грызунов фауны СССР» [54] перед участниками V Всесоюзного совещания по этой группе животных, проходившего в декабре 1980 г. в Саратове. Продолжением деятельности комиссии был доклад Александра Петровича «Об упорядочении русских названий зверей» [55], сделанный в рамках работы III съезда Всесоюзного териологического общества (Москва, февраль 1982 г.).

Ещё одним естественным течением многосторонней деятельности Александра Петровича было зоологическое коллекционирование, которому он придавал исключительное значение при изучении всех групп животных. Как известно, сборы рукокрылых в естественных местах их обитания послужили началом его обширной коллекции зверьков. Это была одна из трёх личных коллекций Александра Петровича. Все они располагались в его кабинете обычной московской трёхкомнатной квартиры в «хрущёвской» пятиэтажке. Почти из каждой своей поездки А. П. Кузякин привозил

обработанные им тушки различных млекопитающих.

Постоянно растущую его териологическую коллекцию отличало тщательное препарирование материала (сказывалось влияние таксидермической школы московского зоопарка), прекрасные по форме и содержанию этикетки и глубоко продуманная размерность всех ёмкостей, в которой располагались экспонаты.

Во всей красе эту коллекцию Александр Петрович с явным удовольствием демонстрировал многочисленным и разноязычным своим гостям — участникам Первого международного териологического конгресса, который проходил в Москве в июне 1974 г.

В последние годы, когда плохое зрение стало сопровождать жизнь учёного, он не перестал работать с коллекцией зверьков и даже делал это оригинальным способом. После своей последней поездки в Брно (в 1980 г.) к своему чешскому ученику Иво Грулиху он привёз реализованную там идею очистки черепов млекопитающих с помощью жуков-кожеедов. С той поры в помещении ванной комнаты квартиры учёного постоянно находилась ёмкость, в которой делали своё дело эти прожорливые насекомые.

Насекомоядные

Рукокрылые

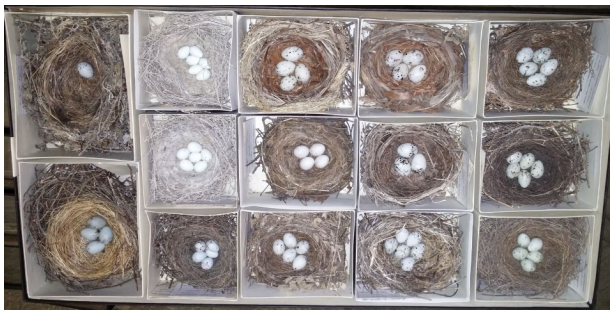
Хищные

Грызуны

Рис. 18. ***Фрагмент териологической коллекции А. П. Кузякина***

Сейчас с териологической коллекцией А. П. Кузякина, которая насчитывает более 1200 экземпляров представителей отрядов рукокрылых, насекомоядных, грызунов, зайцеобразных и хищных, можно познакомиться в фондах Государственного Дарвиновского музея в Москве.

Теперь необходимо вновь вернуться в 1950-е годы. Этот период в деятельности Александра Петровича можно определить и как время возобновления интереса к орнитологии, который появился ещё в детстве. В это время он совершил поездки в Причерноморье, на Новую Землю, на Иман и Бикин, в Беломорье и Приамурье, на Чукотку. Активные ор-



Гнёзда и кладки соколов

Кладки кайр и окружающие их камни

Стройматериал и кладки гусей

Рис. 19. ***Фрагмент оологической коллекции А. П. Кузякина***

нитологические исследования проводились Александром Петровичем и в последующие годы.

Из каждой поездки неизменно привозились кладки птиц. Росла оологическая коллекция, которая в настоящее время насчитывает 1200 кладок 500 видов птиц отечественной фауны. Это уникальное явление национальной науки.

При создании своих коллекций Александр Петрович предварительно глубоко продумывал основную идею каждой из них. Так, орнитологическая коллекция мыслилась ему как отражение всех этапов жизни птицы: гнездо с кладкой яиц — пуховичок — взрослая особь. Аналогично сформированы собрания крупнейших музеев мира.

Имея скромные жилищные условия, Александр Петрович стал создавать эталонно-справочную оологическую коллекцию. Её первой отличительной особенностью стало тщательное препарирование материала, прекрасные по форме и содержанию этикетки и глубоко продуманные размеры всех ёмкостей, в которых расположены экспонаты.

Второй отличительной чертой оологической коллекции Александра Петровича служит наличие строительного материала гнезда, необходимого для определения. Известно, что за рубежом гнёзда хранятся отдельно от яиц.

Александр Петрович, продолжив начинание Евгения Павловича Спангенберга, стал брать всё гнездо у птиц размером до дрозда, а у остальных видов — только выстилку лотка. Такой подход весьма обогащает сведения о птице. В дальнейшем это признали и многие зарубежные оологи. Метод Александра Петровича по сбору оологической коллекции оказал влияние на всех московских оологов. Сейчас оологическая коллекция А. П. Кузякина находится в фондах Зоомузея МГУ и сохраняет мемориальный статус.

Работая в 1957-1958 гг. в Китае, Александр Петрович изучает птиц северо-восточных и южных провинций, Внутренней Монголии. Активные орнитологические исследования он проводил и в последующие годы. В них особое внимание Александр Петрович уделял методической стороне работ. Результаты своих орнитологических исследований он публикует в «Учёных записках МОПИ имени Н. К. Крупской», в сборниках МГУ «Ор-

нитология» и материалах Всесоюзных орнитологических конференций [56-61].

Тонкие наблюдения в природе и изучение коллекционного материала позволили Александру Петровичу сформулировать ряд оригинальных выводов относительно таксономического положения отдельных видов или групп птиц. Так, на основании анализа числа яиц в кладке он поставил саджу рядом с голубями, куликов — с чайками через тиркушек, крачек с тиркушками, гагар отделил от поганок. Во-вторых, Александр Петрович показал, что строительный материал гнёзд характерен для вида, он генетически заложен, и виды, живущие вместе, используют каждый свой материал. Наконец, в «Материалах по биологии колониально гнездящихся птиц» им впервые на основании совместных колоний чаек с крачками и голенастыми выведена закономерность, что крупные и сильные птицы начинают гнездиться первыми, затем появляются более мелкие и слабые.

Упомянутый мною ранее пример «Определителя млекопитающих СССР» [52] привлёк внимание орнитологов страны. Решением, принятым на IV Всесоюзной орнитологической конференции в Алма-Ате в 1965 г., была учреждена Всесоюзная общественная комиссия по выработке единых названий птиц СССР, возглавить которую поручили Александру Петровичу. Комиссия разработала общие принципы упорядочения русских названий животных, которые были изложены им на V Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде в 1969 г. [62]. Они получили одобрение её участников.

В 1950-е годы произошло и формирование ландшафтно-зоогеографических взглядов Александра Петровича. Они стали плодом его разносторонней зоологической работы и были в первую очередь перенесены для практического воплощения в проводимые им в этот период орнитологические исследования. Так родилось новое направление в отечественной географической науке — ландшафтная зоогеография, представленная в те годы преимущественно орнитогеографией. Её отличительные черты заключаются в следующем. Во-первых, предметом её изучения стало животное население ландшафта с целью выявления численно преобладающих (фоновых) видов. Во-вторых, основой такого изучения закреплялись разнообразные методы количественных учётов животных. В-третьих, основной отряд исследователей этого направления составили не географы, а зоологи.

Первой теоретической разработкой по ландшафтной зоогеографии стал доклад Александра Петровича «К вопросу о характеристике распространения наземных животных» (Киев, 1950 г.). Через год доклад был опубликован в 24-м сборнике «Вопросы географии» [63], посвящённом памяти главы советских географов академика Льва Семёновича Берга. Его мнение о зоогеографии как географической дисциплине полностью разделялось Александром Петровичем и все годы служило ему внутренней поддержкой его исследований.

Уже в годы работы Александра Петровича в КНР во второй половине 1950-х годов он знакомил китайских студентов с этим новым направлением [64].

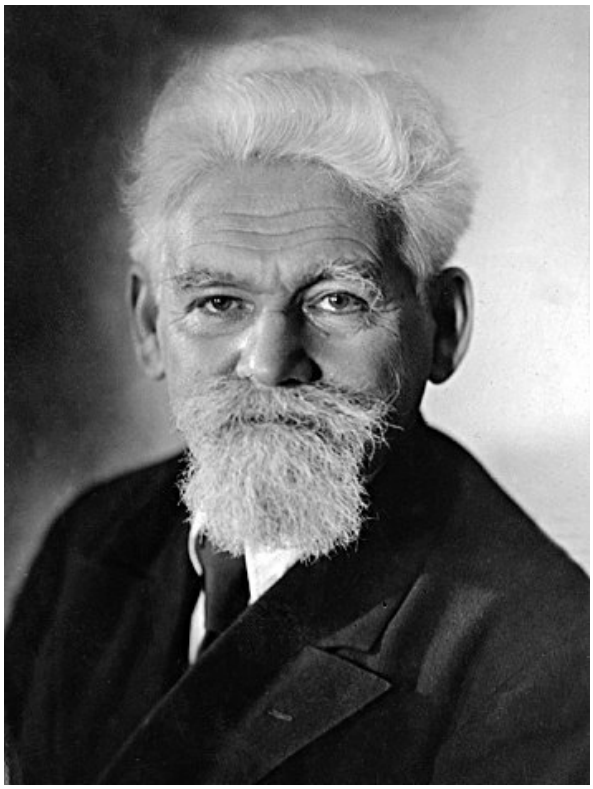


Рис. 20. ***Лев Семёнович Берг (1876-1950)***

В 1962 г. в 109-м томе «Учёных записок МОПИ имени Н. К. Крупской» вышла основополагающая работа Александра Петровича «Зоогеография СССР» [65]. Она стала настольной книгой для большого отряда зоологов и зоогеографов. В ней приведены история зоогеографии, её место в системе других научных дисциплин, методы исследований и их результаты.

В этой работе он обозначил наличие двух научных направлений — геозоологии и зоогеографии, которые принадлежат системам разных наук. Первое — это биологическая дисциплина, а второе — раздел географии. Александр Петрович показал отличие объектов их изучения. В геозоологии — распространение (т. е. ареалы) отдельных видов, систематических групп и фаунистических комплексов, а в зоогеографии — это животное население ландшафтов, ландшафтных районов и зон.

В задачи зоогеографии Александр Петрович включал «изучение количественного состава животного населения, выявление состава фоновых (ландшафтных) видов животных в разных зонах, районах и ландшафтах; изучение связей и взаимоотношений фоновых животных как между собой, так и с другими элементами географической среды, влияния животных на ландшафт в особенности; изучение изменений животного населения во времени» [65: с. 5].

До начала 1960-х годов объектами изучения в ландшафтной зоогеографии были орнито- и терионаселение. Птицы выполняли роль зоогеографического индикатора. В период 3-й Всесоюзной конференции по зоогеографии суши в Ташкенте в 1963 г. было высказано пожелание использовать в этом качестве ещё какую-либо группу животных, но из числа беспозвоночных. Александр Петрович откликнулся на это предложение и уже на следующей 4-й зоогеографической конференции, которая проходила в Одессе в 1966 г., доложил коллегам первые результаты количественных учётов булавоусых чешуекрылых на 9 хребтах западного и северного Тянь-Шаня [66].

В связи с обращением Александра Петровича к этой группе насекомых они стали предметом ещё одного его собирательства. Ему он отдал много сил. В итоге его коллекция булавоусых чешуекрылых насчитывала свыше 20 тысяч экземпляров более 700 видов отечественной фауны.

Коллекция булавоусых чешуекрылых также формировалась Александром Петровичем как эталонно-справочная. Она имеет ряд принципиаль-

Рис. 21. ***Фрагмент лепидоптерологической коллекции А. П. Кузякина***
(Виды рода Satyrus)

ных отличий. Во-первых, по соотношению двух боковых сторон коллекционного ящика. Александр Петрович осмысленно избрал соотношение 1:2, или в натуральных величинах 25:50 см. При этом, в пространстве ящик располагался длинной стороной к коллекционеру. Эта сторона становилась горизонталью, а короткая сторона — вертикалью.

Во-вторых, по вертикали располагались виды и подвиды по 2-3 ряда, а по горизонтали — экземпляры только одного пола. Их размещение слева направо, по мнению Александра Петровича, должно оказывать помощь в поисках изменений морфологических признаков вида с запада на восток или с юга на север. В верхних горизонталях до срединной линии размещались самцы, а от неё к низу самки. Крайние верхний и нижний ряды занимали экземпляры, показывающие нижнюю сторону крыльев. Экземпляры всех остальных горизонтальных рядов демонстрировали верхнюю сторону крыльев.

Такое расположение позволяет создавать, по выражению Александра Петровича, своеобразные таксономические «коврики» видового и подвидового ранга. Короткая вертикаль даёт возможность быстрее насытить эти «коврики».

В-третьих, по мысли Александра Петровича любая коллекция должна быть удобной и эстетически выдержанной. В этой связи он был категорически против размещения экземпляров бабочек черепицей, которая не отвечает этим требованиям.

В настоящее время коллекция булавоусых чешуекрылых Александра Петровича Кузякина располагается в фондах Государственного Дарвиновского музея.

Погружаясь в любое новое дело, Александр Петрович подходил к нему всесторонне и основательно. Поэтому и при создании коллекции чешуекрылых он пришёл к выводу, что состояние их систематики его не удовлетворяет, ибо это сказывается на качестве количественных учётов этой группы. Так, началась подготовка им «Систематического каталога булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) (до подвидов) фауны СССР». Редактором этого издания он предложил быть крупнейшему знатоку этих насекомых коллекционеру Анатолию Васильевичу Цветаеву. К 1979 г. работа в основном была завершена, но требовала некоторых доработок. Например, подбора ряда литературных источников. Однако другие заботы вынуждали Александра Петровича обращаться к Каталогу эпизодически, затем не стало редактора, а позднее и его автора. В итоге эта работа всё же увидела свет в 2008 г., но в сокращённом варианте — до видов [67].

Возвращаясь к истокам ландшафтной зоогеографии отмечу, что в этом направлении научной деятельности Александра Петровича он много внимание уделял чисто географическим нюансам исследований — их зонально-ландшафтной основе и районированию. Об этом свидетельствуют его публикации [68-75].

Завершая рассказ о ландшафтной зоогеографии скажу, что в итоге сформировались и выделились более узкие её дисциплины — орнитогеография, териогеография и энтомогеография. Здесь трудилась и трудится большая группа учеников Александра Петровича. Все годы он оставался главой всего направления и связующим звеном его ответвлений. Примерами этого служат выступления Александра Петровича на Всесоюзных орнитологических конференциях — по вопросам орнитогеографии, на съездах Всесоюзного териологического общества — по проблемам териогеографии, на форумах Всесоюзного энтомологического общества — об итогах энтомогеографических исследований и на зоогеографических конференциях — с материалами общего характера [76-84].

Так была создана и многие годы успешно действует школа отечественных ландшафтных зоогеографов.

В следующей части своего сообщения я остановлюсь на педагогической деятельности Александра Петровича. В марте I952 г. он перешёл работать на кафедру зоологии Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. В декабре того же года Александр Петрович был избран профессором этой кафедры, а год спустя ему присвоено звание профессора. С конца 1952 г. Александр Петрович стал исполнять обязанности заведующего кафедрой. В последующем он неоднократно (до мая 1981 г.) переизбирался на эту должность. Тем самым Александр Петрович в течение 30 лет возглавлял кафедру зоологии МОПИ имени Н. К. Крупской. Свою работу в институте он закончил в январе 1988 г.

Возвращаясь к истоку деятельности Александра Петровича в МОПИ, отметим, что с его появлением заметно оживилась работа на кафедре.

Первым делом всего кафедрального коллектива и своим лично он считал организацию зоологического кружка. Вначале кружок был кафедральным, а затем межвузовским. Он работал не только на стационаре, но и на заочном отделении института. На его заседания приезжали студенты МГУ и педагогических институтов имени В. И. Ленина и имени В. П. Потёмкина. Кружок работал по единой тематике. Долгое время его председателем был Пётр Петрович Второв, который вместе с Николаем Николаевичем Дроздовым поставили работу этого студенческого объединения на прочную основу: организовались выезды в природу, многие студенты участвовали в экспедициях, на заседаниях докладывались их научные работы. В последствие из кружковцев разных поколений вышли незаурядные научные работники — Юлий Петрович Губарь, Юрий Соломонович и Евгений Соломонович Равкины, Александр Захарович Шпиякин, Калерия Александровна Воронкова, Александр Григорьевич Сорокин, Нина Ивановна Сунцова, Борис Леонидович Манин, Лев Гургенович Вартапетов, Татьяна Юрьевна Чистова, Ольга Константиновна Барышева, Борис Ильич Шефтель, Михаил Николаевич Затравкин, Александр Александрович Вахрушев и другие, а также хорошие учителя — Анатолий Григорьевич Букин, Ольга Александровна Мазина, Галина Николаевна Корчак, Нина Афанасьевна Поликарпова, Наталья Сергеевна Маракова и другие. Говоря о студенческом кружке, необходимо сказать и о его школьном собрате, которым руководил Пётр Петрович Смолин. Этот кружок Московского городского отделения Всероссийского общества охраны природы (ВООП) начинал свою деятельность в стенах педагогического института имени В. П. Потёмкина, а в конце 1950-х годов при ликвидации этого института оказался без крыши над головой. Александр Петрович проявил заботу о ребятах и дал приют на руководимой им кафедре. После этого в МОПИ долгие годы успешно работали два кружка.

Нам представляется, что такая забота Александра Петровича о молодом поколении созвучна факту из его биографии, когда народный комиссар просвещения РСФСР Владимир Петрович Потёмкин в речи на сессии Верховного Совета РСФСР сказал: «Среди 560 кандидатов на сталинские стипендии, выдвинутых Народным комиссариатом просвещения, имеются молодые люди, имена которых достойны быть названными здесь, с высокой трибуны Верховного Совета. Таковы, например, Игорь Шафаревич, блестящий математик, в I7 лет заканчивающий Московский университет. … Студент 4-го курса биологического факультета Московского университета Александр Кузякин имеет I2 научных работ; 8 из них уже опубликовано в печати» [85].

Вторым неотложным делом на кафедре института Александр Петрович считал организацию аспирантуры. С первых лет работы здесь он начал активную и широкую подготовку научных зоологических кадров. Важным элементом в этой подготовке был, созданный Александром Петровичем и многие годы руководимый им, Совет по защите диссертаций. Первая из них, выполненная под руководством Александра Петровича, состоялась в 1952 г. Её подготовил Александр Александрович Лавровский на тему «Морфологические особенности, экология и промысловое значение

кабана дельты Волги». Начиная с 1960 г., аспиранты и соискатели, руководимые Александром Петровичем, стали разрабатывать зоогеографическую тематику. Первой такой работой была диссертация Асланби Казиевича Темботова «Млекопитающие Кабардино-Балкарской АССР». В целом за все 36 лет работы в МОПИ имени Н. К. Крупской Александр Петрович подготовил 37 кандидатов наук в различных направлениях науки — систематике, ареалогии, фаунологии, экологии, медицинской и сельскохозяйственной зоологии, охотоведения и ландшафтной зоогеографии.

В период деятельности Александра Петровича в МОПИ имени Н. К. Крупской в 1957-1958 гг. по направлению Министерства просвещения СССР он работал в Китайской Народной Республике. За этот небольшой срок им подготовлено 40 китайских аспирантов. За работу по подготовке научных кадров КНР Александр Петрович был награжден медалью «Китайско-Советская дружба».

Рис. 22. ***География китайских аспирантов А. П. Кузякина и медаль «Китайско-Советская дружба»***

Третьей отличительной стороной педагогической деятельности Александра Петровича были его работы, отвечающие на нужды высшей и средней школы. В них чётко прослеживается мысль, направленная на установление прочной связи теории зоологии и ландшафтной зоогеографии с сельским хозяйством, промыслами и народным здравоохранением и отражение этого в практике подготовки преподавательских кадров.

Учитель, в глазах профессора А. П. Кузякина — это, прежде всего, просветитель для подрастающего поколения. Недаром в советское время педагогические вузы имели самостоятельное министерство просвещения. Поэтому в 126-м томе «Учёных записок МОПИ имени Н. К. Крупской» опубликована статья Александра Петровича «Практическая зоология позвоночных и ее отражение в политехнической подготовке учителей» [86]. В ней впервые представлен тематический план лекционного курса совре-

менной зоологии позвоночных, в котором кроме традиционного систематического обзора хордовых животных, имеются три раздела практической направленности — промысловая, сельскохозяйственная и медицинская зоология.

На тех же просветительских позициях Александр Петрович долгие годы успешно сотрудничал с издательством «Просвещение» — одним из крупнейших в советское время. Именно здесь в 1965 г. опубликовано второе издание «Определителя млекопитающих СССР» [51].

В 1968-1971 гг. в этом издательстве был реализован проект 6-томного издания в семи книгах «Жизнь животных». Том «Млекопитающие, или звери» вышел под редакцией профессоров Сергея Павловича Наумова и Александра Петровича Кузякина [87]. Отряд грызунов был описан им, Петром Петровичем Второвым и Николаем Николаевичем Дроздовым.

Последним научным трудом в этой области и во всей научной деятельности Александра Петровича стала подготовка в издательстве «Просвещение» 7-го тома второго издания серии «Жизнь животных» [88].

За многолетний и многогранный вклад в развитие отечественной териологии в 1984 г. Александр Петрович Кузякин был избран Почётным членом Всесоюзного териологического общества.

За многолетний труд в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской Александр Петрович был отмечен Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Министерств просвещения СССР и РСФСР, присвоением ему звания «Отличник просвещения СССР».

Рассказ об Александре Петровиче Кузякине будет далеко неполным, если не остановиться на его личных качествах, которые способствовали ему в выполнении всего того, о чём было рассказано. Без них его образ был бы менее рельефным, поэтому не совсем точным.

Первые в ряду отличительных черт Александра Петровича — это наблюдательность и увлечённость в работе. Именно они пробудили в его юной душе интерес к науке и направляли от одного объекта исследований к другому. Эти качества А. П. Кузякина привлекали к нему и молодёжь.

О работоспособности, трудолюбии и самоотверженности Александра Петровича ходили легенды ещё при его жизни. Определённым доказательством этого служит весь сегодняшний рассказ о нём. В дополнение можно воспроизвести воспоминания Николая Николаевича Воронцова, которыми он поделился на заседании учёного совета биолого-химического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской. Будучи вместе с Александром Петровичем участником одного научного форума, Николай Николаевич стал свидетелем ежедневных поздневечерних и ночных обработок выловленных зверьков, которые проводил Александр Петрович. В это время остальные участники конференции предавались весёлому или тихому отдыху.

Говоря о качествах Александра Петровича как исследователя, выделю также тщательность и требовательность, с которыми он подходил практически ко всему. Это относилось к подготовке очередной экспедиционной поездки, сбора материалов, оформления полевых дневников, обработки экспедиционных результатов, экспонатов коллекций, текста

рукописи, рисунков и фотографий к статье, макета книги и очень много другого. Именно эти черты определили в деятельности учёного отсутствие случайных поисков и стали основанием многообразия и взаимосвязи его исследований.

Рис. 23. ***Усовершенствование А. П. Кузякиным давилки Геро***

Например, для коллекционного сбора мышевидных грызунов и некоторых видов насекомоядных, а также проведения количественных учётов этих зверьков Александром Петровичем была усовершенствована конструкция давилки Геро. При этом А. П. Кузякин закладывал несколько обязательных условий. Во-первых, давилка должна быть универсального (мышино-крысиного) формата. Это позволяет отлавливать зверьков в большом диапазоне их размеров. Во-вторых, металлическая часть должна прочно крепиться к деревянной платформе. Это обеспечивает сохранность орудия лова и продолжительный срок его эксплуатации. В-третьих, ударная рама должна иметь предварительно рассчитанную дугообразную форму. Это гарантированно сохраняет целостность черепа зверька при ударе рамы. В-четвертых, ударная рама должна приводиться в действие за счёт жёсткой пружины. Это обеспечивает быстроту действий этой рамы и необходимую силу удара. В-пятых, ударная рама должна иметь раму-двойника, прикреплённого к деревянной платформе. При их смыкании создаётся надёжный захват любого зверька (от землеройки до крысы). В-шестых, спусковой крючок должен иметь кольцевое крепление с удерживающей скобой, которая крепится к деревянной платформе. Это повышает чувствительность давилки и обеспечивает бесперебойность в срабатывании названного крючка. В-седьмых, настораживающий крючок с приманкой должен быть заменён на трапик, в центре которого расположен штырь для насадки приманки. Это повышает чувствительность орудия.

С этими качествами Александра Петровича тесно связано ещё одно — вдумчивое и бережное отношение к русскому языку. Сложилось оно

во многом под невольным влиянием Николая Алексеевича Бобринского, лёгкостью и точностью изложения материала которого восхищался Александр Петрович. Со временем и его устный и письменный показ научных данных стал отличаться литературным совершенством. Своё отношение к устному и литературному языку он старался привить и своим ученикам. Литературная школа Александра Петровича заключалась в личном примере. С каждым из тех, кто доверил ему свой текст на правку, он проводил много часов. В результате на страницах рукописи появлялись его многочисленные пометки, сделанные чётким ровным почерком, а сам текст из корявого превращался в изящно и убедительно изложенный. В последние годы жизни Александра Петровича такая правка шла при чтении материала и каждый мог почувствовать кухню научного литературного творчества.

Хорошо известны и такие черты характера Александра Петровича, как бескорыстность и щедрость души. Почти все экспедиционные поездки он совершил на свои личные средства. Многим студентам, которые с ним выезжали в экспедиции, Александр Петрович оказывал материальную помощь. К счастью для него, в этом с ним были солидарны его близкие, и прежде всего жена, Валентина Ивановна. Другой факт. При руководстве аспирантами и соискателями Александр Петрович побывал практически во всех местах их исследований, где проводил личные сборы данных. Затем он щедро делился ими со своими «подшефными», не претендуя на авторство при написании статей и докладов.

Говоря о личных качествах Александра Петровича, вспоминается и то внимание, которое он уделял молодёжи. Прежде всего, возникают картины внимательного и уважительного общения Александра Петровича с разными группами молодых людей. Это в равной мере относилось и к членам кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗа), и студентам различных вузов, и «своим подкидышам» — аспирантам и соискателям и многим другим. Нельзя забыть и того, сколь много времени уделял Александр Петрович каждому своему ученику, оставаясь доброжелательным и требовательным наставником.

Рис. 24. ***Москва, Щербинское кладбище***

Скончался Александр Петрович в день советской науки — 17 апреля 1988 г. и похоронен в Москве на территории Щербинского кладбища.

В 1989, 1990 и 1995 гг. секцией зоологии Московского общества испытателей природы совместно

с московскими отделениями Всесоюзных (ныне Русских и Российских) териологического, орнитологического и энтомологического обществ и Комиссии биогеографии Московского филиала Географического общества СССР (ныне Московского центра Русского географического общества) были организованы и проведены конференции, посвящённые памяти Александра Петровича Кузякина. С докладами выступили его многочисленные коллеги и ученики из стран СНГ и дальнего зарубежья. По материалам этих конференций подготовлены и выпущены сборники научных статей.

Рис. 25. ***Сборники Чтений памяти А. П. Кузякина***

С февраля по апрель 2015 г. в Дарвиновском музее проходила выставка, посвященная 100-летию ученого. Ранее подобная выставка в этом музее была посвящена 90-летию Александра Петровича. Обе выставки были организованы по инициативе главного хранителя музея, выпускника МОПИ имени Н. К. Крупской Павла Владимировича Богданова.

В заключение автор сообщения приносит искреннюю благодарность Валентине Ивановне Комковой и её памяти, а также директору Государственного Дарвиновского музея Анне Иосифовне Клюкиной и заведующей сектором архивных фондов этого музея Ирине Петровне Калачёвой за предоставленную возможность работы с личным архивом Александра Петровича.

Благодарю своего друга — Татьяну Александровну Кузякину за возможность работы с фотоархивом семьи Кузякиных.

Благодарю своих друзей и коллег — Владимира Александровича Кузякина, Евгения Соломоновича Равкина и Павла Александровича Пантелеева за совместную работу над статьями, посвященными Александру Петровичу, которые были опубликованы ранее и послужили базой сегодняшнего сообщения.

Благодарю своих коллег москвичей Валентина Юрьевича Ильяшенко, Эдуарда Исаевича Коренберга, Анатолия Васильевича Максимука, Вячеслава Петровича Попова, Вячеслава Владимировича Рожнова, Павла Ста-

ниславовича Томковича, а также Анатолия Фёдоровича Ковшаря из Алма-Аты и Олега Эдуардовича Шергалина из Таллина за помощь в работе.

Благодарю комиссию биогеографии московского центра Русского географического общества, кафедру биогеографии Московского университета, кафедру общей биологии и биоэкологии Московского государственного областного университета, кафедру биологии, экологии и методики обучения биологии Московского городского педагогического университета и руководство секцией дезинфектологии Московского отделения Всероссийского научно-практического общества эпидемиологов, микробиологов и паразитологов за приглашение сделать сообщение о жизни и деятельности Александра Петровича Кузякина.

Литература

1. *А. П. Кузякин*. Летучие мыши г. Ташкента и систематические заметки о некоторых формах *Chiroptera* с Кавказа, Бухары и Туркмении //Бюлл. МОИП. Отд. биол. , 1934, т. 43, вып. 2, с. 316-330.
2. *А. П. Кузякин*. Материалы по биологии крота *(Talpa europaea L.)* тульского широколиственного леса //Бюлл. МОИП. Отд. биол. , 1935, т. 44, вып. 5, с. 230-239.
3. *А. П. Кузякин*. К теории вида и видообразования //II научн. студ. конф. МГУ, 26-28 апр. 1940 г. — М. : МГУ, 1940, с. 14-16.
4. *А. П. Кузякин*. К теории вида и видообразования (Близкие виды рукокрылых в аспекте их исторического развития) //Тр. Института зоологии и паразитологии АН Уз. ССР, т. 5. — Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1956, с. 181-231.
5. *А. П. Кузякин*. К теории вида и видообразования. (Близкие виды рукокрылых в аспекте их исторического развития) //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 65. Тр. каф. зоол. , вып. 3. — М. , 1958, с. 21-98.
6. *А. П. Кузякин*. Лекции по экологии животных (на кит. яз.), тт. I-III. — Чанчунь, 1957-1958.
7. *А. П. Кузякин*. Учебник экологии животных (на кит. яз.). — Пекин: Изд-во Минпроса КНР, 1959. — 348 с.
8. *А. П. Кузякин*. К теории вида и видообразования //Матер. IV научн. конф. зоолог. пед. ин-тов. — Горький: Горьковский госпединститут, 1970, с. 68-97.
9. *А. П. Кузякин*. О видообразовании у рукокрылых //Млекопитающие СССР. III съезд Всесоюзн. териолог. общ-ва, Москва, 1-5 февр. 1982 г. Тез. докл. — М.: АН СССР, 1982, с. 44-45.
10. *А. П. Кузякин*. Соотношение между географической изменчивостью и видообразованием //Популяционная изменчивость вида и проблемы охраны генофонда млекопитающих. Всесоюзн. совещ. , Пущино, 18-22 окт. 1983 г. Тез. докл. — М.: АН СССР, 1983, с. 99-100.
11. *А. П. Кузякин*. Материалы по экологии млекопитающих Кашано-Мургабской долины с учётом роли их в эпидемиологии кожного лейшманиоза //Сб. научн. студ. работ. — М. : Изд-во МГУ, 1939, вып. 9. Зоология, с. 5-40.
12. *А. П. Кузякин*. О кожно-лейшманиозных очагах Восточного Закавказья //Проблемы кожного лейшманиоза. Сб. раб. I Межреспубл. совещ. по кожн. лейшманиозу и москит. пробл. (Ашхабад, 30. V. -4. VI. 1941 г.). — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1941, с. 113-119.
13. *А. П. Кузякин*. О роли позвоночных в эпидемиологии клещевого энцефалита //III научн. студ. конф. МГУ, 18-23 апреля 1941 г. — М.: Изд-во МГУ, 1941, с. 6-7.
14. *А. П. Кузякин*. О роли млекопитающих Уссурийского края в эпидемиологии клещевого энцефалита //Зоол. ж. , 1942, т. 21, вып. 3, с. 69-77.
15. *Э. И. Коренберг*. Вклад А. П. Кузякина в медицинскую зоологию //Систематика животных, практическая зоология и ландшафтная зоогеография (Чтения памяти А. П. Кузякина). — М.: Наука, 1991, с. 58-68.

16. *А. П. Кузякин*. География очагов и массовая профилактика туляремии //ЖМЭИ, 1946, № 11, с. 38-40.
17. *А. П. Кузякин*. География очагов и массовая профилактика туляремии //Зоол. ж. , 1947, т. 26, вып. 2, с. 159-162.
18. *А. П. Кузякин*. Грызуны //Энциклопед. медицин. справочник для военных фельдшеров. — М. : Воениздат, 1953а, с. 316-318.
19. *А. П. Кузякин*. Дератизация //Там же, 1953б, с. 349-351.
20. *А. П. Кузякин*. Энзоотия, энзоотичность //Там же, 1953в, с. 1595.
21. *А. П. Кузякин*. Эпизоотия //Там же, 1953г, с. 1607.
22. *А. П. Кузякин*. Проблемы городской и транспортной дератизации //Тр. научн. конф., посвящ. 25-летнему юбилею института «Микроб», август 1944 г. — Саратов: ГосНИИ «Микроб» Минздрава СССР, 1948, с. 215-220.
23. *А. П. Кузякин*. К методике учёта и вылова серых крыс в городских объектах //Грызуны и борьба с ними. — Саратов: ГосНИИ «Микроб» Минздрава СССР, 1950, вып. 3, с. 127-138.
24. *А. П. Кузякин*. История расселения, современное распространение и места обитания пасюка в СССР //Фауна и экология грызунов. — М. : МОИП, 1951, вып. 4, с. 22- 81.
25. *А. П. Кузякин*. О размножении пасюка в городах //Бюлл. МОИП. Отд. биол. , 1952, т. 57, вып. 3, с. 15-26.
26. *А. П. Кузякин*. Истребление крыс и мышей в жилищах и надворных постройках. — М.: Медгиз, 1955. — 46 с.
27. *А. П. Кузякин*. Биологические основы дератизации //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 126. Зоология, вып. 6. — М. , 1963, с. 39-53.
28. *А. П. Кузякин*. К вопросу о характеристике распространения наземных животных. Ориентация зоогеографии на службу некоторым отраслям народного хозяйства и здравоохранения //Вопросы географии. — М. : Географгиз, 1951, сб. 24, с. 251-262.
29. *В. М. Рождественский, А. П. Кузякин, И. С. Безденежных, В. И. Агафонов*. Сравнительный анализ основных закономерностей эпизоотического процесса //Тез. докл. XIII Всес. съезда гигиенистов, эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов, 20-28 июня 1956 г. — М. : Медгиз, 1956, с. 161-163.
30. *А. П. Кузякин*. Зонально-ландшафтная основа для обобщений по эпизоотологии и профилактики особо опасных инфекций //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 224. Зоол. и зоогеогр. , вып. 7. — М. , 1969, с. 7-17.
31. *А. П. Кузякин*. Несоответствие между экологией серой крысы и современной «дератизацией» //Вид и его продуктивность в ареале. Матер. IV Всесоюзн. совещ. , 3-7 апреля 1984 г., ч. I. Млекопитающие (Насекомоядные, грызуны). — Свердловск: ИЭРиЖ УНЦ АН СССР, 1984, с. 33-34.
32. *А. П. Кузякин, А. С. Корина, В. А. Николаев, М. Н. Першина, Г. И. Дохман, А. Н. Желоховцев, А. П. Шапошников, Ф. И. Левин, П. П. Жудова.* IV. Государственная защитная лесная полоса Камышин — Сталинград //Тр. Комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения. Т. I, вып. I. — М. : Изд-во АН СССР, 1951, с. 263-286.
33. *А. П. Кузякин*. Защита лесных полос от грызунов //Социалистическое земледелие, 1949, 8 янв., № 6 (5189), с. 3.
34. *А. П. Кузякин*. О защите лесонасаждений от грызунов //Советская агрономия, 1949, № 1, с. 41-44.
35. *А. П. Кузякин, И. Грулих*. О результатах работ по усовершенствованию мер защиты лесных насаждений от сусликов и значение муравьёв в использовании приманочного метода борьбы с грызунами //Бюлл. МОИП. Отд. биол. , 1952, т. 57, вып. 3, с. 91.
36. *А. П. Кузякин*. Вредные в сельском хозяйстве млекопитающие и борьба с ними //Н. А. Бобринский, Б. С. Матвеев. Курс зоологии. — М. : Советская наука, 1949, т. 2, с. 405-407.
37. *А. П. Кузякин*. Задачи зоологов в связи с реконструкцией природы в степных и лесостепных районах //Н. А. Бобринский, Б. С. Матвеев. Курс зоологии. — М. : Советская наука, 1949, т. 2, с. 407-408.
38. *А. П. Кузякин, Д. С. Резинко*. Химическая защита лесных полос от сусликов //Соц. земледелие, 1952, 18 мая, № 117 (6223), с. 4.

39. *А. П. Кузякин*. О внедрении приманочных методов борьбы с малым сусликом в животноводческих районах Юго-Востока и Казахстана //Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН. — Л. : ЗИН АН СССР, 1955, вып. 5. Четвертое совещание по изучению вредных и промысловых грызунов, с. 70-71.
40. *А. П. Кузякин, Д. С. Резинко, Н. И. Макаров*. Приманочный метод борьбы с малым сусликом и другими грызунами, вредными в сельском хозяйстве //Грызуны и борьба с ними. — Саратов: ГосНИИ «Микроб» Минздрава СССР, 1955, вып. 4, с. 124-145.
41. *А. П. Кузякин, П. А. Пантелеев*. Новые приманочные методы истребления водяной крысы //Материалы планово-методического совещания по защите растений зоны Урала и Сибири. — Новосибирск: ВАСХНИЛ, 1961, с. 34-37.
42. *А. П. Кузякин*. Авиационный и другие приманочные методы защиты урожая от водяной крысы *(Arvicola terrestris* L.*)* //Symposium teriologicum, Brno, 1960. — Прага: Publ. House of the Czechoslovak Academy of Scien, 1962, p. 202-205.
43. *А. П. Кузякин*. Использование плуговых борозд для учёта мелких млекопитающих //Организация и методы учёта птиц и вредных грызунов. — М. : Изд-во АН СССР, 1963, с. 228-230.
44. *А. П. Кузякин, П. А. Пантелеев.* Полевые опыты по испытанию зерновых приманок против водяной крысы //Экология водяной крысы и борьба с ней в Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1971, с. 261-266.
45. *П. А. Пантелеев, А. П. Кузякин*. Эффективность опытно-производственных обработок посевов авиационно-приманочным методом против водяной крысы в Западной Сибири //Там же, с. 272-278.
46. *А. П. Кузякин*. Грызуны и уменьшение их вреда в сельском хозяйстве //Грызуны. Материалы VI Всесоюзного совещания, Ленинград, 25-28 января 1984 г. — Л. : Наука, 1983, с. 539-540.
47. *А. П. Кузякин*. Летучие мыши (Систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства). — М. : Советская наука, 1950. — 443 с.
48. *А. П. Кузякин*. Обработка рукокрылых для научных коллекций // Рукокрылые (Chiroptera). — М. : Наука, 1980. , с. 289-298.
49. *К. К. Панютин.* А. П. Кузякин и изучение рукокрылых (Mammalia, Chiroptera) в СССР //Зоология и ландшафтная зоогеография (Чтения памяти А. П. Кузякина). — М. : МОИП, 1993, с. 19-24.
50. *Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин.* Определитель млекопитающих СССР. — М. : Советская наука, 1944. — 440 с. (включ. 62 карты) + 32 табл.
51. *Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин.* Определитель млекопитающих СССР. Изд. 2-е, исправл. и доп. — М. : Просвещение, 1965. — 383 с. + 40 цв. табл. + 111 карт.
52. *А. П. Кузякин.* О кадастровых картах распространения рукокрылых //Матер. I Всесоюзн. совещ. по рукокрылым. — Л. : ЗИН АН СССР, 1974, с. 43-44.
53. *А. П. Кузякин.* К систематике грызунов фауны СССР //Биология, биогеография и систематика млекопитающих СССР. — М. : Изд-во АН СССР, 1963, с. 105-115 (Тр. МОИП, т. 10).
54. *И. М. Громов, А. П. Кузякин, П. А. Пантелеев.* О русских названиях грызунов фауны СССР //Грызуны. Матер. V Всесоюзн. совещ. — Саратов: 3-5 декабря 1980 г. — М. : Наука, 1980, с. 10-13.
55. *А. П. Кузякин.* Об упорядочении русских названий зверей //Млекопитающие СССР. III съезд Всесоюзн. териолог. общ-ва, Москва, 1-5 февраля 1982 г. Тез. докл., т. 2. — М.: АН СССР, 1982, с. 328-329.
56. *А. П. Кузякин.* Учёт оологических признаков и особенности гнездовья в классификации птиц //Бюлл. МОИП. Отд. биол. , 1954, т. 59, вып. 6, с. 27-35.
57. *А. П. Кузякин, Э. В. Рогачёва, Т. В. Ермолова.* Метод учёта птиц в лесу для зоогеографических целей //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 65. Тр. каф. зоол. , вып. 3. — М.: Изд. МОПИ, 1958, с. 99-101.
58. *А. П. Кузякин, В. В. Леонович.* Птицы беломорско-мезенской лесотундры // Там же, 1958, с. 119-140.
59. *А. П. Кузякин*. Материалы по биологии колониально-гнездящихся птиц //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 71. Тр. каф. зоол. , вып. 4. — М. : Изд. МОПИ, 1959, с. 3-23.

60. *А. П. Кузякин.* Перепончатопалый песочник на востоке Чукотского полуострова // Орнитология, вып. 2. — М.: Изд-во МГУ, 1959, с. 130-134.
61. *A. Kuzyakin, W. Leonowitsch.* Zur Biologie von Eophona personata magnirostris //Jorrn. für Ornitologie, 1961, Bd. 102, H. 2, S. 149-151.
62. *А. П. Кузякин.* О русских названиях птиц //Орнитология в СССР. Матер. (тез.) V Всесоюзн. орнитолог. конф. Кн. 2. — Ашхабад: Ин-т зоологии АН ТССР, 1969, с. 337-341.
63. *А. П. Кузякин.* К вопросу о характеристике распространения наземных животных. Ориентация зоогеографии на службу некоторым отраслям народного хозяйства и здравоохранения //Вопр. геогр. Сб. 24. — М.: Географгиз, 1951, с. 251-262.
64. *А. П. Кузякин*. Ландшафтная зоогеография, её содержание и ближайшие задачи (на кит. яз.) //Китайский журн. зоол. , 1958, т. II, № 4, с. 245-251.
65. *А. П. Кузякин.* Зоогеография СССР //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 109. Биогеография, вып. 1. — М. , 1962, с. 3-182.
66. *А. П. Кузякин.* Дневные чешуекрылые как зоогеографический индикатор //IV межвуз. зоогеогр. конф., 26-30 сентября 1966 г. Тез. докл. — Одесса: Одесский госун-т, 1966, с. 135-136.
67. *А. П. Кузякин.* К систематике булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) фауны СССР. Каталог видов //Ландшафтная зоогеография и зоология. Третьи чтения памяти А. П. Кузякина. Сб. научн. трудов. — М.: МОИП, РАЕН, 2008, с. 8-84.
68. *А. П. Кузякин.* Ландшафтные районы СССР как основа для зоогеографических обследований //Матер. к конф. по зоогеогр. суши. Тез. докл. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960, с. 75-76.
69. *А. П. Кузякин.* Зонально-поясная структура горных систем как основа для биогеографических исследований //Матер. 3-й зоолог. конф. пед. ин-тов РСФСР. — Волгоград: Волгоград. пед. ин-т, 1967, с. 21-25.
70. *А. П. Кузякин.* Схема зонально-ландшафтного районирования СССР //Физич. геогр. и гидролог. Вып. 1. — М.: Матер. Моск. фил. Геогр. общ-ва СССР, 1967, с. 18-21.
71. *А. П. Кузякин.* Зонально-ландшафтная основа для обобщений по эпизоотологии и профилактики особо опасных инфекций // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1969, т. 224. Зоол. и зоогеогр., вып. 7, с. 7-17.
72. *А. П. Кузякин.* Зонально-ландшафтная основа для охотничьего хозяйства СССР //Матер. Всесоюзн. научно-производ. конф. по проблеме «Естеств. производ. и продукт. охот. угод. СССР» — Киров: ВНИИ живот. сырья и пушнины, 1969, с. 75-80.
73. *А. П. Кузякин*. Вклад зоогеографии в зонально-ландшафтное районирование //Актуал. вопр. зоогеогр. VI Всесоюзн. зоогеогр. конф., сент. 1975 г. Тез. докл. — Кишинёв: Штиинца, 1975, с. 130-132.
74. *А. П. Кузякин.* Зонально-поясная структура горных систем СССР //VIII Всесоюзн. зоогеогр. конф., Ленинград, 6-8 февр. 1985 г. Тез. докл. — М.: ЗИН АН СССР и МГУ, 1984, с. 318-319.
75. *А. П. Кузякин.* Соотношение между широтной зональностью и высотной поясностью в горах //Эколог. и охрана горн. видов млекопит. Матер. III школы. — М. : АН СССР, 1987, с. 100-103.
76. *А. П. Кузякин.* Ландшафтная зоогеография и возможности её разработки в педагогических вузах //Первое научн. совещ. зоолог. пед. ин-тов РСФСР, 21-25-авг. 1962 г. Тез. докл. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1962, с. 90-93.
77. *А. П. Кузякин.* Соотношение между экологией и зоогеографией //Вопр. экол. по матер. IV эколог. конф. — Киев: Изд-во гос. ун-та, 1962, т. IV, с. 42-43.
78. *А. П. Кузякин.* Комплексность зоогеографических исследований, связанных с практикой //Зоогеография суши. Тез. докл. 3-й Всесоюзн. конф. по зоогеогр. суши, 23-26 сент. 1963 г. — Ташкент: Ташкент. гос. ун-т, 1963, с. 155-156.
79. *А. П. Кузякин.* О ландшафтной орнитогеографии и её антиподе //Пробл. орнитологии. 3-я Всесоюзн. орнитолог. конф. — Львов: Изд-во Львов. гос. ун-та, 1964, с. 44-50.
80. *А. П. Кузякин.* Первые итоги исследований по ландшафтной орнитогеографии //Совр. пробл. орнитолог. — Фрунзе: Илим, 1965, с. 223-231.
81. *А. П. Кузякин.* О содержании териологической географии //I междунар. конгр. по млекопит. , Москва, 6-12 июня 1974 г. Реф. докл. — М. : ВИНИТИ, 1974, т. I, с. 323.
82. *А. П. Кузякин*. Териодоминанты географических зон СССР //II междунар. териолог.

конгр., 20-27 июня 1978 г. Сб. реф. — Брно, 1978, с. 433.
83. *А. П. Кузякин.* О развитии, содержании и задачах биогеографии //VII Всесоюзн. зоогеогр. конф., Москва, 7-9 янв. 1980 г. Тез. докл. — М.: Наука, 1979, с. 132-135.
84. *А. П. Кузякин, Л. Н. Мазин.* Содержание и некоторые итоги исследований по ландшафтной энтомогеографии СССР //Общая энтомология. — Л. : Наука, 1986, с. 52-54. (Тр. ВЭО, т. 68).
85. *III сессия Верховного Совета РСФСР, 28 мая — 2 июня 1940 г.* Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета РСФСР. ОГИЗ — Гос. изд-во политической литературы, 1940. — 615 с.
86. *А. П. Кузякин.* Практическая зоология позвоночных и её отражение в политехнической подготовке учителей //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 126. Зоология, вып. 6. — М. , 1963, с. 3-26.
87. *Жизнь животных. Т. 6. Млекопитающие, или звери* /Под ред. проф. С. П. Наумова и А. П. Кузякина. — М. : Просвещение, 1971. — 628 с.
88. *Жизнь животных. Тт. 1-7* /Ред. В. Е. Соколов, М. С. Гиляров, Ю. И. Полянский, А. Г. Банников, В. Д. Ильичев, А. П. Кузякин, А. В. Михеев, С. П. Наумов, Ф. Н. Правдин, Т. С. Расс, Р. К. Пастернак. — М. : Просвещение, 1983-1989.

Хронология отдельных событий в жизни А. П. Кузякина, география его поездок и их содержание

Л. Н. Мазин, Т. А. Кузякина

Эта статья подготовлена авторами по материалам личного архива А. П. Кузякина, хранящегося в Государственном Дарвиновском музее, и личного архива Л. Н. Мазина.

Рис. 26. ***География поездок А. П. Кузякина***

Рис. 27. ***Друг детства Александр Бердышев***

1923: Тюмень: Регулярные посещения краеведческого музея.

1927, лето: Поездка на пароходе. Маршрут: из Тюмени в Тобольск и обратно.

1927, осень: Знакомство с Ф. Ф. Ларионовым. Походы с ним и Сашей Бердышевым в окрестностях Тюмени.

1928: Окрестности села Зырянское в 30 км к западу от Тюмени.

1930, 11. IV.: Приехал в Москву проездом со станции Заводоуковская в Асканию-Нова. При пересадке остался в Москве, в зоопарке. С 12. IV. вышел на работу.

1930, лето: Сопровождение вагона с живыми зверями. Маршрут: от Москвы до пограничной станции Себеж (для немецкой фирмы Гагенбека).

1930, XI-XII. Поездка на Северный Урал в город Соликамск для заготовки живых хищников.

1931, весна: Поездка в Тюмень за документами.

1931, лето: Проведение полевой практики студентов-охотоведов на Волге в Чёрной Мазе, между реками Ветлуга и Керженец (100 км ниже г. Горький).

Рис. 28. ***А. П. Кузякин, 1935 г.***

1931, осень: Сопровождение вагона зверей из Москвы в Свердловский зоопарк (по Казанской дороге).

1932, IV-VI.: Экспедиция в Туркмению: Заготовка пресмыкающихся и сборы зверьков. Маршрут: Мары, Карабата, Уч-Аджи, посёлок Моргуновский [ныне Серхетли — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] у Кушки [ныне Серхетабат — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], Имам-Баба [ныне имени Ниязова — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1932, IX.: Поездка в Ташкент на заготовку винограда для приматов. Знакомство с Р. Н. Мекленбурцевым. Хорошие сборы летучих мышей в Ташкенте. Остановка на обратном пути в Челкаре [ныне го-

род Шалкар, северный Казахстан — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] и песчаном массиве Большие Барсуки (10 км к югу от Челкара).

1932, X.: Поступление на рабфак при Московском институте пушно-мехового сырья в г. Балашиха Московской области.

1933, лето: Изучение крота в Тульских засеках (по Лихвинской узкоколейке к западу от Тулы). Даты см. в статье: *А. П. Кузякин*. Материалы по биологии крота *(Talpa europea L.)* тульского широколиственного леса // Бюлл. МОИП. Отд. Биол., 1935, т. 44, вып. 5, с. 230-239.

1934, I-II.: Поездка в Ленинград, Зоологический институт (ЗИН) АН СССР. Заключение договора на составление монографии по рукокрылым фауны СССР.

1934, лето: Поездка в Тобольск. Сборы ночниц.

1934, IX.: Вторая поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. Обработка коллекции [рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1935, I-II.: Третья поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. [Обработка коллекции рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1935, лето: Работа в Таджикском институте тропических болезней по изучению очагов клещевого спирохетоза. Поездки в Душанбе и Гиссар (Таджикистан), станцию Шурчи (Узбекистан — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*). Знакомство с Н. И. Латышевым.

1935, с 1. IX.: Переход из Института пушно-мехового хозяйства в МГУ им. М. В. Ломоносова.

1936, I-II.: Поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. [Обработка коллекции рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1936, лето: Москва: Обработка коллекции [рукокрылых в Зоомузее МГУ — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1936, IX.: Поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. [Обработка коллекции рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1937, I-II.: Очередная поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. [Обработка коллекции рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1937, VII-VIII.: Экспедиция в юго-восточную Туркмению. Маршрут: Тахта-Базар [ныне Тагтабазар — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], погранзаставы Рабат-Кашан и Турашек, станция Ташкепри. Работа с Н. И. Латышевым в очаге кожного лейшманиоза.

1937, IX.: Первая поездка в Бахарденскую пещеру (с остановкой в Ашхабаде). [Изучение крупнейшей в СССР колонии летучих мышей — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Вторая остановка — в Челкаре [ныне город Шалкар, северный Казахстан — *Прим. Л. Н. Мазина и Т. А. Кузякиной*] и песчаном массиве Большие Барсуки (10 км к югу от Челкара).

1937, IX.: Очередная поездка в Ленинград, ЗИН АН СССР. [Обработка коллекции рукокрылых — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Начало отпуска.

1938, начало года: Работа в Москве, в Зоомузее МГУ.

1938, лето: Поездка в Тобольск.

1938, конец года: Работа по завершению черновика монографии.

1939, начало года: Работа по завершению черновика монографии. Изложение первого варианта основного труда: «К теории вида и видообразования».

Рис. 29. ***А. П. Кузякин, 1941 г.***

1939, лето: Работа в лейшманиозных очагах Азербайджана. Маршрут: станция Евлах [ныне город Евлах — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], Барда, Агдам, Кировабад [ныне Гянджа — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], Шуша, Куба, Нюгеды 1, пещера Кыз-Каласы. Очень хорошие сборы по рукокрылым в Грузии: Тбилиси, Мцхета [*Прим. А. П. Кузякина*].

1939, IX.: Зоологическая секция Московского общества испытателей природы (МОИП). Первое выступление с докладом по теории вида и видообразования. Слушатели ничего не поняли [*Прим. А. П. Кузякина*]. Начало доработки теории вида.

1940, I-III.: Завершение доработки теории вида.

1940, 26. IV.: Студенческая конференция. Доклад по теории вида. Тезисы опубликованы:

Рис. 30. ***Москва, наблюдательная противочумная станция, 1942 г.***

см. *А. П. Кузякин*. К теории вида и видообразования //II научн. студ. конф. МГУ, 26-28 апреля 1940 г. — М.: МГУ, 1940, с. 14-16 [*Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1941, V.: Поездка в Киев, по приглашению АН УССР, на конференцию, посвящённую проблеме вида и видообразования. Выступление с докладом. Тезисы опубликованы на ротапринте количеством 50 экз. [*Прим. А. П. Кузякина*].

1941, VI-VII.: Два государственных экзамена сдавал в начале войны. Окончание Московского университета. Поход в санитарное управление Красной Армии. Направление в Дезинфекционное бюро № 2 [Дезбюро № 2 — с января 1940 г. именовалось Дезотделением № 2 Московской городской дезинфекционной станции — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

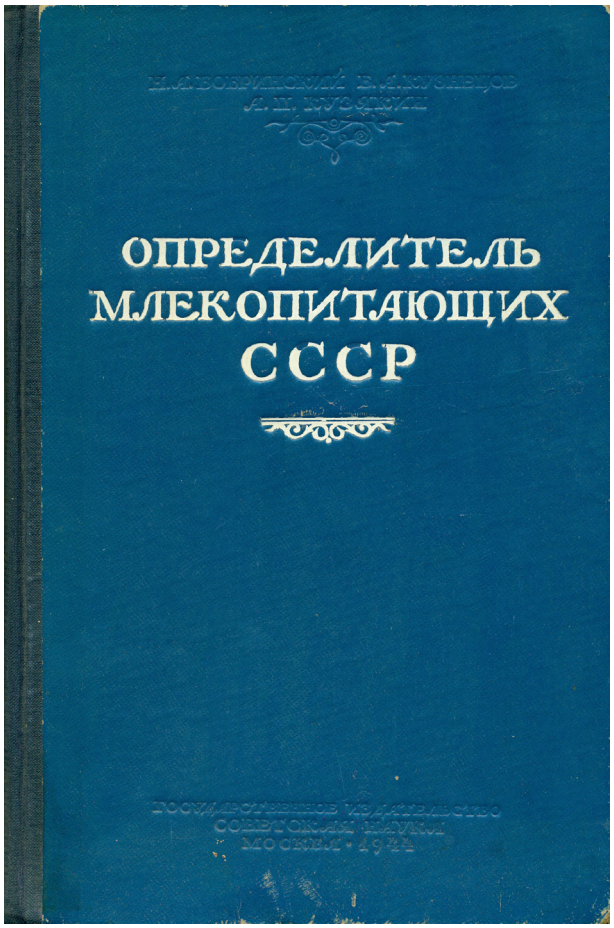


Рис. 31. ***Обложка 1-го издания «Определителя млекопитающих СССР» (1944)***

1941, 16. X.: В день массового (панического) бегства населения из Москвы, с Валей [жена А. П. Кузякина — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] и группой девушек — сотрудниц Дезбюро, выехали в село Никольское, к западу от Москвы копать противотанковые рвы.

1942, VII.: Перевод Наркомздравом СССР из Дезбюро в Московскую наблюдательную противочумную станцию.

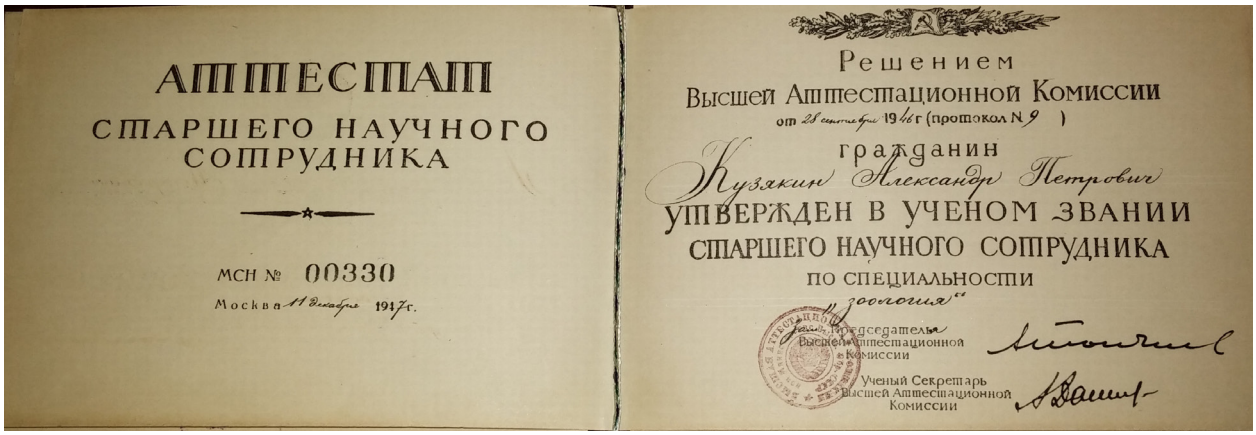
1942, VII-VIII.: Проведение практики по полевой дератизации на станции Фруктовая (в Луховицком районе Московской области) Казанской железной дороги.

1942, XI-XII.: Командировка в очаг туляремии на авиабазах Сталинградского фронта. Перелёт Москва — Саратов. Остановка в Саратове на несколько дней. Перелёт из Саратова в Николаевку (на левом берегу Волги). Переезд с Д. С. Резинко на правый берег Волги. Работа на авиабазе в Области немцев Поволжья. Возвращение на поездах из Камышина в Саратов и из Саратова в Москву.

1943, XI-XII.: Поездка в г. Калинин [ныне Тверь — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], в очаг туляремии Калининского фронта.

1944, с III.: Зачисление (по совместительству) в штат лечебно-санитарного управления Кремля.

1944, IX-X.: Досрочное окончание аспирантуры. Выход 1-го издания «Определителя млекопитающих СССР».


АТТЕСТАТ
СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
МСН № 00330
Москва 11 декабря 1947 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 28 сентября 1946 г (протокол № 9)
гражданин
Кузякин Александр Петрович
УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ
СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
"зоология"
Заместитель Председателя Высшей Аттестационной Комиссии
Ученый Секретарь Высшей Аттестационной Комиссии

Рис. 32. ***Аттестат старшего научного сотрудника А. П. Кузякина***

1944, XI-XII.: Защита кандидатской диссертации на тему «Сезонная пендинка, факторы её очаговости и меры массовой профилактики». Переход из Московской наблюдательной противочумной станции в штат Института зоологии МГУ.

1945: Начало преподавания (по совместительству) на кафедре военной эпидемиологии Цен-трального института усовершенствования врачей.

1945, XI-XII.: В связи с эпидемией чумы состоялась поездка в Казахстан. Маршрут: Аральск и по северному берегу Аральского моря.

1946, лето: Экспедиция (совместно с Н. П. Наумовым и А. С. Бурделовым) в Аральский очаг чумы. Маршрут: Аральск — Саксаульская — Чумышкуль.

1946, XI.: Утверждение в учёном звании старшего научного сотрудника.

1946, XI-XII.: Командировка в Челкар [ныне город Шалкар, северный Казахстан — *Прим. Л. Н. Мазина и Т. А. Кузякиной*] для организации противочумной станции.

1947, лето: Экспедиция (своим отрядом) в Аральский очаг чумы. Маршрут: Аральск — Агиспе. Пеший переход (120 км) из Агиспе в Чумышкуль. Поездка на озеро Узун-Каир (Зункар).

1947, осень: Переселение семьи из 2-го Крестовского переулка в Останкино.

1948, весна: Экспедиция в Закавказье. Маршрут: Баку — Ленкорань — Порт-Ильич [ныне Лиман — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — заповедник на Кызыл-Агаче [ныне Кызылагаджский заповедник — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — Астара — Тбилиси (похороны А. А. Айсели).

1948, осень: Поездка (с И. И. Презентом и Х. Я. Зихерманом [*Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]) в Камышин и Сталинград [ныне Волгоград — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] на совещание по созданию Государственных [полезащитных — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] лесных полос.

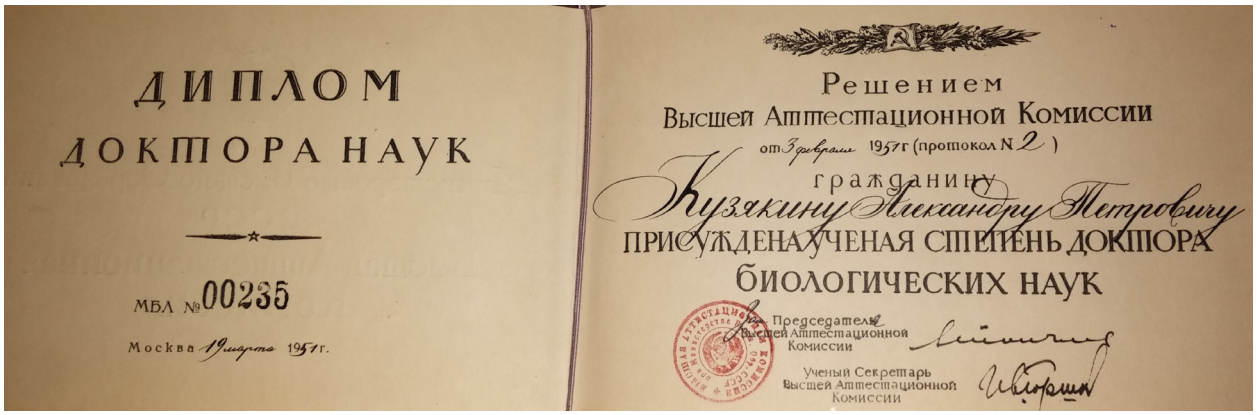
1949, весна и лето: Руководство комплексной экспедицией МГУ и АН СССР по изучению трассы Государственной [полезащитной — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] лесной полосы Камышин — Сталинград [ныне Волгоград — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Проезд на двух

Рис. 33. ***Обложка книги «Летучие мыши» (1950)***

грузовых машинах (с Е. П. Спангенбергом) от Москвы до Сталинграда через Рязань, Саратов, Камышин. Многократные проезды по трассе с остановками в Липовке и других сёлах. Проведение курсов в Горной Пролейке [ныне Волгоградская область — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. В конце сезона: проезд от Камышина через Сталинград и Степной [ныне Элисту — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] до Предкавказья, затем поворот на восток до Каспия у дельты Волги и проезд по правому берегу Волги до Камышина. Общая длина проезда составила 2500 км.

1950, весна и лето: Работа на трассе Камышин — Сталинград [ныне Волгоград — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], Чуевка, Чухонастовка, берег Иловли против Камышинской селекционной станции.

1950, VII.: Временная «отлучка» из отряда для «заезда» на остров Орлов на Чёрном море: Вылет из Сталинграда [ныне Волгограда — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] в Херсон через Ростов и Жданов [ныне Мариуполь (Украина) — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Из Херсона катером в Голую Пристань. Возвращение в Херсон за погранпропуском. Возвращение в Голую Пристань. Проезд автомашиной до погранзаставы Железные Ворота. Вечером того же дня выход из Железных Ворот в сторону [Черноморского — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] заповедника. Ночёвка в пути на ферме.


ДИПЛОМ
ДОКТОРА НАУК

МБЛ № 00235

Москва 19 марта 1957 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 3 февраля 1957 г (протокол № 2)
гражданину
Кузякину Александру Петровичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии

Ученый Секретарь Высшей Аттестационной Комиссии

Рис. 34. ***Диплом доктора биологических наук А. П. Кузякина***

С утра — продолжение хода с переходом глубокого пролива вброд. Общая длина пути — 75 км. Ночёвка на базе заповедника. Переезд на лодке (без вёсел) на остров Орлов. Сбор кладок чаек и крачек. Вечером возвращение на базу. Отъезд с базы заповедника в Голую Пристань на попутной машине с пьяным шофёром. В Голую Пристань прибыли в 2 часа ночи. До 9 часов утра обработка кладок и отъезд из Голой Пристани в Херсон. Перелёты: одним самолётом из Херсона в Киев, а затем другим — из Киева в Москву. Ночёвка дома и вылет в Сталинград.

1950: Выход книги: «Летучие мыши (систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства)». Защита докторской диссертации на тему «Рукокрылые Средней и Северной Палеарктики».

1950, XII.: Выступление по докладу Т. Д. Лысенко о теории вида и видообразования. Начало осложнений на службе.

1951, II.: Присуждение учёной степени доктора биологических наук.

1951, IV-V.: Разработка (совместно с зоологами Сталинградской противочумной станции [ныне Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] авиационно-приманочного метода истребления малого суслика. Базой работ служил посёлок Кетченеры на Ергенях [Калмыкия — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Объезд Сарпинской впадины.

Рис. 35. ***А. П. Кузякин и И. И. Андреев со студентами на практике. Крюково, 1954 г.***

Рис. 36. ***А. П. Кузякин. Архангельская область, озеро Слободское, 7 июня 1955 г.***

1951, VI-VII.: Экспедиция на Новую Землю. 15. VI.: Отъезд из Архангельска в Молотовск [ныне Североморск — *Прим. А. П. Кузякина*] и отплытие в Баренцево море. 20. VI.: Прибытие в пролив Маточкин Шар. Выгрузка доставленных грузов на снег чуть восточнее становища Лагерное. Выход в Лагерном. Переезд на катере из Лагерного в Грибовую губу и Безымянную губу. Выезд с палаткой на полуостров Панькова Земля [типичная для Новой Земли приморская эрозионно-денудационная равнина от Грибовой губы до Маточкина Шара — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Возвращение в Грибовую губу пешим ходом (около 50 км по вязкой тундре). 9. VII.: Возвращение в становище Лагерное. Отплытие из Лагерного на гидрографическом судне с остановками у всех манков Южного острова: мыс Столбовой, полярная станция Малые Кармакулы, посёлок Белушья губа. Далее: остров Колгуев и Нарьян-Мар. Переезд из Нарьян-Мара в Москву.

1952, начало января: Увольнение из МГУ (официально — «по сокращению штатов», а фактически — за выступление по докладу Т. Д. Лысенко). Попытка МГУ выселить из Москвы решениями сначала районной, потом — городской прокуратуры. Отмена решений судами: сначала районным, потом — городским. Два месяца без работы.

1952, 3. III.: Зачисление в штат кафедры зоологии МОПИ им. Н. К. Крупской.

1953, IV.: Поездка в Сталинградскую [ныне Волгоградскую — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] область на проверку ранее выполненных опытных отработок по малому суслику.

1953, конец V. — середина VII.: Поездка в Приморский край. Проводился сбор кладок птиц на реках Иман [ныне Большая Уссурка — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] и Бикин.

1953: Присвоение звания профессора. Начало деканства и заведования кафедрой зоологии в МОПИ им. Н. К. Крупской.

1954, VI-VII.: Полевая практика в Крюково.

1955, начало VI.: Поездка в Архангельск и на оз. Слободское (в 15 км к востоку от станции Тундра).

Рис. 37. ***А. П. Кузякин среди местных жителей. Чукотка, аэропорт Лаврентия, июль 1957 г.***

1955, 13-26. VI.: Экспедиция в Беломорье. Сборы кладок и птиц в пойме реки Койда у одноимённого посёлка и в пойме реки Мезень [Архангельская область — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1956, январь: Поездка в Ленинград на Первую Всесоюзную орнитологическую конференцию.

1956, конец IV. -6. XI.: Экспедиция в Среднюю Азию за кладками птиц. Маршрут: Москва — Красноводск [ныне Туркменбашы — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — Большой Балхан — Бахарденская пещера — Ашхабад — Ташкент — Термез — Каттакурган [в 32 км к северу от Термеза — *Прим. А. П. Кузякина*] — Ширабад [в 60 км к северу от Термеза — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — Термез — Москва.

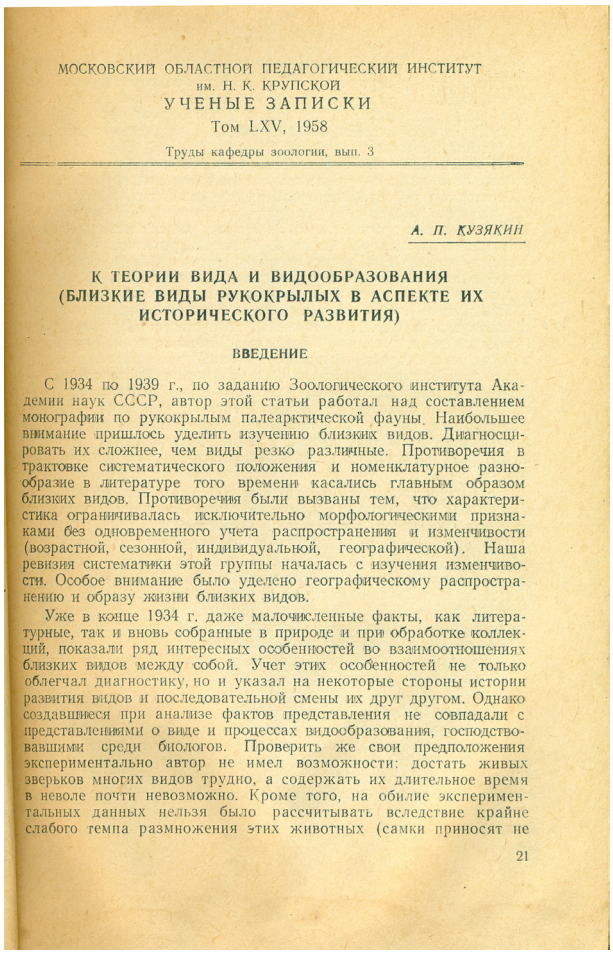
1956, VI. -начало VII.: Выезды из Москвы за кладками птиц по 9 радиусам (на поездах и автобусах на расстояния 50-70-300 км).

1956: Первое издание полного текста «К теории вида и видообразования» в Ташкенте, в АН УзССР.

1957, V. -18. VII.: Экспедиция на Дальний Восток за кладками птиц. Сначала в Биробиджан: Архара — Облучье — Известковая — Ургал — Хабаровск. Затем самолётами: Хабаровск — Магадан — посёлок Сеймчан Магаданской области — Анадырь на полуострове Чукотка — бухта Проведения на полуострове Чукотка. Задержка на 11 суток. Далее перелёт из Проведения до села Лаврентия. Переезд на катере от села Лаврентия

Рис. 38. ***А. П. Кузякин и В. И. Комкова среди слушателей курса «Практическая экология», Китай, 1957 г.***

Рис. 39. ***А. П. Кузякин в лаборатории Пекинского университета, 1957 г.***



МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Н. К. КРУПСКОЙ
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Том LXV, 1958
Труды кафедры зоологии, вып. 3

А. П. КУЗЯКИН

К ТЕОРИИ ВИДА И ВИДООБРАЗОВАНИЯ
(БЛИЗКИЕ ВИДЫ РУКОКРЫЛЫХ В АСПЕКТЕ ИХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)

ВВЕДЕНИЕ

С 1934 по 1939 г., по заданию Зоологического института Академии наук СССР, автор этой статьи работал над составлением монографии по рукокрылым палеарктической фауны. Наибольшее внимание пришлось уделить изучению близких видов. Диагносцировать их сложнее, чем виды резко различные. Противоречия в трактовке систематического положения и номенклатурное разнообразие в литературе того времени касались главным образом близких видов. Противоречия были вызваны тем, что характеристика ограничивалась исключительно морфологическими признаками без одновременного учета распространения и изменчивости (возрастной, сезонной, индивидуальной, географической). Наша ревизия систематики этой группы началась с изучения изменчивости. Особое внимание было уделено географическому распространению и образу жизни близких видов.

Уже в конце 1934 г. даже малочисленные факты, как литературные, так и вновь собранные в природе и при обработке коллекций, показали ряд интересных особенностей во взаимоотношениях близких видов между собой. Учет этих особенностей не только облегчал диагностику, но и указал на некоторые стороны истории развития видов и последовательной смены их друг другом. Однако создавшиеся при анализе фактов представления не совпадали с представлениями о виде и процессах видообразования, господствовавшими среди биологов. Проверить же свои предположения экспериментально автор не имел возможности: достать живых зверьков многих видов трудно, а содержать их длительное время в неволе почти невозможно. Кроме того, на обилие экспериментальных данных нельзя было рассчитывать вследствие крайне слабого темпа размножения этих животных (самки приносят не

21

Рис. 40. ***Начальная страница текста «К теории вида и видообразования» (1958)***

до посёлка Уэлен с остановками во всех обитаемых местах с ночёвкой на одной заставе. Через неделю возвращение в бухту Лаврентия.

18. VII.: Вылет из Лаврентия через Анадырь в Магадан и перелёт на другом двухмоторном самолёте через Якутск с ночёвками в Усть-Илимске и Свердловске [ныне Екатеринбург — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1957, VIII. -IX.: Подготовка к отъезду в Китай. Отсрочка из-за энцефалита.

1957, X.: Приезд поездом сначала в Пекин, а затем — в Чанчунь. Выезды на полевую практику и по другим делам в ближайшие окрестности Чанчуня (на 20-30 км), в Гирин, Харбин и др.

1958, III.: Поездка на юг Китая. Сначала поездами из Пекина в Наньнин (автономная область Гуанси). Далее из Наньнина в Линсян (город на границе с Вьетнамом). Затем перелёт из Наньнина в Куньмин (столица провинции Юннань). Из Куньмина самолётом в Чунцин (провинция Сычуань). Поездка из Чунцина в Бэйпэй и обратно. Из Чунцина поездами через провинцию Ганьсу в Пекин и Чанчунь.

1958, IV. -VII.: Поездки из Чанчуня во Внутреннюю Монголию (около Тунляо), к Шеньяну, на железнодорожную станцию на берегу реки Сунгари между Чанчунем и Харбином, к западу от Харбина (километров на 300). Работа в Пекине. В конце VII. возвращение из Китая в Москву.

1958, VIII.: Экспедиция в западное Закавказье. Маршрут Хоста — река Агура — Сочи — Красная Поляна — Батуми.

1958: Выход 2-го полного текста «К теории вида и видообразования» (Москва, Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской, т. LXV. Труды кафедры зоологии, вып. 3, с. 21-98), с картами ареалов и рисунками.

1959, VI.: Экспедиция по маршруту: Москва — станция Печора — станция Сейда — Полярный Урал — Лабытнанги (база). Далее: Лабытнанги — Салехард — устье Оби — Надым и обратно. Теплоходом: Салехард — Тобольск — Омск. Поездом: Омск — Новосибирск.

1959, VII. -VIII.: Поездка по маршруту: Новосибирск — город Барабинск [в 315 км к западу от Новосибирска — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — город Куйбышев [в 315 км к западу-северо-западу от

Новосибирска — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — село Кама (80 км к северу от Барабинска — база полевых работ на 2 сезона).

1960, V. -нач. VI.: Поездка по маршруту: Новосибирск — город Барабинск — село Кама — Новосибирск.

1960, VI. -нач. VII.: Поездка по маршруту: Новосибирск — Якутск — Магадан — село Марково (в среднем течении реки Анадырь) — Рыбокомбинат (в низовьях Анадыря) — Охотск — река Кухтуй (Охотский район Хабаровского края) — посёлок Певек (на берегу Чаунской губы). Возвращение в Москву.

1960, 15-21. VIII.: Алма-Ата [ныне Алматы — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной]*. Выступил с докладом на тему «Ландшафтные районы СССР как основа для зоогеографических исследований» [см. «Материалы к конференции по вопросам зоогеографии суши. Тезисы докладов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, с. 75-76». — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1960, 28. VIII. -8. IX.: Поездка в Чехословакию. Маршрут: Москва — Киев — Львов — Чоп — Оломоуц — Брно. Затем по Чехословакии: Брно — Готвальдов [ныне Злин, Чехия — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — Бардейов [ныне в Словакии — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — Высокие Татры — Прага. Возвращение из Праги в Москву.

1961, лето: Поездка по маршруту Москва — Якутск — Охотск — Магадан — Певек. Возвращение в Москву по северной трассе: Певек — посёлок Чокурдах на реке Индигирка — бухта Тикси в низовьях Лены — бухта Кожевникова у моря Лаптевых — село Хатанга — посёлок Амдерма у Кар-

Рис. 41. ***А. П. Кузякин за ловлей бабочек, Аджария, май 1963 г.***

ского моря — город Череповец в Вологодской области — Москва.

1962, VI. -VII.: Экспедиция (с тремя студентками) на Сахалин и Кунашир. Маршрут: Москва — Хабаровск — Южно-Сахалинск — Корсаков — Южно-Сахалинск — Холмск — село Шебунино (база). Далее, село Шебунино — Южно-Сахалинск — железнодорожная станция к северу от города Поронайск на востоке Сахалина — Южно-Сахалинск — о-в Итуруп — Менделеево (база) на о-ве Кунашир — Южно-Сахалинск — Хабаровск — Москва.

1962, VIII.: Экспедиция в Туркмению за белозубками. Маршруты: самолётом: Москва — Баку — Красноводск [ныне Туркменбаши — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], поездом: Красноводск — Кизыл-Арват [ныне Сердар — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], автобусом: Кизыл-Арват — Кара-Кала [ныне Махтумкули — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], почтовой автомашиной: Кара-Кала — ущелье Айдере, ставшее базой; грузовой автомашиной: ущелье Айдере — Бахарденская пещера — Ашхабад, самолётом: Ашхабад — Москва.

1962, 11-17. IX.: Поездка во Львов с докладом на тему «Ландшафтная орнитогеография» [см. «Материалы III Всесоюзной орнитологической конференции, 11-17 сентября 1962 г. — Львов: Изд-во Львовского государственного университета, 1962, кн. 2, с. 54-56». — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1962, 16-17. IX.: Поездка на Карпаты. Маршрут: Львов — Мукачево — Ужгород — Львов.

1963, V. -VI.: Экспедиция в Закавказье (с тремя аспирантками, в их числе В. Т. Тагирова). Маршрут: Москва — Батуми (первая база) — Погранотряд в 65 км к востоку от Батуми (вторая база) — Батуми — Адлер — посёлок Красная Поляна (третья база) — лагерь Холодный в субальпике Кавказского заповедника (четвёртая база) — Адлер — река Агура — Сочи — Москва.

1963, VI.: Крым. Маршрут: Симферополь — посёлок Краснокаменка у Ялты — село Перевальное в Симферопольском районе — Алушта. Перелёт в Адлер. Река Агура — посёлок Красная Поляна — лагерь Холодный.

1963, VIII.: Закавказье. Маршрут: лагерь Холодный — посёлок Красная Поляна — Адлер — Хоста в Сочи.

1963, с 20. VIII.: Хоста, начало сбора булавоусых.

1963, VIII.: Экспедиция в Крым за белозубками. Маршрут: Москва — Севастополь — Ялта — село Гончарное (база, в 24 км к юго-востоку от Севастополя).

1963, 20. IX. -3. X: Поездка совместно с В. И. Комковой [супруга А. П. Кузякина — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] в Ташкент и Самарканд для участия в совещании и сборе булавоусых. Участие в совещании: 23. IX.: Выступление в Ташкенте с докладом на тему «Комплексность зоогеографических исследований, связанных с практикой» [см. «Зоогеография суши. Тезисы докладов 3-го Всесоюзного совещания по зоогеографии суши, 23-26 сентября 1963 г., Ташкент: Ташкентский государственный университет, 1963, с. 155-156». — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. 20-22., 24-30. IX., 2-3. X: Места сборов: 1) окрестности Ташкента: берег

Рис. 42. ***А. П. Кузякин на мостике через прорыв озера Иссык, Заилийский Алатау, 1965 г.***

реки (канала) Каракамыш у Назарбека; 2) Ташкентская область, 40 км на юго-восток от Ташкента в сторону города Ангрен; 3) дорога в Самарканд: в 40 км к юго-западу от Ташкента, пойма реки Чирчик; 4) окрестности Самарканда (от обсерватории Улугбека до пещер, в 30 км к юго-западу от города); 5) Самарканд, пустырь близ общежития Ташкенского госуниверситета. Отсутствие дневных бабочек и 6) город Абай (Казахстан, в 40 км к западу от Ташкента). 3. X.: Перелёт в Москву из Ташкента.

1963, XI.: Поездка в Вильнюс на защиту кандидатской диссертации С. А. Мальджюнайте на тему «Куницеобразные хищники Литовской ССР. Их биология, численность и хозяйственное значение» [*Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1964, V-VII.: Экспедиция на Сахалин и Курилы (с двумя аспирантами). Маршрут: Москва — Хабаровск (первая база, ознакомились с местами работ аспирантки В. Т. Тагировой) — Южно-Сахалинск (вторая база) — Корсаков — озеро Невское Поронайского района — Южно-Сахалинск — в село Шебунино — село Калинино — Южно-Сахалинск — Менделеево (остров Кунашир, третья база) — Южно-Курильск (остров Кунашир) — бухта Крабовая (остров Шикотан, четвёртая база) — остров Юрий, погранзастава (пятая база) — остров Зелёный — Дёмины острова (необитаемые) — остров Юрий — остров Шикотан — Южно-Курильск — Южно-Сахалинск — Хабаровск — Москва.

1964, VIII.: Экспедиция в Крым и Закавказье на сборы булавоусых. Маршрут: Москва — Симферополь — село Перевальное (база). Отсюда выезды в Алушту и Ялту. Дальнейший маршрут: село Перевальное — Симферополь — Феодосия (база) — Симферополь — Адлер — посёлок Красная

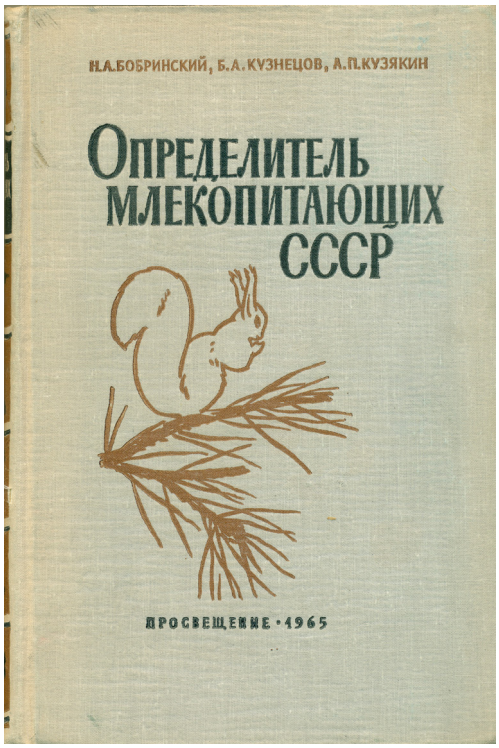


Рис. 43. ***Обложка 2-го издания «Определителя млекопитающих СССР» (1965 г.)***

Поляна — лагерь Холодный.

1965, III.: Поездка в Ленинград на защиту диссертации П. П. Стрелкова.

1965, 10. VI. -7. VIII.: Экспедиция в Узбекистан, Киргизию и Казахстан. В поездке принимали участие З. Игамбердиев и Сл. Романюк. Выполнены учёты булавоусых и птиц, отлов мелких зверьков и доработка текста школьной программы по зоологии. Из Москвы самолётом до Ташкента. Далее на прицепе мотороллера в Хумсан (первая база, в долине реки Угам). Отсюда походы на Каржантау. Затем из Хумсана в Ташкент и потом поездом во Фрунзе. Из Фрунзе на экспедиционной автомашине проехал по дороге до Оша с остановками в Таласской и Суусамырской долинах, у Янги-Базара (вторая база). Отсюда походы на хребты — Чаткальский, Пскемский, Сандалашский. Далее в Таш-Кумыр [северо–восток Ферганской долины — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Итоговый маршрут: Таш-Кумыр — Ташкент — Москва.

Рис. 44. ***А. П. Кузякин среди местных жителей. Алайский хребет, 1966 г.***

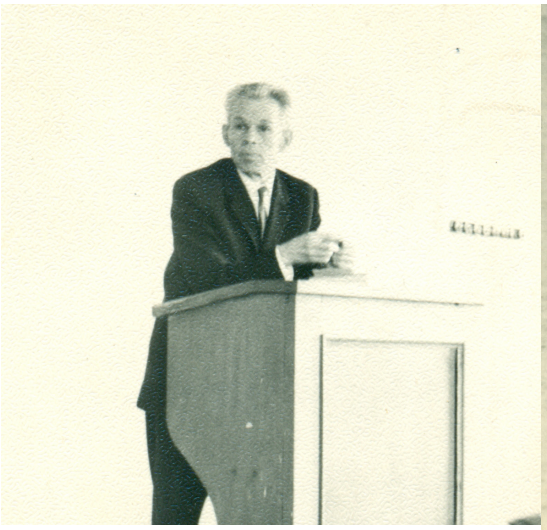


Рис. 45. ***Выступление А. П. Кузякина на заседании зоогеографической конференции. Одесса, 1966 г.***

Рис. 46. ***А. П. Кузякин и школьники из Киргизии. Памир, июль 1967 г.***

1965, 30. VIII. -8. IX.: Поездка в Казахстан. Перелёт самолётом из Москвы в Алма-Ату [ныне Алматы — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] на IV Всесоюзную орнитологическую конференцию с докладом на тему «Первые итоги исследований по ландшафтной орнитогеографии СССР» [см. «Современные проблемы орнитологии». — Фрунзе: Изд-во «Илим», 1965, с. 223-242. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Поездка автобусом на Медео. Групповые экскурсии на озера Заилийского Алатау — Иссык и Большое Алмаатинское. Сбор булавоусых. Возвращение самолётом из Алма-Аты в Москву.

1965: Выход 2-го издания «Определителя млекопитающих СССР».

1966, VI. -VII.: Экспедиция в Киргизию и Таджикистан. Работа на автотрассе Ош — Хорог протяжённостью 730 км с рабочими остановками и базами: Ош — предгорья Алайского хребта — перевал Талдык на Алайском хребте — северо-восточный край Алайской долины — северо-западный край Алайской долины — предгорья Заалайского хребта — перевал Кызыл-Арт на Заалайском хребте — пограничная застава у озера Каракуль — перевал Акбайтал на хребте Музкол — посёлок Чечекты (база, высокогорная станция АН Таджикской ССР) — посёлок Мургаб (Восточный Памир) — вниз по реке Мургаб — походы на Северо-Аличурский хребет — посёлок Аличур — походы на Южно-Аличурский хребет — озеро Сасыккуль — Хорог.

1966, VII. -VIII.: Хорог (база): походы на Шугнанский хребет и на хребет против Ботанического сада. Поездка до перевала Талдык на Алайском хребте и походы у посёлка Чечекты на Восточном Памире. Проезд в Хорог с остановками. Переезд из Хорога в Душанбе (530 км) с остановками в пути и выходом на хребет Петра Первого. Поездка из Душанбе на перевал Анзоб на Гиссарском хребте и в посёлок Пионерлагерь (в долине реки Анзоб). Возвращение самолётом из Душанбе в Москву.

1966, IX.: Поездка в Минск оппонентом по диссертации Р. К. Кожев-

Рис. 47. ***Вид на Ордубад и отроги Зангезурского хребта***

никовой.

1966, 26-30. IX.: Поездка в Одессу с докладом на тему «Дневные чешуекрылые как зоогеографический индикатор» [«IV межвузовская зоогеографическая конференция, 26-30 сентября 1966 г. Тезисы докладов. — Одесса: Одесский государственный университет, 1966, с. 135-136.» — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Избрание членом Постоянного зоогеографического комитета АН СССР.

1967, 15-19. III.: Поездка в Минск оппонентом по диссертации А. Н. Курскова.

1967, 9. VI. -25. VIII: Экспедиция в Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. В поездке на разных этапах принимали участие З. Игамбердиев, В. Красильников, Г. Бабушкин, Р. Гизатуллин, В. Чичкин. Выполнены учёты булавоусых и птиц, а также сбор их кладок. Маршрут: Москва — Ташкент — санаторий Хумсан на реке Угам (восточный склон Угамского хребта). Поездка из Ташкента проходила через город Чирчик в горы. Ещё обследовался Кураминский хребет. Переезд из Ташкента в Душанбе. Поездка на перевал Анзоб на Гиссарском хребте. Переезд из Душанбе в Хорог на попутных автомашинах с остановками. Выезды из Хорога по трассе Хорог — Ош с остановками в посёлках Джиланды, Аличур, Чечекты и далее на перевалы Кызыл-Арт на Заалайском хребте и Талдык на Алайском хребте. Возвращение в Хорог и далее в Душанбе с остановкой на перевале Дарвазского хребта.

1967, IX.: Поездка в Волгоград с докладом на тему «Зонально-поясная структура горных систем как основа для биогеографических исследований» [«Материалы III конференции зоологов педагогических институ-

тов РСФСР. — Волгоград: Волгоградский педагогический институт, 1967, с. 21-25.» *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1968, I.: Поездка в Воронеж оппонентом по диссертации И. В. Измайлова.

1968, 21. IV. -15. V.: Первая экспедиция в Закавказье и Туркмению за булавоусыми. Маршрут: Москва — Баку (вместо Красноводска, где самолёт не приняли). Далее тем же самолётом из Баку в Ашхабад. Из Ашхабада поездом в Кизыл-Арват [ныне Сердар — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Затем автобусом из Кизыл-Арвата в Кара-Калу [ныне Махтумкули — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Далее: Кара-Кала — Кизыл-Арват (машиной ГАЗ-69) — Ашхабад (поездом) — Баку (самолётом) — Тбилиси (самолётом) — Ереван (поездом) — село Азизбеков (автобусом) — Ереван (автобусом) — Ордубад (база) — Баку — Москва.

1968, 18. VI. -1. VIII.: Вторая экспедиция в Туркмению и Закавказье за булавоусыми совместно с двумя студентами МОПИ — С. Кретовой и Л. Мазиным. Из Москвы самолётом в Красноводск (ныне Туркменбашы — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*). Из Красноводска поездом в Кизыл-Арват. Далее автобусом в Кара-Калу (первая база). Отсюда совершались походы в горы на север и северо-восток на расстояния до 30 км. Из Кара-Калы пешим ходом переместились в ущелье Иол-Дере (вторая база). Возвращение в Кизыл-Арват и далее в Красноводск. Перелёт в Баку. Из Баку в Ленкорань. Затем на автомашине переезд в село Нуда (третья база), расположенного чуть ниже села Лерик. Возвращение в Ленкорань. Походы в предгорье Талыша в 15 км к северу от города Астара. Из Астары возвращение в Баку. Затем поездом переехали в город Ордубад (четвёртая

Рис. 48. ***А. П. Кузякин у гнезда жёлтоспинной мухоловки. Приморье, июнь 1969 г.***

база). Из неё делались походы вверх по реке Ордубадчай и в оазис в 15-20 км к юго-востоку от Ордубада. Выезд из Ордубада в Мегри (Армения) и обратно. Переезд из Ордубада через Азу и Джульфу в Биченак. Затем из Биченака через Нахичевань и Ереван в Тбилиси. Из Тбилиси выезд в Мцхету и обратно.

1968, 1-2. VIII.: Возвращение в Москву из Тбилиси через Баку.

1968, 3-20. VIII.: Оформление документов к несостоявшемуся выезду в Чехословакию на Первую конференцию по рукокрылым.

1968, 24. XI. -8. XII.: Поездка в Красноярск. Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1968, 9-22. XII.: Переезд из Красноярска в Абакан. Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1968, 19-22. XII.: Поездка в Новосибирск оппонентом по докторской диссертации Е. Е. Сыроечковского.

1969, 12. VI. -25. VIII.: Экспедиция в Хабаровск и Приморье за булавоусыми чешуекрылыми. В поездке принимали участие студенты МОПИ — С. Кретова и С. Кирющенко. Перелёт из Москвы в Хабаровск (первая база). Ежедневные поездки на хребет Хехцир (в 12-30 км к югу от Хабаровска). Переезд поездами из Хабаровска через Уссурийск до станции Приморская близ заповедника «Кедровая падь» (вторая база). Пять поездок на станцию Веневитиново в пойме реки Раздольная (в поисках лианы аристолёхия или кирказон и махаона паридес альциноус). Кроме того, выезды в посёлок Новонежино (третья база) и на станцию Хасан (четвёртая база), через Уссурийск в посёлок Каменушка у южной границы Супутинского [ныне Уссурийского — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] заповедника. Походы к заповеднику (пятая база). Проезды: Кедровая падь — Владивосток и обратно. Возвращение домой самолётами по маршруту: Владивосток — Хабаровск — Москва.

1969, V.: Поездка в Киров с докладом на тему «Зонально-ландшафтная основа для охотничьего хозяйства СССР» [Материалы Всесоюзной научно-производственной конференции по проблеме «Естественная производительность и продуктивность охотничьих угодий СССР». — Киров: ВНИИ животного сырья и пушнины, 1969, с. 75-80. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1969, IX.: Поездка в Ашхабад с докладом на тему «О русских названиях птиц» [«Орнитология в СССР». Материалы (тезисы) V Всесоюзной орнитологической конференции. — Ашхабад: Институт зоологии АН ТССР, 1969, кн. 2, с. 337-341. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Выезды из Ашхабада в посёлок Фирюза и на водохранилище [Куртлинское — *Прим. Л. Н. Мазина и Т. А. Кузякиной*]. Сбор булавоусых.

1969, XI. -XII.: Поездка в Саранск. Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте. Подготовка текста по насекомоядным для многотомника «Жизнь животных».

1969, XII.: Поездка по приглашению во Львов. Работа в течение 2-х недель в государственном университете (читал курс «Зоогеография СССР»). Для своей коллекции составил список булавоусых фауны СССР.

1970, IV.: Первая экспедиция в Туркмению (со студентами). Марш-

Рис. 49. ***А. П. Кузякин и В. И. Комкова на сборе булавоусых в окрестностях Ашхабада, сентябрь 1969 г.***

рут: Москва — Ашхабад — Мары — Чарджоу [ныне Туркменабат — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] (база). Выезды из Чарджоу: на селекционную станцию в 15 км к востоку от города, на 65-70 км вниз по течению вдоль левого берега Амударьи, возвращение оттуда через посёлок Фараб [ныне город Фарап — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] вдоль правого берега Амударьи. Поездка на автомашине на полевую практику на Кугитангтау и обратно. Поездка поездом в Репетек и обратно. Возвращение из Чарджоу в Ашхабад. Выезд из Ашхабада в Бахарденскую пещеру и обратно. Вовращение в Москву.

1970, 21. VI. -9. VII.: Вторая экспедиция в Туркмению. В поездке принимал участие аспирант С. Реджепалыев. Выполнены учёты булавоусых и птиц, отмечались встречи с летучими мышами. Маршрут: Москва — Ашхабад — Мары — Чарджоу. Проведение занятий со студентами педагоги-ческого института. Поездки: на селекционную станцию, в Репетек и на Кугитангтау. Проезд на автомашине с гребня Кугитангтау до посёлка Чаршанга [ныне город Койтендаг — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Перелёт на маленьком санитарном самолёте из Чаршанга в Чарджоу с посадкой в посёлке Гаурдак.

1970, 10. VII. -2. VIII.: Экспедиция в Казахстан. Выполнены учёты булавоусых и птиц (эпизодически), отмечались встречи с мелкими млекопитающими. Переезд поездами и автобусами из Чарджоу в город Текели (Казахстан, в южных предгорьях Джунгарского Алатау). Походы до 40-50 км от Текели со студентами МОПИ Л. Мазиным, Б. Маниным и С. Кирющенко до альпийского пояса на двух смежных хребтах. Возвращение из Текели в Москву через Алма-Ату [ныне Алматы — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1970, IX.: Поездка в Саранск: Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте. Завершение текста по насекомоядным для многотомника «Жизнь животных».

1970, IX.: Поездка в Горький [ныне Нижний Новгород — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] с докладом на тему «О теории вида и видообразования» [Материалы IV научной конференции зоологов педагогических институтов. — Горький: Горьковский государственный педагогический институт, 1970, с. 17-19. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*].

1970 (?), XI. -XII.: Две поездки в Киров: в педагогический институт и в сельскохозяйственный институт (на охотоведческий факультет).

1971, 25. I. -7. II.: Экспедиция со студентами и аспирантами (среди них В. В. Титова) в Закавказье. Маршрут: Москва — Баку — Тбилиси — Су-

хуми (база). Обратный маршрут: Сухуми — Баку — Махачкала — Москва.

1971, VI. -VIII.: Экспедиция на северо-восток Сибири. Перелёт Москва — Якутск (первая база). Перелёт из Якутска через Алдан за жёлтыми аполлонами в город Томмот [вторая база, в 390 км к юго-западу от Якутска — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*], затем автобусом и на пароме. Возвращение в Якутск обратным маршрутом. Затем из Якутска в Магадан (третья база). Выезд на 72-й км от Магадана по Колымской трассе. Эликчанские озёра в 12 км от посёлка Атка (около 200 км к северо-северо-востоку от Магадана). Из Магадана переезд в посёлок Сеймчан (четвёртая база) близ реки Колыма. Из Сеймчана переезд в Омсукчан (пятая база, 425 км к северо-востоку от Магадана). Возвращение в Магадан. Затем перелёт из Магадана через город Анадырь в посёлок Проведения. Затем переезд в Горячие Ключи (пионерлагерь в 65 км от Проведения, шестая база). Встреча со студентами МОПИ А. Сорокиным и С. Кирющенко. Возвращение из Проведения в Магадан прежним маршрутом. Проезд от Магадана по Колымской дороге с рабочими остановками до посёлка Мяунджи (седьмая база). Возвращение в Магадан с рабочей остановкой у Эликчанских озёр близ посёлка Атка (восьмая база). Возвращение в Москву через Магадан и Якутск.

1971, 16. XI. -5. XII.: Поездка в Чехословакию. Отмечались птицы: в дороге, в Брно, в лесу у пещер. В пещере отмечены несколько видов летучих мышей. В Праге состоялось знакомство с фондами териологической коллекции ЧСАН. Маршрут: из Москвы через Киев, Львов, Чоп и Оломоуц (пересадка на другой поезд) в Брно. 28 и 29 ноября поездка в Моравию — в пещеры Охоз (около 20 км к югу от Брно). Возвращение из Брно в Москву через Прагу и Чоп.

1972, III.: Поездка в Киров: Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1972, IV.: Поездка в Чарджоу [ныне Туркменабат — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]: Работа в течение 2-х недель в Туркменском государственном педагогическом институте.

1972, VI. -VIII.: Экспедиция в Туву со студентами МОПИ Б. Маниным, Л. Шуловой, Т. Ивановой, А. Соловьёвым, А. Рабочих, Г. Давыдовым. Из Москвы до Красноярска самолётом. Далее в Абакан поездом и оттуда в Кызыл (первая база) самолётом. Местные выезды: Кызыл — село Эрзин (вторая база, [в 216 км к югу от Кызыла — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]), у озера Тере-Холь (третья база). Возвращение в Кызыл с рабочими остановками через село Эрзин. Проезды на автомашине по маршруту Кызыл — село Саглы [в 240 км к юго-западу от Кызыла — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] — 30 км с северо-западу от села Саглы (четвёртая база). Возвращение в Саглы автомашиной и далее в Кызыл самолётом. Возвращение в Москву самолётами через Красноярск и Челябинск.

1972, 9-19. IX.: Поездка в Югославию с докладом на тему «Обзор исследований рукокрылых зоологами Советского Союза в течение прошлых двух десятилетий» (Третья международная конференция по рукокрылым). Позднее доклад был опубликован на английском языке [A. P. Kuzyakin. Review of investigation of the Order *Chiroptera* by zoologists of the Soviet

Union for the last two decades // Periodicum Biologorum, 1973, Sv. 75, Br. I, l. 117-123. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Вылет из Москвы до Белграда [ныне Сербия — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Далее поездом до Загреба [ныне Хорватия — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Далее автобусом в национальный парк «Плитвицкие озёра» (140 км от Загреба). Возвращение в Загреб (база). Выезды в пригороды Загреба. 17 и 18 сентября поездка поездом в Белград. Поездка через Нови-Сад на легковой автомашине на Биобазу АН Югославии (в 75 км к северо-западу от Белграда) и обратно. Вылет из Белграда в Москву.

1972, 21-30. IX.: Две поездки. Первая поездом в Мичуринск на семинар по экологии и биогеографии. Вторая — совместная с А. Г. Вороновым автобусом из Мичуринска в Тамбов в педагогический институт. Возвращение в Москву.

1972, XI. -XII.: Поездка в Саранск: Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1973, 3-20. II.: Поездка в Дагестан: Полевые работы и чтение лекций. Местные выезды в пещеру (в 50 км к юго-западу от Махачкалы) и в сторону Каспия.

1973, середина IV.: Больница, операция.

1973, 24-28. IV.: Поездка в Ленинград оппонентом по диссертации А. И. Константинова.

1973, VII. -VIII.: Экспедиция на Полярный Урал. Из Москвы поездом до города Лабытнанги (первая база). Поездка речным трамваем в город Салехард и обратно. Поездка на 60-й км (вторая база) от Лабытнанги. По-

Рис. 50. ***А. П. Кузякин среди участников териологического конгресса. Москва, июнь 1974 г.***

Рис. 51. ***А. П. Кузякин и студенты МОПИ заняты перевозкой вещей. Станция Кара-Балта, июль 1974 г.***

ездка в посёлок Сейда (третья база, 72 км к югу от Воркуты) и обратно. Возвращение в Москву.

1973, 24-30. IX.: Поездка во Владимир с докладом на тему «Зоогеография и фаунология как разделы учебного курса биогеографии в педагогических институтах» [Материалы научного совещания зоологов педагогических институтов. — Владимир: Владимирский государственный педагогический институт, 1973, с. 19-27. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Экскурсия из Владимира в Суздаль и обратно.

1974, IV.: Поездка в Арзамас: Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1974, VI.: Участие в работе I-го Международного териологического конгресса в Москве.

1974, 7. VII. -18. VIII.: Экспедиция в Казахстан и Киргизию на разрез через 3 природных зоны: пустынную, полупустынную и степную. В поездке были: аспирантка В. В. Титова, студенты МОПИ — О. Барышева, Т. Чистова, А. Поликарпов и П. Морозов и студенты Арзамасского ГПИ — Е. Антонов, Г. Трусова и Г. Цыганова. Проводились учёты булавоусых, изредка птиц и мелких млекопитающих, отмечались находки их жилых нор, а также полёты летучих мышей и встречи с бегущими особями малого тушканчика. Поездами из Москвы до Караганды и далее до станции Кара-Мурун. Затем автобусом до посёлка Красная Поляна (в 63 км к югу от Караганды, первая база). Из Красной Поляны через Кара-Мурун и Караганду в город Абай (к юго-западу от Караганды, вторая база). Переезд из Абая через Караганду до станции Мойынты (в 361 км к югу от Караганды, третья база). Переезд 18 июля из Мойынты в посёлок Мынарал (четвёртая

база) на западном берегу озера Балхаш. Переезд 25 июля из Мынарала на юг до села Аспара (у восточного края песков Мойынкума, пятая база). Переезд 30-31 июля из Аспары автобусом до посёлка Чу и далее поездом до станции Кара-Балта (Киргизия, шестая база). Поездка на перевал через Киргизский хребет и обратно. Переезд 6-7 августа из Кара-Балты до станции Кара-Мурун (седьмая база). Повторный приезд в посёлок Мынарал. Возвращение 14-15 августа в Караганду. 16-22 августа поездка в Зайсанскую котловину: Из Караганды через Усть-Каменогорск до посёлка Буран на правом берегу реки Чёрный Иртыш. Затем переез на пароме на левый берег Чёрного Иртыша (в пойме под деревом восьмая база на 5 суток с ночными охотами на хомячков Роборовского). Возвращение из Бурана через Усть-Каменогорск в Караганду. Возвращение из Караганды поездом в Москву.

1974, XI.: Поездка во Владимир: Работа по приглашению в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1975, 12. VII. -27. VIII.: Вторая экспедиция в Туву. В ней принимали участие аспирантка Л. К. Аракчаа, студенты МОПИ О. Барышева, Т. Чистова, Н. Маракова и студент Кызыльского ГПИ Н. Путинцев. Проводились учёты булавоусых и птиц, а также отловы мелких млекопитающих. Отмечались виды летучих мышей. Из Москвы через Красноярск и Абакан двумя самолётами в Кызыл (первая база). Из Кызыла в посёлок Чедыр [возможно Чедер — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] в 35 км к юго-востоку от Кызыла (вторая база). Проезд на машине и автобусе от Кызыла до монгольской границы, по территории Монголии (240 км в объезд озера Убсу-Нур), до села Мугур-Аксы в долине реки Карга (третья база). Возвращение из Мугур-Аксы в Кызыл самолётами с посадкой в селе Саглы и ещё одном селении. Возвращение самолётами в Москву через Абакан и Красноярск.

1975, 1-6. IX.: Поездка поездом в Кишинёв с докладом на тему «Вклад зоогеографии в зонально-ландшафтное районирование» [«Актуальные вопросы зоогеографии». VI Всесоюзная зоогеографическая конференция, сентябрь 1975 г. Тезисы докладов. — Кишинёв: Штиинца, 1975, с. 130-132. — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*]. Экскурсия в село Пушкино [возможно это село Долна в 55 км от Кишинёва — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] и обратно.

1975, 23-28. IX.: Поездка в Тирасполь на Всесоюзное совещание по совершенствованию содержания, методов и организации учебно-полевых практик по биологическому циклу дисциплин. Экскурсия на автобусе через Кишинёв в село Пушкино.

1975, 27-31. XII.: Поездка в Куйбышев [ныне Самара — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] оппонентом по диссертации В. И. Висковой.

1976, IV.: Поездка в Саранск. Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1976, 8. VI. -6. VII.: Поездка в Болгарию совместно с В. И. Комковой [жена А. П. Кузякина — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] и аспиранткой И. Атанасовой. Учёт булавоусых. Регистрация встреч с видами птиц. Отлов мелких млекопитающих. Из Москвы поездом через Румынию (Яссы

— Бухарест) в Софию. Из Софии поездом до Шумена (первая база). Выезд из Шумена в город Тырговиште (в 35 км к западу от Шумена) с остановкой на 3 дня. Переезд на автомашине «Лада» из Тырговиште через Варну в Балчик (северо-восток страны, на берегу Чёрного моря, вторая база). Переезд по маршруту Балчик — Варна — Шумен — Тырговиште — хижа Бузлуце [туристическая база — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] на перевале через восточную часть хребта Стара Планина — Габрово — Пловдив — хижа Здравец в горах Родопы (третья база). Проезд на такси от хижы Здравец до города Боровец (север Рильских гор). Подъём с тяжёлыми вещами до хижы Мусала (2900 м н. у. м., четвёртая база). Переезд из Мусалы через Боровец в Софию (пятая база). Поездка на гору Витоша и обратно. Переезд поездом в Шумен и возвращение самолётом в Софию. Возвращение поездом домой по маршруту: София — Русе (Болгария) — Бухарест — Москва.

1976, 17. VII. -25. VIII.: Приморская экспедиция с 11 студентами МОПИ: Г. Антоновой, О. Барышевой, А. Поликарповым, Т. Чистовой, М. Матюниным, Б. Бойко, Н. Мараковой, Н. Степановым, О. Петрович и супругами Фоменко. Учёт булавоусых. Регистрация встреч с видами птиц. Отлов мелких млекопитающих. На кордоне заповедника «Кедровая падь» летучие мыши не обнаружены. Из Москвы самолётом до Хабаровска. Далее поездами через Уссурийск до станции Приморская (первая база). Затем перебрались в посёлок Посьет (вторая база). Из Посьета переехали во Владивосток. Оттуда переехали в Уссурийск и далее в село Каменушка (третья база) у Уссурийского [ранее Супутинского — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] заповедника. 18 августа из Каменушки через Уссурийск переехали в Хабаровск. В Москву из Хабаровска возвращались поездом.

1976, 11. -18. IX.: Поездка в Пермь с докладом на тему «Современное состояние систематики булавоусых Евразии» (Современные проблемы зоологии и совершенствование методики её преподавания в вузе и в школе. Тезисы Всесоюзной научной конференции зоологов педвузов, 13-16 сентября 1976 г. — Пермь: Пермский госпединститут, 1976, с. 87-89).

1976, XI. -XII.: Две первые операции глаза.

1977, 26. VI. -VII.: Третья экспедиция в Туву. Самолётами из Москвы через Красноярск в Абакан. Оттуда автобусом в Кызыл (первая база). Из Кызыла в посёлок Чедыр [возможно Чедер — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] в 35 км к юго-востоку от Кызыла (вторая база). Возвращение самолётами домой по маршруту: Кызыл — Красноярск — Челябинск — Москва.

1977, 8-20. IX.: Поездка в Кабардино-Балкарию на Всесоюзный семинар по изучению горных млекопитающих и Второе Всесоюзное совещание по рукокрылым. Маршрут поездки: из Москвы поездом до Нальчика. Оттуда автобусом в пансионат Чегет (база, около 2000 м н. у. м. в Чегемском ущелье Эльбруса). Возвращение: Чегет — Нальчик — Москва.

1977, XI.: Поездка в Калугу: Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте.

1978, 3. VII.: В первый день отпуска — 3-я операция глаза. Весь отпуск на больничном листе. Дальних выездов не было.

1979, 11-19. XI.: Поездка в Ставрополь с докладом на тему «О структуре и терминологии курса «Биогеография» (Новые проблемы зоологической науки и их отражение в вузовском преподавании. Тезисы докладов научной конференции зоологов пединститутов, 13-17 ноября 1979 г. — Ставрополь: Ставропольский госпединститут, 1979, ч. I, с. 22-23.).

1980, III.: Поездка в Свердловск [ныне Екатеринбург — *Прим. Л. Н. Мазина, Т. А. Кузякиной*] на сессию Центрального совета Всесоюзного териологичнского общества (ВТО).

1980, VII.: Поездка в Западную Сибирь. Маршрут: из Москвы поездом в Тюмень. Оттуда поездом в село Кармаки. Далее на попутном грузовике в село Успенское. Затем автобусом в Тюмень и поездом в Тобольск. Возвращение поездом в Москву из Тобольска через Тюмень.

1980, 30. VII. -18. VIII.: Поездка в Чехословакию. Маршрут: поездами Москва — Киев — Львов — Чоп — Оломоуц (пересадка) — Брно (первая база) — Раковец (вторая база, в 50 км к югу от Брно). Из Раковица в Брно на легковой автомашине. Из Брно поездом в Прагу. Возвращение домой поездом через Польшу: Прага — Варшава — Брест — Минск — Москва.

1980, XI.: Поездка в Хабаровск. Работа в течение 2-х недель в педагогическом институте. Москва — Хабаровск (беспосадочный перелёт над Сургутом и Нижней Тунгуской). Возвращение в Москву самолётом также без посадок в пути.

1980, 1-7. XII.: Поездка поездом в Саратов с докладом, совместным с И. М. Громовым и П. А. Пантелеевым, на тему «О русских названиях грызунов фауны СССР» (Грызуны. Материалы V Всесоюзного совещания. Саратов, 3-5 декабря 1980 г. — М.: Наука, 1980, с. 10-13).

Научное наследие Александра Петровича Кузякина

Руководство А. П. Кузякиным аспирантами и соискателями в МОПИ им. Н. К. Крупской

Л. Н. Мазин

Эта статья подготовлена по материалам личного архива А. П. Кузякина, хранящегося в Государственном Дарвиновском музее, и личного архива Л. Н. Мазина.

Александр Александрович Лавровский

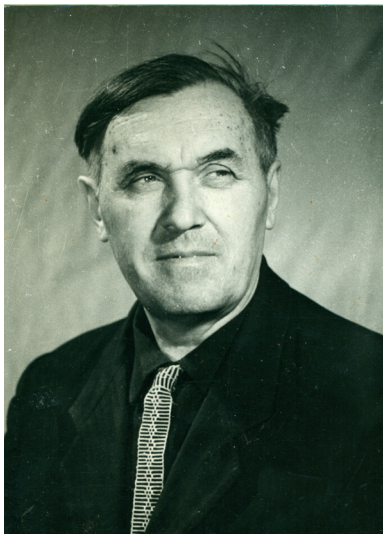
Родился 01. 04. 1914 г., село Мартыновка Бугурусланского уезда Оренбугской губернии (ныне Асекеевский район Оренбургской области).

В 1929 г. окончил среднюю школу в г. Астрахань.

В 1937 г. окончил Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства (г. Балашиха Московской области).

В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кабан дельты Волги».

В 1966 г. во Всесоюзном научно-исследовательском противочумном институте «Микроб» Минздрава СССР (г. Саратов) защитил докторскую диссертацию на тему «Изменение ландшафтов и фаунистических комплексов на побережье Каспийского моря в связи с его регрессией и влияние этих изменений на природные очаги чумы». Доктор биологических наук, профессор (1970 г.).



Александр Николаевич Щербаков

Родился 01. 10. 1914 г. в г. Малоярославец Калужской губернии.

В 1929 г. окончил сельскую школу.

В 1938 г. окончил охотоведческий факультет Всесоюзного зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства (г. Балашиха Московской области).

В 1941 г. участник обороны Москвы.

В 1942 г. окончил лечебный факультет Военно-ветеринарной академии РККА (г. Москва).

В 1942-1945 г. врач-хирург и врач-зоолог армий Дальневосточного фронта.

В 1945 г. участник боевых действий в Северном Китае.

В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экология кабарги».

Кандидат биологических наук (1954 г.), доцент (1958 г.).

Награждён медалями: «Участнику Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (1947 г.), «За победу над Японией» (1948 г.) и «В память 800-летия Москвы» (1948 г.).

Иво Грулих

Родился 14. 09. 1925 г. в г. Градец-Кралове (Чехословацкая Республика).

Начальную школу (4 класса гимназии) окончил в Градец-Кралове, а затем — сельскохозяйственный техникум в г. Хрудим.

В 1950 г. в г. Брно окончил сельскохозяйственный ВУЗ.

В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль муравьёв по растаскиванию приманок в понижении эффективности борьбы с сусликами».

В 1960 г. в ЧССР защитил доцентскую диссертацию и стал доцентом зоологии.

Мария Георгиевна Неемченко-Хитрова

В 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Биологические основы организации боброво-выхухолевых хозяйств в бассейне реки Хопра».

Асланби Казиевич Темботов

Родился 16. 01. 1932 г. в селе Псынадаха Зольского района Кабардино-Балкарской АССР.

В 1950 г. окончил среднюю школу в селе Зольское.

В 1954 г. окончил Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт.

В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Млекопитающие Северного Кавказа».

В 1970 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Млекопитающие горной части Северного Кавказа. Экологический анализ географического распространения».

Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (1991 г.).

Юрий Иванович Чернов

Родился 08. 01. 1934 г. в селе Троицкое-Лобаново Ступинского района Московской области.

В 1953 г. окончил среднюю школу в г. Калининград Московской области.

В 1958 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской.

В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Наземные беспозвоночные мезофауны в биоценозах тундровой зоны».

В 1976 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Животный мир Субарктики и зональные факторы среды».

Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1987 г.), академик РАН (2003 г.).

Награждён орденом «Знак Почёта», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Лауреат золотой медали им. В. Н. Сукачева РАН, международной премии им. А. П. Карпинского (1997 г.).

Станислава А. Мальджюнайте

Родилась 12. 02. 1927 г. в г. Швенчёнис (Литва).

В 1945 г. окончила среднюю школу в г. Швенчёнис Литовская ССР.

В 1950 г. окончила факультет естественных наук Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса.

В 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Куницеобразные хищники Литовской ССР, их биология, численность и хозяйственное значение».

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник.

Александр Александрович Вершинин

Родился 08. 11. 1915 г. в Москве.

В 1933 г. окончил школу в Москве.

В 1937 г. окончил Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства (г. Балашиха Московской области) по специальности биотехник-охотовед высшей категории.

В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Камчатский соболь».

Кандидат биологических наук.

Сергей Владимирович Мараков

Родился 23. 11. 1929 г. в Москве.

В 1947 г. окончил среднюю школу в Москве.

В 1952 г. окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования.

В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Млекопитающие и птицы Командорских островов».

Кандидат биологических наук, доцент.

Командорский государственный природный биосферный заповедник носит имя С. В. Маракова

Рудольф Леонидович Наумов

Родился 25. 10. 1935 г. в Москве.

В 1953 г. окончил школу № 110 в Москве.

В 1958 г. окончил биолого-почвенный факультет (кафедра зоологии позвоночных) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Птицы в очагах клещевого энцефалита Красноярского края».

В 1985 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Принципы и методы мониторинга природных очагов клещевого энцефалита».

Доктор биологических наук, старший научный сотрудник.

Станислав Петрович Чунихин

Родился 29. 04. 1937 г. в г. Нальчик Кабардино-Балкарской АССР.

В 1955 г. там же окончил среднюю школу.

В 1960 г. окончил биолого-почвенный факультет (кафедра зоологии позвоночных) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Значение птиц в обработанных акарицидами очагах клещевого энцефалита».

В 1972 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Изучение экологии и географического распространения арбовирусов в аридных районах Средней Азии и некоторых странах Африки».

Доктор биологических наук.

Энергия Васильевна Рогачёва

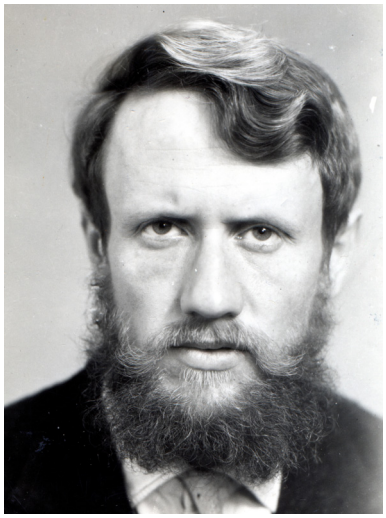
Родилась 01. 10. 1932 г. в Москве.

В 1955 г. окончила географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Птицы и млекопитающие Приенисейской лесотундры и тайги».

В 1990 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Птицы Средней Сибири (фауна, зоогеография, проблемы охраны и рационального использования)».

Доктор биологических наук, профессор (1994 г.), действительный член Петровской академии наук и искусств (1996 г.).



Юрий Соломонович Равкин

Родился 13. 03. 1937 г. в Москве.

В 1954 г. окончил школу в Москве.

В 1960 г. окончил естественно-географический факультет Московского областного педагогического институт им. Н. К. Крупской.

В 1966 г. на Объединённом учёном совете СО АН СССР по биологическим наукам защитил кандидатскую диссертацию на тему «Структура населения птиц Северо-Восточного Алтая».

В 1980 г. в Институте эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР защитил докторскую диссертацию на тему «Пространственная организация населения птиц лесной зоны Западной Сибири». Доктор биологических наук. Профессор (1990 г.). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997 г.).

Пётр Петрович Второв

Родился 01. 08. 1938 г. в Москве.

В 1955 г. окончил среднюю школу № 1 в посёлке Малаховка Московской области.

В 1963 г. окончил географический факультет (кафедра биогеографии) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В 1967 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Биогеографические и биогеофизические особенности некоторых поясов Терскей Ала-Тоо (Тянь-Шань)».

Автор нового научного направления — Синтетическая биогеография.

Член Комитета по улучшению культурных ландшафтов МСОП, Комиссии по планированию окружающей среды МСОП, международной биологической программы ЮНЕСКО, Комиссии по Советско-Шведскому сотрудничеству по охране природы, Комиссии по Советско-Американскому сотрудничеству по проблеме окружающей среды, Всесоюзного зоогеографического комитета, Советского комитета международной программы «Человек и биосфера».

Именем П. П. Второва названы 16 видов беспозвоночных животных.

Валентина Тихоновна Тагирова

Родилась 28. 03. 1938 г. в селе Райчиха Михайловского района Амурской области.

В 1955 г. окончила среднюю школу в посёлке Иннокентьевка Нанайского района Хабаровского края.

В 1962 г. окончила Хабаровский государственный педагогический институт.

В 1967 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фоновые млекопитающие основных ландшафтов Приамурья».

В 1998 г. в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН защитила докторскую диссертацию на тему «Наземные позвоночные Среднего и Нижнего Приамурья (фауна, зоогеография, проблемы охраны и рационального использования)». Доктор биологических наук, профессор (1990 г.).

Отличник народного просвещения (1985 г.), Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2008 г.).

Член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (1996 г.), действительный член этой академии (2005 г.).

Награждена медалями имени М. В. Ломоносова (2005 г.), В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова.

Хату Хажбиевич Шхашамишев

Родился в 1937 г. в селе Старый Урух Урванского района Кабардино-Балкарской АССР.

В 1955 г. окончил среднюю школу в селе Старый Урух.

В 1960 г. окончил химико-биологический факультет Кабардино-Балкарского университета (г. Нальчик).

В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Распределение прямокрылых и булавоусых чешуекрылых по высотным поясам Кабардино-Балкарии».

В 1992 г. в Институте экологии растений и животных УрО РАН защитил докторскую диссертацию на тему «Закономерности пространственной структуры ареалов млекопитающих (на примере гор Кавказа)».

Доктор биологических наук.

Галина Константиновна Боровицкая

Родилась 07. 11. 1934 г. в г. Улан-Удэ Бурятской АССР.

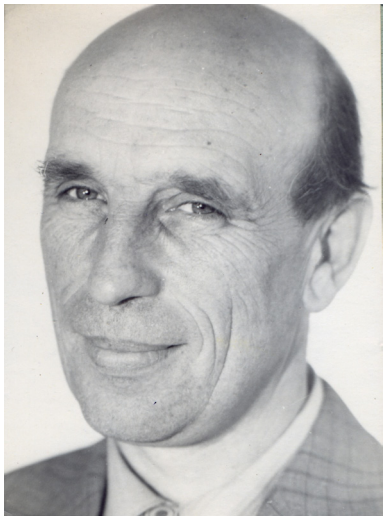
В 1952 г. окончила среднюю школу № 2 г. Улан-Удэ.

В 1957 г. окончила биолого-химический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Бонзарова.

В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Население птиц и мелких млекопитающих основных ландшафтов юго-западного Забайкалья».

Кандидат биологических наук, доцент.

Отличник народного просвещения (1980 г.).



Александр Александрович Воронин

Родился 01. 01. 1933 г. в г. Таруса Калужской области.

В 1950 г. окончил среднюю школу в г. Таруса.

В 1955 г. окончил Московский пушно-меховой институт.

В 1964 г. окончил биолого-химический факультет Калужского государственного педагогического института.

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Охотничьи животные и охоугодья Калужской области»

Кандидат биологических наук.

Константин Константинович Панютин

Родился 31. 08. 1936 г. в Москве.

В 1954 г. там же окончил школу № 603.

В 1958 г. окончил факультет естествознания Московского городского педагогического института им. В. П. Потёмкина.

В 1960 г. окончил Московский государственный заочный педагогический институт.

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экология летучих мышей в лесных ландшафтах».

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник.

Ирина Касимовна Рахматулина

Родилась 01. 07. 1937 г. в г. Нижний Тагил Свердловской области.

В 1955 г. окончила среднюю школу в посёлке Салоглу Азербайджанской ССР.

В 1961 г. окончила биологический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова.

В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рукокрылые Азербайджана».

В 1991 г. в Санкт-Петербургском государственном университете защитила докторскую диссертацию на тему «Рукокрылые Восточного Закавказья (фауна, экология, зоогеография)».

Анна Назаровна Чарушина

Родилась 13. 12. 1933 г. в Уржумском районе Кировской области.

В 1951 г. окончила Уржумское педагогическое училище им. С. М. Кирова.

В 1958 г. с отличием закончила Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.

В 1971 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Насекомоядные, грызуны, их эктопаразиты и булавоусые чешуекрылые основных ландшафтов Кировской области». Кандидат биологических наук, доцент.

Сапар Реджепалиев

Родился 28. 04. 1938 г. в с/с им. Чкалова Марыйского района Марыйской области Туркменской ССР.

В 1956 г. там же окончил среднюю школу № 13.

В 1963 г. окончил биолого-химический факультет Туркменского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (г. Чарджоу).

В 1975 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фоновые булавоусые чешуекрылые и рептилии Приамударьинской Туркмении».

Кандидат биологических наук.

Михаил Иванович Майхрук

Родился 26. 09. 1940 г. в селе Белобожница Чортковского района Тернопольской области Украинской ССР.

В 1959 г. там же окончил среднюю школу.

В 1967 г. окончил Мордовский государственный педагогический институт (г. Саранск).

В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Птицы городского ландшафта (на примере г. Саранска)»

Кандидат биологических наук, доцент.

Валентина Васильевна Титова

Родилась 13. 07. 1949 г. в селе Пешелань Арзамасского района Горьковской области.

В 1966 г. окончила среднюю школу № 2 им. А. С. Пушкина в г. Арзамас.

В 1971 г. окончила Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара.

В 1977 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Население мелких млекопитающих и булавоусых чешуекрылых на разрезе через три зоны Казахстана».

Кандидат биологических наук, доцент.

Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Александр Григорьевич Сорокин

Родился 03. 01. 1950 г. в Москве.

В 1967 г. там же окончил среднюю школу № 11 Октябрьского района.

В 1972 г. окончил естественно-географический факультет Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской.

В 1977 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население птиц, мелких млекопитающих и булавоусых чешуекрылых Севера Дальнего Востока».

Кандидат биологических наук, старший науный сотрудник.

Валентина Никитична Руди

Родилась 05. 09. 1938 г. в селе Вторая Александровка Саркташского района Оренбургской области.

В 1957 г. окончила среднюю школу в г. Оренбург.

В 1962 г. окончила естественно-географический факультет Оренбургского государственного педагогического института им. В. П. Чкалова.

В 1979 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Морфология, распространение и экология малого суслика на Южном Урале».

В 1997 г. в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН защитила докторскую диссертацию на тему «Млекопитающие Южного Урала: фауна, зоогеография, охрана природы и рациональное использование». Доктор биологических наук, профессор.

Отличник народного просвещения РФ. Награждена медалью австрийского зоолога Ганса Псеннера за исследования степного сурка.

Иванка Йовкова Атанасова

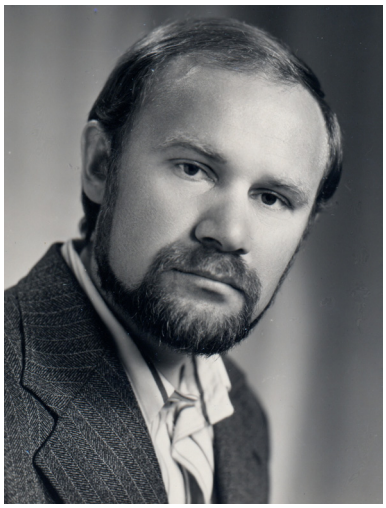
Родилась 19. 04. 1943 г. в селе Садина Тырговиштской области Болгарии.

В 1961 г. окончила гимназию.

В 1967 г. окончила Софийский государственный университет.

В 1980 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Распределение насекомоядных и грызунов по высотным поясам и ландшафтам Болгарии».

Кандидат биологических наук.



Николай Евгеньевич Докучаев

Родился 12. 07. 1950 г. в селе Третья Кузнечиха района имени Лазо Хабаровского края.

В 1967 г. окончил среднюю школу в посёлке Сидима района имени Лазо.

В 1973 г. окончил Дальневосточный государственный университет в городе Владивосток.

В 1980 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экология бурозубок на Северо-Востоке Сибири и оценка их роли в биоценозах»

Доктор биологических наук (1998 г.), старший научный сотрудник (1997 г.).

Лилия Кыргысовна Аракчаа

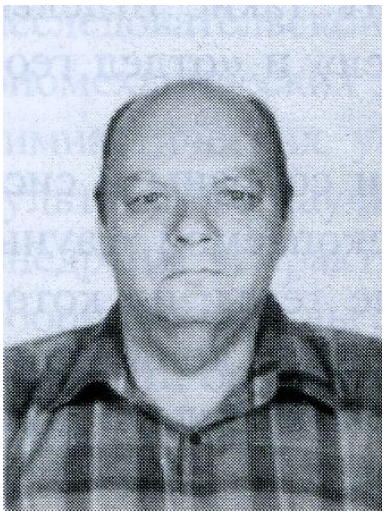
Родилась 23. 07. 1939 г. в г. Горно-Алтайск Алтайского края.

В 1957 г. окончила среднюю школу в г. Кызыл Тувинской АССР.

В 1962 г. окончила Московскую ветеринарную академию.

В 1980 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ландшафтно-поясная структура населения мелких млекопитающих и булавоусых чешуекрылых Тувы». Кандидат биологических наук, профессор.

Отличник народного просвещения РФ, Заслуженный деятель науки Республики Тыва (1996 г.), Заслуженный работник образования Республики Тыва (2004 г.), Почётный работник высшего профессионального образования РФ (2013 г.).



Евгений Аркадьевич Ганжа

Родился в 1943 г. в селе Шапкино Мучкапского района Тамбовской области.

В 1960 г. там же окончил среднюю школу.

В 1965 г. окончил биолого-географический факультет Тамбовского государственного педагогического института.

В 1980 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ландшафтное распределение булавоусых чешуекрылых, грызунов и насекомоядных Тамбовской области».

Кандидат биологических наук, профессор.

Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Лев Николаевич Мазин

Родился 21. 07. 1949 г. в г. Щёлково Московской области.

В 1966 г. там же окончил среднюю школу № 6.

В 1971 г. окончил естественно-географический факультет МОПИ им. Н. К. Крупской.

В 1981 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Высотно-поясная структура населения имаго булавоусых чешуекрылых в горных хребтах юга СССР».

Кандидат биологических наук (1981 г.), старший научный сотрудник (1991 г.), доцент (1995 г.), член-корреспондент Российской академии естественных наук (2017 г.).

Награждён медалью «Лауреат ВВЦ Российской Федерации» (2001 г.),

памятной медалью «90 лет Госсанэпидслужбе России» (2012 г.).

Сергей Вениаминович Ельшин

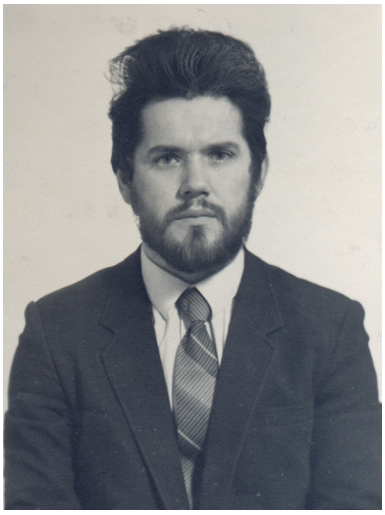
Родился 22. 05. 1955 г. в г. Киров.

В 1972 г. там же окончил среднюю школу.

В 1977 г. окончил естественно-географический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

В 1983 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Зонально-ландшафтные особенности населения мелких млекопитающих и их эктопаразитов Приобского Севера». Кандидат биологических наук.

Лауреат премии «Вятский горожанин» (2007 г.).



Владимир Павлович Стариков

Родился 15. 09. 1951 г. в г. Копейск Челябинской области.

В 1969 г. окончил среднюю школу в г. Курган.

В 1974 г. окончил биолого-химический факультет Курганского государственного педагогического института.

В 1983 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитил кандидатскую диссертацию на тему «Структура населения мелких млекопитающих лесолуговой и таёжной зон Западной Сибири».

В 1997 г. в Институте экологии растений и животных УрО РАН защитил докторскую диссертацию на тему «Биология грызунов на границе их ареалов в Южном Зауралье». Доктор биологических наук, профессор.

Людмила Ивановна Прилуцкая

Родилась 12. 10. 1947 г. в г. Махачкала Дагестанской АССР.

В 1965 г. там же окончила среднюю школу.

В 1970 г. окончила Дагестанский государственный университет.

В 1985 г. в МОПИ им. Н. К. Крупской защитила кандидатскую диссертацию на тему «Домовая мышь на территории СССР. Опыт кадастровой оценки».

Кандидат биологических наук, доцент.

Александр Александрович Вахрушев

Родился 03. 12. 1958 г. в Москве.

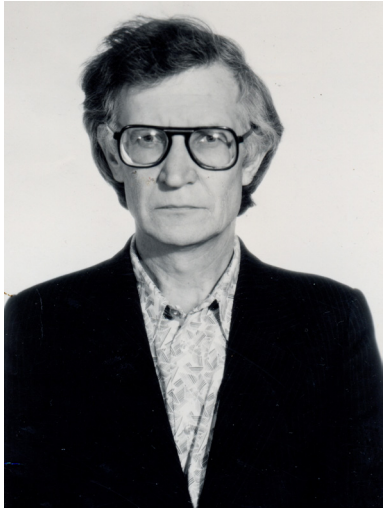
В 1968 г. окончил биологическую школу № 135 Москвы.

В 1979 г. окончил географо-биологический факультет МОПИ им. Н. К. Крупской.

В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Особенности экологи птиц-синантропов в условиях большого города».

Кандидат биологических наук, доцент, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, вице-президент Образовательной системы «Школа 2100».

Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования (2008).



Юрий Петрович Малков

Родился 11. 08. 1941 г. в г. Горно-Алтайск Горно-Алтайской автономной области.

В 1961 г. там же окончил вечернюю школу.

В 1967 г. окончил Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пространственная структура и кадастровая характеристика мелких млекопитающих Северо-Восточного, Северного и Центрального Алтая».

Кандидат биологических наук, доцент.

Отличник народного образования РСФСР (1989 г.).

Письмо А. П. Кузякина с замечаниями и предложениями на рукопись книги Ю. С. Равкина и И. В. Лукьяновой «География населения позвоночных животных южной тайги Западной Сибири»

Ю. С. Равкин

Эта статья подготовлена по материалам моего архива. Воспроизводится факсимиле личного письма А. П. Кузякина, посланного мне в июле 1975 г. В ряде мест часть выражений заменена на отточия.

Дорогой Юра!

Разделы Вашей (с И. В. Лукьяновой) „Географии населения..." получил давно. Сразу же взглянул на оглавление, на первый раздел и проникся сожалением, что нам не удалось встретиться. Замечаний и пожеланий много. Устно я бы мог высказать их за 1–2 встречи, за несколько часов совместного „прохода" по тексту, а писать о всём – задача почти неподъемная, особенно на фоне вереницы неотложных дел, наслоившихся одно на другое. Упомяну только малую часть из них.

В июне 1974 года на I Международном термологич. конгрессе было много зарубежных коллег. Устроил им несколько банкетов. Установил связь. Получил от них много писем, оттисков, книг, но ответить на часть из них до сих пор не успел.

В феврале был мой юбилей. Официального извещения о нём не было, но без участия ректората, деканата, кафедры и, конечно, самого себя, адреса, письма, телеграммы, сувениры, посылки и проч. стали поступать. Всего получил более 180 адресов, грамот, писем и телеграмм. Получил и Вашу коллективную телеграмму, за которую только теперь шлю свою благодарность.

Многие письма и адреса роскошно оформлены с большой изобретательностью и вкусом, подписанные или десятками коллег, или: „Ректор..., секретарь парткома... председатель месткома..." Многие адреса отпечатаны золотыми буквами...

В знак благодарности одной фразы за каждый из таких адресов мало, а на письма – трудно выкроить время...

Тут еще глаз заболел (глаукома). Направили на операцию, но сказали, что операцию делать не будет, если есть поврежденные зубы. А зубов у меня целых меньше, чем поврежденных и удаленных. Через 2-3 дня ездил к зубному, а теперь – через 1-2 дня – к глазному врачу.

Со 2.VI формально вышел в отпуск, но 5.VI нас собрал проректор и зачитал „Временное положение" нового ВАКа о формировании советов по присуждению степени кандидата наук. Из двух наших факультетов право на формирование совета получила только наша кафедра. Дело это важное, нужное, срочное. Более двух недель днями и ночами занимался только формированием совета.

Только вчера (29.VI) написал годовой отчёт о работе кафедры... И т.д.

Всё это Вас мало интересует, но моё-то время уходило на изложенное и неизложенно

Жаль, что книга Ваша уже близка к производству, хотя в неё немало было бы внести многие уточнения, с какими Вы, несомненно, согласились бы, особенно при совместном „проходе" по тексту.

Недоработки в ней разного рода. Главные из них: 1) Ваше умение излагать просто и понятное в непонятной форме. В связи с этим я вспомнил Вашу статью в „Орнитологию", которую В.Ф. Ларионов пустил вне очереди только потому, что в ней ничего не понял.

... Так, 27.VI В.Ф. Ларионов скончался, а 28.VI весь день был потрачен на похороны.

2). Сотрудники Академии всё ранее прочитанное быстро и прочно забывают, а заново забытое не перечитывают. На это и времени не находят (им надо книги писать), да и считают ненужным читать даже новые работы старших коллег, не говоря уже о перечитывании ранее изданного.

Это создаёт особые трудности. Для уточнения некоторых частей Вашего текста

мне пожалобилось бы перепечатать значительную часть своей „Зоогеографии СССР", весь текст доклада на Львовской орнитологической конференции и еще с десяток других публикаций, что составило бы 1½-2 сотни страниц.

3). При ограниченности коллег, в кругу которых приходится вращаться, многое начинает казаться элементарным, хотя при широком общении Вы немедленно убедились бы в элементарной неправильности изложенного.

Начнём с заглавия. оно явно длинное (для книги) - на 4 строки. Это уже признак провинциальности. Подумав, заглавие можно было бы укоротить. Например, сочетание „населения позвоночных животных..." - уже многословное, да и несоответственное тексту.

В тексте Вы касаетесь не только населения, но и „типов фауны" Шегмака, никакой связи с населением не имеющих.

Если написано: „позвоночных", то зачем рядом писать ещё „животных"! Ведь на обложках учебников, по каким Вы учились, написано: „Зоология позвоночных." Без „животных", уже включенных в слово „позвоночных"!

Я бы, вероятно, озаглавил такой труд так: „География позвоночных юга Западной Сибири" (или что-нибудь вроде этого). Это тоже неточно. Огромную часть текста занимают повидовые обзоры, в которых больше экологии, чем географии.

„Оглавление".

„Физико-географическая..." Теперь географы предпочитают писать точнее: „Природно-географическая...", без физики.

„Надпойменные ландшафты...

„Лесной." Можно ли (точно ли) писать об одном „лесном" ландшафте? Лес - лесу рознь. Березняки - один ландшафт, а ельники - другой. И ниже значится: „Сосново-боровой". В этом две неточности: 1) ведь он тоже лесной и 2) борами (на сколько мне известно) называют только сосновые леса. Поэтому точнее писать: или „боровой" (без „сосново-"), или „сосново-лесной", в отличие от березово-лесного, или елово-пихтово-лесного.

„Распределение птиц (повидовой обзор)..." Повторяю, что это - не география.

Названия и порядок описания отрядов птиц взяты по „Определителю птиц" (1948 года). Это уже старовато.

Над упорядочением русских названий птиц наша Всесоюзная комиссия работа-

8 лет. Сейчас уже приняты единые названия. Все отряды птиц называются (как и рыб) с окончанием „-образные" (а в латинских названиях — „-formes"). Напр. Голубеобразные (Columbiformes), Пастушкообразные (Ralliformes) и т. д.

О порядке расположения отрядов птиц фауны СССР у меня было изложено в Бюллетене МОИП еще в 1954 году. Там, в частности, аргументировано, что нет оснований ставить голубеобразных между Galliformes и Ralliformes, к которым голуби не имеют никакого отношения.

Семейства Passeriformes назвать правильно.

„Провинциальные изменения численности". Плохо. „Провинции" географов для био-географии не пригодны. Для наших целей многократно обосновывались ландшафты. Безоговорочно бросить последние и подменить непригодными — это не очень научный путь. И не этичный.

2) „Численность" — термин математический, означающий изменения, или динамику чисел.

А „динамика... населения" — правильно.

„Предисловие". В „лесной зоне". У Л.С. Берга такая зона была, но теперь большинство географов выделяют зону тайги,

а смешанные и лиственные леса относят к другой зоне.

Сомнительна „чёткость" пространственных закономерностей в условиях равнинности и заболоченности Зап. Сибири. Об этом есть в „Зоогеографии СССР" (1962).

С 1-й стр „Предисловия" до 400-х страниц часто фигурирует „является" — сорняк русского языка. Он не украшает текста.

5-29 (это страницы!): „Основные понятия, термины и понятия"

5 (стр.): „... зависимость... населения птиц от состава растительных сообществ — чем сложнее структура фитоценоза..." и в конце страницы: „... сложность структуры фитоценоза в пределах лесной зоны..."

Даже не верится, что так могли написать Вы — один из моих лучших, почитаемых учеников... Попробуем вместе разобраться в смысле этих двух фраз. В первой фразе (2-й абзац на стр. 5): растительные сообщества (во множественном числе, значит, включающие сообщества любых рангов — до зональных типов растительного покрова) сведены к фитоценозу — в единственном числе! Да разве можно „растительные сообщества" высоких рангов (формации, зональные типы растительности) сводить к одному „фитоценозу"!

Формации и зональные типы растительного покрова у Вас оказались в подчинении... фитоценоза — т.е. наименьшей категории из растительных группировок! Так не бывает, чтобы большее было частью наименьшего.

Я бы готов был принять это за описку, за недосмотр. Но такой ход мысли отвергается другой фразой, в которой речь идёт об одном фитоценозе в пределах лесной зоны, разделенной теперь на две зоны! Это значит, что „фитоценоз", в Вашем представлении выше зонального типа растительного покрова!

Это оригинально, но элементарно неправильно. Вам никто не давал повода для того, чтобы классификацию растительных группировок сдвинуть с ног на голову и зональные (и даже более чем зональные) типы растительного покрова сдвинуть в подчинение фитоценоза — наименьшей из растительных группировок.

6: „... биогеография, являясь частью физической географии [Это правильно! А.К.], изучает... распределение организмов и их комплексов (биоценозов) по земному шару..." А последнее уже не совсем правильно, а точнее — совсем неправильно.

Биоценоз – термин и понятие экологическое и его изучают экологи, а не биогеографы. Биогеографы изучают биоты, а не биоценозы.

Биоценоз – сообщество, а биота – „сообщество сообществ" (по выражению Л. С. Берга). Подумайте о смысле этих различий. Л. С. Берг был не очень глупым человеком и наплевательски относиться к его разъяснениям не следует.

Ведь речь идёт о сообществах разных рангов, порядков, уровней...

Во втором абзаце своего краткого (сопроводительного) письма Вы изложили:

„Боюсь, что вводная глава Вам не понравится, но таковы мои современные представления... как несколько абстрактно-модернистское развитие Ваших идей."

Очень жаль, что Ваши „современные представления дошли до неразличения разных уровней и до подчинения целого его составной части. Это – не „развитие" моих идей, а обструнничество, идейное предательство.

Я всё больше убеждаюсь, что учиться не столько на положительном (и совпадающем с ходом своих мыслей), сколько на отрицательном.

Мне не понравились не Ваши „современные представления", а своё (моё) неумение объяснить элементарные вещи.

Если один из лучших и искренне почитаемых учеников не мог понять многих элементарных истин, то что же ждать от других деятелей, не связанных со мной?

На первых порах это навело на идею аналогий (в объяснении роль этих иных категорий, понятий, смысла). Приведу такую (одну, первую) аналогию Вам.

Живорный (и расширенный) организм изучается в разных аспектах и на разных уровнях: 1) организменном (морфология), тканевом (гистология), клеточном (цитология), хромосомном (генетика), молекулярном (биохимия).

Изучая организм, как целое, Вы говорите о его составных частях — органах. Любые органы имеют тканевое строение. Любая ткань состоит из клеток. В любой клетке есть ядро. Любое ядро состоит из частей, которые мы ещё мало знаем... Всё это разные уровни изучения организма. Соответственно им возникли и развились отдельные науки: морфология, гистология, цитология, кариология, биохимия...

В каждой науке возникли и укрепились свои каноны, свои термины. Если Вы говорите (пишете) об организме, то перечисляете его органы. Но если говорите (пишете) о частях клетки, то называете их уже органеллами. Правомерно ли смешивать эти разные уровни? Подумайте: как будет звучать, если Вы сердце, легкие или почки назовёте органеллами? Ведь в этом же элементарная нелепость.

Приведенный пример касается только внешней, структурной стороны организма, не затрагивающей функциональной стороны — физиологии. А физиология тоже не одномерна. Раздельно изучают нормальную физиологию организма (особо — патологическую физиологию), физиологию органов и тканей, физиологию клетки...

Ваше пояснение, что всё это едино — с какой-то стороны правильно, но примитивно.

Я, конечно, согласен, что если занимаюсь морфологией организма (скажем зубной системой, важной для стоматологии), то не имею оснований отрицать, что зубы состоят из особых тканей (дентина, эмали), а эмаль и дентин — разные образования и т.д. Нельзя же всё это сваливать в одну кучу. Ведь не случайно же возникли разные науки: морфология, гистология, цитология, кариология и т.п.

Вы же (здесь и дальше) трактуете, что „не имеет значения: с какой стороны изучать животные группировки: с фаунистической, или зоогеографической.

По моему убеждению – это имеет значение и объединение этих подходов – не развитие моих идей, а противодействие им, отступничество, притом ничем не аргументированное.

Биогеография от фаунологии (с ареалогией) и экологии также отличается, как морфология от гистологии, цитологии, кариологии и физиологии (организмов, органов, тканей и клеток). Нельзя всё это валить в одну кучу. Это науки о разных уровнях организаций.

7: „... следует отнести к каузальной или общей зоогеографии..." Это – галиматья. У Геттнера (1936) и Пузанова (1938) есть всё, что угодно, кроме зоогеографии.

8: „... биогеосферу..." Новый термин. А зачем он нужен? Чем он отличается от уже укоренившегося термина (и понятия) – биосфера?

8: „... под зоогеографией мы понимаем науку, изучающую распределение животных и ... наборов особей как отдельных видов и их подразделений (подвидов, популяций и т. п.)..." Это – пустой (неосмысленный) набор слов.

26: Так же благодарен за приём названий по индексу доминирования и за фоновые виды.
Жаль, что не приняли термин зоота, означающий набор лишь фоновых видов, а не всех учтенных и не всех числящихся.

27: „Южная тайга – одна из подзон лесной зоны. У Л.С.Берга, которого я почитаю, было так. Но за последнюю четверть века большинство географов стали выделять тайгу в ранге особой зоны.

30-32: Методика учетов птиц изложена просто и понятно.

33: Правильный пересчёт на цилиндро-сутки, не на канавко-сутки.

36-38: Об учетах земноводных – всё новое и приемлемое.

38-45: О классификации животного населения – длинно, сильно усложнено и не очень понятно.

46-145: Начинать характеристику населения птиц (и других групп) с повидового обзора – не логично и ничем не оправдано. Это – не зоо-география, а чистая зоология с крупинками сведений о месте того или иного вида в населен

Наша схема (последовательность): 1) фактические результаты учётов, из которых виден фоновый состав, а затем 2) заметки о фоновых и некоторых редких видах мне представляется гораздо логичнее („зоо-географичн

И если в заглавии книги „География", то нет смысла подменять ее систематикой, систематическим „порядком". Нельзя фоновые виды перемежать шелухой о редких и очень редких видах.

10 (и др.): Во многих местах вместо „обобщения", напечатано „обощение".

11: „... приходится... объединять варианты населения животных в группы (типы)..."

А почему только в типы? Почему только в группы наивысшего ранга?

13: „Под классификацией мы понимаем упорядочение реальных объектов разделением их множества на группы (классы)..." Почему только на классы — категории высокого ранга? Куда же относить выделение подклассов, семейств и родов?

„... В отличие от неё [от классификации] типология есть создание идеальных представлений (типов)..." Зачем понадобилась эта галиматья? Выделение типов — тоже классификация. Зачем Вы её затуманиваете?

14: „... классификацию можно считать ординацией с разбиением на ранжированные классы... где каждый элемент представляет собой отдельный класс". Это — явная галиматья, характерная для сотрудников Академии наук СССР.

Поймите вы, академические болваны, что речь надо вести не о разделении высших таксонов на низшие, а об объединении единиц в группы разного ранга. Если речь идёт о систематике, то в группы объединяются виды. Если же речь идёт о зоогеографии, то должно быть объединение географической единицы — ландшафта, или на на деление этой единицы на части — фации.

14а: „... факториально-динамический подход" что это значит? Что это за набор слов?

14а: „... в поисках имманентной..." Что это значит? Поясните!

14а: „... в нашей работе была принята следующая схема сбора и описания..." Так с этого и начните! Раз весь текст с 10-й до 14а стр. Вами не использован, а другими он не будет использован в силу его нелогичности, то зачем он нужен? Уберите его, чтобы не показывать своего недомыслия

15: „... наименьшей территориальной единицей рассмотрения в нашем исследовании было принято ландшафтное урочище, выделяемое типологически."

1). В географии единицей принято (по предложению акад. Л.С. Берга) считать ландшафт, а не „урочище", предложенное ..... А.Н. Солнцевым.

Если Вы это ..... подразделение, взяли в качестве „единицы", то надо аргументировать. Но Вы уклонились от аргументов, хотя совсем не поняли то, что Н.А. Солнцев называл „урочищем". Он „урочищем" называл часть „ландшафта." Но какого „ландшафта"? ~~он называл~~ В тридцатые годы на геостанции МГУ в Красновидово (Московской области) он выделял 7 „ландшафтов" на склоне маленького оврага; в сороковые годы он выделял несколько „ландшафтов" на склоне берега такой „большой реки, как Ока..." Если урочище — часть ландшафта, то на склоне берега Оки их множество. О каких „урочищах" идёт речь в Вашей книге? Зачем Вы опираетесь на галиматью .....?

О том, что „ландшафты" Н.А. Солнцева ничего общего не имеют с ландшафтами Л.С. Берга, я тоже публиковал (1969).

2) Что значит: „... урочище, выделяемое типологически"? Как его ещё выделять? Типологические выделы противопоставляли региональным, но такое противопоставление было бесплодным. Напр., сосняки Прикрытышья и сосняки Карелии, или Ц. Якутии — типологически одинаковы, но относятся к разным ландшафтам по региональной причине. Любой ландшафт — выдел не региональный и не типологический, а регионально-типологический.

3) Утверждение, что Вы за „единицу" приняли „урочище" не соответствует Вашим же иллюстрациям (рис. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 3[illegible]). На них везде фигурируют ландшафты (и это правильно), а не урочища.

4) Вы, как и биогеографы МГУ, „рочищем" называете фации, взятые даже в меньшем объёме, чем они были предложены Л.С. Бергом. Зачем же вводить такую путаницу? Изучать фации (части ландшафта), называть их „урочищами", по-идее тоже составляющими части ландшафта, но без каких-либо оснований возведенные в ранг „единиц". Нужна бо́льшая чёткость и ясность.

5). В конце стр. 15 речь идёт о „ландшафтном урочище" как системе, структура которого „определяется биогеоценозом и экологич. спецификой животных."

Необходимо пояснить: что Вы разумеете под „биогеоценозом"? Автор этого ненужного термина, В.Н. Сукачев, сначала его ставил как новую категорию между биоценозом (но больше биоценоза) и фацией (хотя меньше фации). Потом он стал считать биогеоценозом биотический комплекс близкий, сходный или тождественный фации Л.С. Берга. Опять речь идёт о фации, а не об урочище.

Ученики Сукачева стали трактовать биогеоценоз „универсально" – от биоценоза до биосферы. Это чушь, но в литературу вошло. Поэтому совершенно необходимо уточнение: что Вы понимаете под „биогеоценозом" и для чего вводитровали этот термин.

17: Во втором абзаце сорняк „является" написан пять раз! Это не украшает текста.

А между „является" идут рассуждения о структурах: „...хорологическая, или типолого-хорологическая" и „типологическая". Я не очень понимаю эту словесную шелуху и не вижу нужды в её введении, особенно без пояснения: что Вы под этими мудрыми словами имеете в виду.

18: „... имманентная структура..." А что это такое?

13 (низ): „... зоогеографию подразделяют обычно на экологическую (ландшафтную) и историческую (Теттнер, 1936...)." Это не очень приемлемо. Нужны уточнения.

1) Ландшафтная зоогеография — термин мой неточный, тавтологический, временный, ...
..... т.к. зоогеография никакой, кроме ландшафтной быть не может

2) Я всегда отделял ландшафтное (чисто географическое) от экологического (полностью и несомненно биологического). А Вы взяли да сделали этих антиподов — синонимами! Так нельзя! Нельзя приписывать авторам терминов значения противоположные предложенным.

19 (первая строка): „... экологическая и ландшафтная зоогеография..." 1) Здесь уже они разделены, как это понимать, если синонимы через две строки превратились в нечто различное? Это недоработка, недомысление.

2). Разделение экологического и ландшафтного — правильное, но „экологической зоогеографии" нет. Экология — есть экология, а география — не экология. Географию биоценозов (объектов биологических), вероятно, можно будет разрабатать (в далеком будущем), но это не будет „экологической зоогеографией"!

3) „... историческая зоогеография тоже экологическая, но только ретроспективная"!

а) Что такое (в высоких мыслях сотрудника Академии) „ретроспективная"? И: зачем нужна эта терминологическая шелуха?

б). Историческая „зоогеография" (в трактовке Геттнера, Пузанова и др.) — не экологическая и, главное — не зоогеография. Хотя историческая зоогеография (без кавычек) нужна, правомерна и она несомненно будет, но она ничего общего не будет иметь с тем, что называют „исторической зоогеографией" Геттнеры, Шегманы и другие .....

Ведь у ..... идёт речь о истории расселения отдельных видов, о предполагаемой истории формирования ареалов, о предпол. истории формирования фаунистических комплексов и пр., т.е. об ареалогии и фаунологии.

А я представляю себе историческую зоогеографию, как науку о истории формирования зоот, как составных частей ландшафтов, как часть истории формирования ландшафтов. Ведь это не то же, о чем пишут ..... и их последователи, вроде Назаренко, Матюшкина и ряда других.

20: Опять „экологической зоогеографии", которая на стр. 18 была синонимом ландшафтной зоогеографии, на стр. 19 — особая, но смежная наука, а здесь уже без какой-либо связи с ландшафтами.

Как читателю разобраться в этих метаморфозах?

22: „... один и тот же раздел зоогеографии может разрабатываться для географии или... для экологии..." Нет, так быть не может.

О соотношении экологии и зоогеографии я публиковал уже несколько раз.

Экология и зоогеография в системе наук располагаются на разных уровнях и изучают объекты тоже разных уровней, разных порядков, с разной детализацией.

Скажем, учёты, проведенные с экологической точностью, могут быть использованы для зоогеографии, но учёты, вполне годные для зоогеографических целей (выраженные в баллах, по времени учетного хода и пр.) – для экологии слишком грубы, недостаточны. Ведь Вы для подтягивания к нуждам экологии стали изменять (уточнять) зоогеографические учёты, сделали их более трудоёмкими, менее пригодными для зоогеографических целей, но более годными для экологии.

В одной биоте (любого ландшафта) множество биоценозов. Если биоценоз – сообщество организмов (растительных и животных), то биота – сообщество сообществ. Ведь это – не одно и то же. Если мы будем пытаться изучить биоту с точностью до биоценозов, то всю жизнь придется потратить на одну биоту. А кем будут изучаться другие, даже смежные биоты? Включение экологии в зоогеографию – погубит последнюю.

Вы при огромных (по сравнению с моими) материальных возможностях отказались от разреза по двум-трём смежным зонам за один сезон. Вы уже несколько лет сидите на двух пятачках и занимаетесь только экологией, но не зоогеографией.

Подобно Н. П. Наумову, Вы хотите сделать зоогеографию придатком экологии. Так, в такой номенклатуре нет ничего, кроме вреда для науки.

22: С одной стороны: „спор о названии" (материалов, сведений, карт) — „беспредметный"; но: „Тем не менее разграничение исследований по целевой направленности имеет важное методологическое значение..." Так, что содержит больше смысла: методологическое значение (даже важное), или „беспредметность"?

Ведь в этом же противоречие, явное недомыслие. Нельзя разные науки и разные уровни изучения объектов сваливать в одну кучу. В морфологии нельзя органы называть органеллами, а в цитологии — можно и нужно, потому что в клетке органов нет. Поэтому морфолог занимается грубой морфологией (до органов) и ничего полезного для цитологии не даст, а цитолог занимается морфологией клетки, не касаясь структуры даже органа и организма — тем более. Разграничение уровней — методологически важное.

Ещё 22: „(описательная зоогеография — Пузанов, 1938 и др.)" и „(каузальная зоогеография)" — для однородности не дописано: „Геттнер, 1936", который, кстати, писал и об „описательной зоогеографии" и не этично передавать его „приоритет" Пузанову, а Геттнер списал эту гипотезу у Р. Гессе (1921). У меня эта книга есть.

Юра, дорогой, ни Р. Гессе, ни В. Гептнер, ни И.И. Пузанов (в совершенстве знавший немецкий язык) не знали и не знают: что такое зоогеография. Зачем Вы входите в коалицию с ними . . . . . ?

23: „... континуум (Назаренко, 1965...)". А зачем эта мудрёнка введена в русский язык, да ещё без пояснения её смысла.

24: „Специальных (профессиональных) ландшафтных описаний районов работ крупного масштаба не было и не будет! т.к. все крупно-масштабные съёмки засекречены. Именно по этой причине я перевел ландшафт в средне-масштабную категорию, расположенную между секретным и несекретным. Теперь (в 1975 году) карта в масштабе 1:1.000.000 + с градусной сеткой — секретная, а без градусной сетки — не секретная, допустимая к публикации. На сетку можно плевать. Важен минимум, какой можно публиковать. А крупные масштабы публикации (в открытой печати) не подлежат и разговоры (писания) о нём беспредметны. Да и бессмысленны, если показано, что ландшафты можно отображать и на средне-масштабной карте: 1:1.000.000.

25: „... ландшафт в нашем понимании соответствует типологическим группам ландшафтов Н.А. Солнцева

Это чепуха. Ваш ландшафт соответствует сотням и тысячам „ландшафтов", или десяткам „групп ландшафтов" Н.А. Солнцева. Зачем Вы связываете свои ландшафты с „ландшафтами" этого . . . . . ?

25: „Этот подход определил выделение сборных урочищ, например, полей, чередующихся с перелесками или пойменных лугов в сочетании с кустарниками и ивняками." В этой фразе речь идёт не об урочищах, а о ландшафтах с фациями: 1) полей, 2) перелесков, 3) пойменных лугов, 4) кустарников, 5) древовидных ивняков.

Более того, поля — особый ландшафт со своими фациями (и некими „урочищами"). Озимые посевы — одна фация, яровые зерновые — другая фация, пропашные — третья фация, многолетние травы — четвертая, пары — пятая и т. д. Эти фации можно (если некуда деть время) сгруппировать в „урочища", например, 1) многолетних, 2) озимых и 3) яровых культур.

26: „... Правда, существует мнение о том, что фации не являются объектом изучения ландшафтной зоогеографии..." Какой дегенерат высказал такое „мнение" и почему за ним надо следовать, или на него ссылаться? Чтобы себя показать таким же тупоумным?

Фация — часть ландшафта — категория географическая и поэтому она входит в ландшафтную географию (по трактовке основоположника этой науки, Л.С. Берга). Только кретины в науке могут „исключить" изучение фаций от географии.

26(2): „только в том случае получает географическое звучание, когда рассматриваются как структурные части урочищ – низших, подмножества географических комплексов" (Милков, 1970)

Непонятно: зачем цитирована эта бездарная галиматья? 1) Фация (по первоначальной идее) представляет собой „структурную часть урочища". 2) Даже по Ф.А. Солнцеву, фация (а не урочище) представляет низшую из географических комплексов; 3) „урочище", стоящее между ландшафтом и фацией никогда и никем (кроме Милкова) не считалось „низшим географическим комплексом".

Юра, дорогой, неужели Вам трудно было разобраться в этой элементарной галиматье?

26(3): „Л.С. Берг (1945)... трактовал фацию в более широком объёме... и его понимание близко к нашим представлениям об урочище." Это неправильно. Это незнание читать и понимать основоположников науки. Ваше „урочище значительно меньше фации Л.С. Берга. Хотя по идее „урочище" должно объединять несколько фаций. Об этом подробнее написано в статье 1969 года.

27: „... лишь при единой наименьшей единице..."

Что означает эта галиматья? Что значит наименьшая „единица"? Если есть наименьшая, то она предполагает и наибольшую тоже „единицу". Ведь это же явная галиматья.

Если сложить несколько наименьших „единиц", то получишь одну наибольшую тоже „единицу"! Что это за кретинизм в элементарной арифметике: из суммы нескольких единиц получается одна тоже единица. Ведь это же явная галиматья, которую не могут понять дипломированные географы и биологи. Географы называют „единицами" и фауну, и „угодье", и ландшафт, и зону. Зоологи называют „единицами" и вид, и род, и отряд, и класс. Так, пусть они показывают своё недомыслие. Зачем же следовать за ними?

28: „особи и популяции, входящие в население, взаимосвязаны... как минимум территорией или биоценозом..." 1) Почему территория стала синонимом биоценоза? (Ведь это же совершенно разные категории и понятия). 2) Биоценоз — понятие экологическое, а население — понятие географическое. Сваливать их в одну кучу не следует.

28(2): „Под биоценозом мы понимаем всю совокупность живого данного географического выдела..." Кто это Вас довёл до такой нелепости? Биоценоз — понятие экологическое. С географическими выделами оно никогда не было связано. Например, биоценоз норы

грызуна, биоценоз дупла в дереве, или биоценоз (паразитоценоз) кишечника животного. Ведь это же не географические виды.

Группировки географического масштаба называются биогеями, а не биоценозами. Это известно с 1946 года. Почему же в 1975-м году надо показывать неумение отличить географию от биологии?

28(3): В отличие от обилия, „численностью считается общее количество особей (запас)..." Неправильно! „Количество" и есть количество, а не численность. Численностью называется закономерное изменение (динамика) чисел.

28(4): После таблицы балльных оценок обилия – абзац из двух фраз, из которых первая касается не обилия, а индекса доминирования, а вторая фраза касается обилия. Такой „порядок" текста беспорядочен.

29(1): „Фаунистическим составом населения..." – это неосмысленный набор слов. 1) Население и 2) фаунистический состав ничего общего между собой не имеют; это разные подходы 1) зоогеографический (если речь идёт о населении) и 2) фаунистический, зоологический (если рассматриваются фауны). Откуда родилась эта путаница?

29(2): „Фаунистическим составом населения считалось [? кем? когда?] соотношение долей, представленных в нем фаунистических типов..." Какая галиматья!

„Фаунистические типы" ..... Штегмана не имеют никакого отношения к населению — понятию зоогеографическому, о котором .. Штегман не имеет ни малейшего представления.

Зачем Вы путаете противоположные, несопоставимые, антогонистические направления в науках. Прочитайте, пожалуйста, мой доклад на III Всесоюзной орнитологической конференции в книге: „Проблемы Орнитологии," Изд. Львовского университета, 1964: 44–50.

Если Вы не согласны с изложенным там, то аргументируйте, объясните: почему объединение несовместимого правильнее, чем разделение? Обратите внимание на заглавие моего доклада: „О ландшафтной орнитогеографии и ее антиподе." Разве антиподов можно считать (представлять, понимать) синонимами? Ведь это же аномалия, партизанщина в науке и очень неумная. Вы можете со мной не соглашаться, но, не соглашаясь, объясните: почему и чем Ваша позиция правильнее моей?

Этому обязывает профессиональная этика. Я уже четверть века доктор наук, а Вы, пока кандидат. Вы не имеете профессионального права отбрасывать мои объяснения как пустые, как не заслуживающие внимания. Такая операция для меня оскорбительна.

29(2): „Фаунистический тип... (Штегман, 1938)." Бросьте Вы этого ..... Штегмана. Сначала прочитайте мой доклад во Львове (1964), а потом прочитайте „Птицы Витимского плоскогорья" И.В. Измайлова (1967), тогда всё встанет на своё место. И.В. Измайлов не соглашался со мной, считая, что к зоогеографии относится не только изучение зоот, но и фаунистических комплексов, или типов фаун, которые он впервые связал с ландшафтными зонами и галиматью ..... Штегмана поставил на подлинно научную базу.

29(3): „... обоснованность проведения каких-либо зоогеографических границ..." Проведение „зоогеографических границ" никогда не может быть обоснованным. Это — глупость. В географии не может быть границ ни климатологических, ни геоморфологических, ни почвенных, ни геоботанических, ни зоогеографических. В географии границы только единые, комплексные — ландшафтные и зональные. Всё прочее — пустозвонство. Границ от 30 до 35 у меня не было.

36: „... наименьшей территориальной единицы!".
Объяснение по этому поводу уже было.

36а: „... для выявления пространственной структуры животного населения могут применяться ~~как~~ хорологический, ~~так~~ и гиологический подходы."

1) Объясните: зачем нужна эта терминологическая шелуха? Что значит: „хорологический"? Что значит: „гиологический"? Ведь в них, кроме глупости, ничего нет.

37: „... как это сделано, например, ..." ..... — проходимец и шарлатан. В „доктора" он пролез из простого расчёта: сбить к обычным понятным явлениям подбавить хоть одну непонятную формулу, как „ученые" — деградировать примут это как вклад в науку. Его расчёты оказались надежными. Он получил степень доктора при своей абсолютной бездарности. Ссылаться на такого проходимца — значит снижать своё положение в науке.

38: „... ландшафтно-экологические..." Не путайте фактическую картину. Ландшафтное — одно, экологическое — совсем другое, другого уровня.

39: „... различные наименьшие единицы классификации (фации, урочища, ландшафты ...).

42: „... стохастическую..." опять словесная шелуха, не объясненная автором.

44: „... континуум..." — из той же серии.

382–395: „Общие особенности населения позвоночных животных." 1) Позвоночными бывают только животные.

382÷386: Сведения о преобладании тех или иных групп в разных ландшафтах по количеству, биомассе и пр. — очень ценные.

386: Повторяешь выше: ..... „типы фаун" Шреймана. Поймите, пожалуйста, что они ..... По фаунистическим (не зоогеографическим) показателям „европейского типа фауны" нет. Это тот .... Есть средиземноморский очаг расселения, обеспечивший всю Европу. Подробнее об этом (и других „типах фаун") изложено в моём докладе во Львове (1964). Жаль, что вы так пренебрежительно к нему отнеслись. Хотя доклад этот не очень глубокий.

389 (и др.): „...разбить..." очень агрессивное слово. У вас оно употребляется и в другом смысле: „разбиение". Из-за этого (модного) смысла, может быть, его и следует оставить, но воспринимается оно, как грубое, вульгарное, жаргонное выражение.

Как видите, по этому большому разделу мои замечания касаются лишь „типы фаун" Шреймана. Остальное вполне приемлемо.

Но... изложение (вдруг) разных цифровых показателей не воспринимается и не запоминается. Повторение их в большой сводной таблице (52) тоже мало помогает усвоению. Надо что-то сделать более удобное для восприятия и усвоения.

Например, сводную таблицу вначале дать раздельно по группам ландшафтов. От этого и таблицы будут менее громоздкими и смысл их „дойдёт" до читателя.

Осталось о схемах и рисунках.

Одна из схем (не нумерованная) озаглавлена: „Комплекс наук о Земле".

Схема плохая, совсем не осмысленная.

1). Экология входит в комплекс наук не о Земле, а о животных (и растениях).

2). Гораздо больше, чем экология, с науками о Земле связаны: геология, гидрогеология, геоморфология и др.

3). Экологию Вы выделили в особый столбец и правильно сделали, т.к. она к географии никакого отношения не имеет. Но, почему-то, прервали её на экологии животных.

Второй столбец таблицы:

„Физическая география." Не физическая, а природная. Причём тут современная физика?

Это будто-бы наука о „биогеоценозах". А что такое „биогеоценоз" Вы не знаете.

В другом прямоугольнике того же ряда „Биогеография (наука о пространственном распределении, пространственной структуре и пространственной организации биоценозов)." „гео" зачеркнуто Вами. Но, как при зачёркнутом, так и без зачёркнутого — объяснение „биогеографии" по-академически премудрое, но путаное. Биогеография это наука о биотах (ландшафтов). Это много раз разжевывалось и отбрасывать это пережеванное Вам не дано этического права.

Если Вы зачеркнули ненужный „биогеоценоз", то оставшийся „биоценоз" — не умнее. Биоценоз — термин экологический значит — биологический, а био — география — география. Это пояснение для детей начального школьного возраста.

В том же столбце: „Статическая зоогеография" Что это значит? Разве она может быть „статической"

„Историческая зоогеография" – приемлема в выше изложенном (моём) смысле, но в смысле ..... (Гептнера, Щегмака) и их последователей – это чепуха, не имеющая какого-либо отношения к зоогеографии.

„Динамическая зоогеография"... Всё динамично.

Третий столбец таблицы: „объект и субъект исследования". Разве „объект и субъект..." может быть отдельным столбцом в „Комплексе наук о Земле"? Ведь даже трудно додуматься до такой аномалии!

Экология, как наука „о Земле" (что явно нелепо), а объект её исследования: „биогеосфера"! Ведь это же гаммадья. Экология, во-первых, наука об организмах, а не о Земле; во-вторых, она изучает образ жизни отдельных видов и биоценозов, а не „биогеосферу"!

Ещё о первом столбце этой таблицы. В первом (верхнем левом) прямоугольнике той рукотворным словом „Экология" – напечатано: „Биогеоэкология"..." А что это такое? Если „... гео-экология", то это уже не экология.

Конец второго столбца: „1) Общая зоогеография — это .....: Гессе (1921) и Гентнер
„2) Экологическая зоогеография" — это Ваше оригинальное изобретение.
„3) Эволюционная зоогеография" — это уж кретинизм самой высокой марки.

Дорогой Юра, Вам надо быть доктор так не показывайте своей неспособности (неготовности) отличить развития от эволюц это элементарно, много ниже докторского ранга

Конец третьего столбца:

„2) Эколог...", так и поставили бы его под столбцом, озаглавленным: „Экология".

„3) Систематик..." не относится ни к экологии, ни к географии. Не порочьте эту наук не зная её.

„4) Охотовед..." Почему охотовед оказался на отшибе от 1) экологии и 2) от биогеографии.

„5) Орнитолог..." Его касается то же орнитолог может заниматься изучением экологии птиц (по первому столбцу) и может заниматься орнитогеографией (по второму столбцу) относить всё это в особый (3-й) столбец не было ни нужды, ни смысла. Плохая схема

Другая ненумерованная схема с прямоугольниками, в которых наборы слов: „абстрактно хорологический", „хорологический" и пр. чистая шелук.

Еще схема на тлакарный лист (без номера), большая, по набору слов премудрая, но по смыслу пустая.

На рис. 23 и 24 „Ландшафты" обозначены: I, II, III, IV, V" Согласен. Но на рис. 25, 26, 27, 28, 29 и 30 под „Ландшафтами" же значатся: Iа, Iб, IIа, IIб, IIIа, IIIб". Что значат эти „а" и „б"? Если это ландшафты, то их надо привести под своими, особыми номерами, а если части ландшафтов (I, II, III-го), то в подписи надо дать: „Ландшафты и фации".

Видите: какую реакцию вызвало Ваше сочинение „со-стороны." Я бы пожалел своё адски дефицитное время, если бы не ценил Вас. Но буду крайне огорчён, если Вы всё изложенное отбросите так же, как отбросили более десятка моих публикаций.

Несогласиться можно, но несогласие надо солидно аргументировать. А игнорировать своих предшественников Вам пока рано. Расплачиваться когда мы уже будем в могиле. А при жизни хотелось бы видеть более внимательное отношение.

С неизменно глубоким уважением

4.VII.1975. Ваш А. Кузякин.

Дополнения к изложенному.

1) Если бы Вы сказали, или написали: цитологическая морфология. Я понял бы это выражение как морфологию (но не физиологию и не биохимию) клетки. А что значит „экологическая зоогеография"? Я не знаю и пока понять не могу.

2). Почему Вы игнорировали биоту (и зоогеу) в трактовке не Н.А. Бобринского, а моей? Под этим термином разумеется комплексы (сообщества) биоценозов в пределах ландшафта. Что в этом крамольного? В чем преимущество сведения сообществ со обществ к одним сообществам (второго ранга или уровня) — к биоценозам (и зооценозам).

Не оставляйте такие вопросы без ответов. К Вам обращается коллега старший по возрасту и положению в науке.

3). Если экологию и зоогеографию (без кавычек) можно расположить в одном столбце но на разных уровнях, то фаунология (или фаунистика) и ареалогия не могут быть помещены в тот же столбец. Разница между ними огромна, гораздо больше, чем между экологией и зоогеографией.

Прочитайте, наконец, реферат моего доклада на Первом Международном Конгрессе по млекопитающим (1974).

Фаунология от зоогеографии отличается не меньше, чем морфология и физиология организма. В этом нет осуждения ни фаунологии, ни морфологии, ни физиологии. Все они нужны, но их нужно сваливать в одну кучу. Такая свалка уже не наука.

Дорогой Юра! Я — не дипломат и душою не кривлю. Так, со своей чистосердечной прямолинейностью заявляю, что я Вас очень высоко ценю и почитаю, как одного из самых лучших учеников. Не будь Вы таким, я не стал бы на Вас тратить почти трое суток адски дефицитного времени с бритвой на самолёт, с десятками неотправленных совершенно неотложных ответов на письма из Загреба (Югославия), Британского Музея (Лондон), Музея США (Нью-Йорк), Лаборатории университета в Техасе (США), в Брно (ЧССР) моему ближайшему помощнику (Й. Габлеру) и многим другим.

что ученики предают своих учителей — я знаю и только осведомляюсь: когда и в какой форме это предательство проявится?

В отрывках рукописи Вашей книги — разностороннее предательство и пренебрежение. По правде говоря, мне плевать на него. Но ведь речь-то идёт о том, чтобы Вам выйти в науку. Так, зачем же Вы начали оплёвывать моё направление и лизать жопы ..... в лице Тентнера и Шегмана? Моих аборигенов? Неужели Вы таким проституционным путём хотите пройти в науку?

Не подрывайте моего глубокого и совершенно искреннего уважения к Вам. Не лижите жопы ..... и у таких ..... „ученых", как Н.А. Солнцев. Ведь этот тупаник только в возрасте 67 лет защитил свою „докторскую" диссертацию, посвященную, кстати, „доказательствам", что в природе нет зональности, что постулат о зональности — „бред, тормоз, путы для современной географии!" А Вы этого ..... тоже лижите.

— 40 —

Такой подход — не наука, а проституция в науке. Вас я не хотел бы видеть в роли проститутки.

Почему нет ссылок на труды И. В. Измайлова и П. П. Второва? Ведь это учёные более талантливые, чем Вы. Но Вы предпочли ссылаться на Гептнера, Штегмана, Гузанова, Назаренко, ... а настоящих ученых обошли. Это не делает Вам чести.

Письмо Ю. С. Равкина с ответом на критику А. П. Кузякина

Ю. С. Равкин

Эта статья подготовлена по материалам моего архива. Воспроизводится текст моего письма А. П. Кузякину, датированного июлем 1975 г.

Дорогой Александр Петрович!

Получил рецензию на присланную часть нашей книги. Большое спасибо. На 16 страницах в соответствии с Вашими замечаниями внёс ряд исправлений. Однако с частью замечаний, к сожалению, я согласиться не могу. Переписка, конечно, слишком дорогостоящая вещь и при личной беседе многое можно было бы сделать быстрее, но по написанному можно думать спокойнее и гораздо продуктивнее. Мне, конечно, стыдно, что я заставил Вас потерять много времени, но на слух и в стремительном темпе, в голове остаётся значительно меньше.

Поскольку Вы дважды повторили в письме, что я не должен оставлять Ваши вопросы без ответа, я рискую ещё раз отнять у Вас массу времени на их чтение.

1. В Западной Сибири нельзя выделить лесные ландшафты по преобладающим древесным породам. Ведь это мозаика темнохвойных, светлохвойных, мелколиственных пятачков, каждый из которых не тянет на ландшафт. Перечислять же всё в названии слишком длинно. Лишь долинные сосняки образуют относительно однородные, широкие полосы. Бор

в Сибири может быть и суходольным кедровым лесом, поэтому в сочетании сосново-боровой особого греха, как мне кажется, нет

2. Название и порядок птиц взяты по определителю 1964 г., хотя это и переиздание по 1948 г. Оно, конечно, устарело, но другого широко распространённого списка (кроме ленинградского) мне не известно. Для выполненной работы порядок и названия безразличны и служат лишь для удобства поиска синонимики, особенно для иностранцев и на будущее. По личному опыту знаю как тяжело читать старые книги без привязки к полным спискам (того же Сушкина, Холодковского и т. д.). Определитель же 1948 и 1964 гг. самый распространённый и имеется шеститомник с синонимикой. Опять же, зоологи очень любят спорить о названиях, забывая поговорку о горшке. Единые названия нужны, я слышал, что комиссия работала в этом плане, но где они полностью опубликовали и как широко я не знаю. В тезисах прошлой конференции? А много ли народу их имеет, а из оканчивающих ВУЗы — будет иметь, особенно на периферии? Определитель же есть почти у всех, без него работать нельзя. Ленинградский лучше, но мне переходить на него — сам запутаюсь. И самое главное, для поставленной задачи это не существенно, я не систематик и работа тоже не о том.

3. Вся исследуемая нами территория относится к одному ландшафтному району, поэтому нельзя пользоваться этим термином. Отличия же Прииртышья от Приобья существенны. Долготные, региональные отличия — ещё хуже, т. к. надо обосновать, что это разные регионы или это изменения связаны с долготой. Термин «провинциальные» употребляется здесь лишь для указания сути явления — изменения, не связанного с зональностью, а определяемые в значительной мере чистым пространством, на преодоление которого животным нужно время. Зяблика на Иртыше больше не потому, что там другой ландшафт, а потому, что это ближе к Европе, откуда он сейчас распространяется на восток.

4. Численность как математический термин неоднозначен с биологическим, по крайней мере, с беклемишевским. Можно было бы принять и Вашу трактовку, но ведь бардак с терминологией (неизбежный, как мне кажется) так велик, что дешевле дать определение, чтобы читатель перевёл всё на свой язык, чем воевать за унификацию.

5. Лесная или таёжная зона? В Западной Сибири целесообразнее, по крайней мере пока, не делить её на 2 зоны, т. к. «лесная» зона представлена узкой прерывистой полосой подтаёжных лесов. Некоторые объединяют в таёжную зону северную и среднюю тайгу, а южную и подтаёжные леса — в лесную. Но средняя тайга ближе к южной, чем к северной, а уж если относить южную тайгу к лесной зоне, тогда нельзя называть её тайгой. Разумнее всего подтаёжные леса объединить с лесостепью, как Вы предлагаете в виде Лесолуговой зоны, но для этого у нас нет данных по лесостепью. А вообще-то, какая разница, что это, на самом деле, ведь можно анализировать любой набор зон, подзон и т. д., особенно, если задача предусматривает поиск естественной дискретности объекта, а не сводится к заполнению сведениями характеристик участков в заданных рубежах.

6. «Чёткость» пространственных закономерностей в Западной Сибири после того, как был проведён анализ в пределах южной тайги, оказалась высокой. Да и по всей зоне, наверное, то же. В Северо-Восточном Алтае изменения более плавные. Здесь же контрасты тайги и грядово-мочажинно-озёрного верхового болота, широченной поймы и водораздела гораздо резче.

7. С фитоценозом, упомянутым в единственном числе во втором случае, просто опечатка, но фитоценоз, биоценоз и биогеоценоз, а также биосфера и биогеосфера мы понимаем с Вами по-разному. Добавление «гео» неслучайно и включается тогда, когда сообщество рассматривается вместе с абиотической частью среды, т. е. это географическая среда (оболочка). Фитоценозы, биоценозы, экосистемы сейчас понимаются гораздо шире и имеют разные ранги, а не носят характер элементов среды или частных сообществ. Всё это есть в наших определениях, которые приводятся не как новые, оригинальные, а как руководство к чтению, переводу на язык, к которому привык читатель. А язык сейчас у всех различен, но он не может не изменяться, не конвертировать. У Харвея на этот счёт есть очень хорошее место о том, что дать полного, конкретного, логически непротиворечивого определения, не сводя его к общему до полного обесценивания вида, нельзя. Поэтому лучше принять определения автора, понять суть его работы, а потом перевести это на свой язык. Спорить же о терминах можно бесконечно, и некогда будет работать и вникать в суть сделанного другими. Конечно, это не значит, что можно писать как хочешь, всё переиначивая, но это уже можно решить лишь голосованием. Прецедентное право (приоритета) тоже нерационально, куда тогда девать неудачные, но первые термины?

8. Биоценоз, в моём понимании (и не только в моём, в частности и П. Второва, Н. Дроздова), аналогичен Вашему пониманию биоты. Но не в том суть. Мне кажется, что биоценозы, биоты, биогеосферу изучают все — и экологи, и географы, и многие, многие другие. Но эколог изучает функционирование и морфологию, поскольку она лишь потому не всегда функциональна, что начинается часто с констатации фактов, а функционализм в значительной мере требует объяснения. А это не всегда сразу возможно. География же изучает биоценозы, биоты не с функциональной точки зрения, а занимается поиском закономерностей их пространственной дифференциации (распределения), т. е. географической (горизонтальной, проективной) морфологией, в том числе пространственным изменением в функционировании.

9. Экология и география, как мне кажется, не разные уровни, а разные аспекты изучения биогеосферы. Уровни соподчинены как «верх-низ», а эти науки параллельно изучают разные стороны реальности. Кстати, по-моему, всё, что изучается из находящегося на Земле, может быть отнесено к комплексу наук о Земле, в том числе и животные, если они рассматриваются как компоненты биосферы Земли. Экология не исчерпывается видами. Экология сообществ (биоценология) занимается функциональным анализом на надвидовом уровне. Морфология сообществ входит и сюда, и в географию, пока это констатация фактов, но она «уходит» в геогра-

фию, если анализируются пространственные изменения или в экологию, если становится функциональной. Это лишь гносеологический приём, а мир один и над всем этим должно стоять обобщение, которое включает в себя и то, и другое. Наши с Вами трактовки географии отличаются направлением методологического рассечения систем наук. Вы делите поперёк по уровням, а я вдоль на параллельные ряды. У Вас география начинается там, где кончается экология, и водораздел проходит потому, что изучается вид или биота (сообщество всех сообществ). Я же делю потому, что изучается — функциональная структура (чего угодно, вплоть до биосферы) или пространственная, т. е. закономерность действия или распространения, смены неоднородности в пространстве. Если принять Ваше определение, надо будет согласиться, что ни биогеографии, ни зоогеографии ещё нет, т. к. ни одной биоты полностью не изучено и не изучалось. Они лишь в декларациях и неясно, как их делать, т. к. мерить и считать мы можем пока все по отдельности в заданных условно рамках, а объединять лишь по связям, они же непрерывны (континуальны). Это противоречит Вашему выступлению на орнитологической конференции во Фрунзе, посвящённому итогам десятилетия ландшафтной орнитогеографии. Комплексных границ проводить пока не научились, они все условны и определяются лишь степенью целесообразности для решения поставленной задачи. Поэтому и можно делать всё в отдельности, а потом (и лишь потом) синтезировать, сравнивать, обобщать. Это вовсе не значит, что надо всегда начинать с абсолютного нуля. Для этого и существуют разные единицы рассмотрения, это не индивидуальные естественные монады, как особь. Это те же уровни, ранги. В географии и в биологии от популяции или с неё, никому не удалось доказать естественность наименьшего индивидуального подразделения. Они все условны. С единицами (рангами) рассмотрения проще. Армию можно рассматривать, начиная с солдата, если задача сводится к идеологической работе, или на уровне экипажей, если говорить о технической обеспеченности группового пользования, или дивизиями, армиями и т. д., если речь идёт о тактическом или стратегическом вооружении. В каждом случае единицы разных анализов будут различны, а объект изучения и конечная цель едины. Так и в географии и где угодно.

10. «Тип» и «класс» употребляются мною (и не только мною) не в биологическом (систематическом) понимании, а гораздо шире, как групповые объединения — при типологии (понятийные) и классификации (конкретные или знаковые). Определения этих понятий были в присланных Вам кусках. Классификация — это группировка, упорядочение реальных объектов (в натуре или знаковой форме), а типология — вычленение, конструирование идеальных (неискажённых) представлений о закономерностях формирования. Примером, если уж Вам не нравятся типы фауны и фаунистическое районирование, может служить модель распространения населённых пунктов Кристаллера-Лёша и районирование реальной территории по распределению и величине посёлков. Соотношение между ними такое же, как между идеальным газом и реальным, который ведёт себя, мягко говоря, не совсем по формулам. Здесь как в баллистике — есть

теория расчёта, вероятность отклонения от вычисленного состояния и реальное рассеяние.

11. Мне кажется, разъединение предшествует объединению, т. к. провести последнее нельзя не вычленив из окружающей действительности нечто и описать его. Только после этого можно объединять по сходству-отличию в чём либо.

12. О сходстве экологической и ландшафтной зоогеографии я, конечно, зря объединил Вас с Гепнером. Получилось, что вы оба так считаете, что, конечно, не так и опять из-за того, что Вы сечёте мать-науку поперёк, а я вдоль, опуская пока временной аспект. Гептнер, не различая геозоологии и зоогеографии, подразделял по доминированию подходов во временном аспекте, но назвал эти разделы неправильно. Экология в этом случае, да и ландшафтная география не причём. Это я и хотел исправить, введя деление на статистическую, динамическую, историческую и прогностическую зоогеографию. Кстати, всё, кроме статики, есть у П. Второва, Н. Дроздова. Тут фигурирует только время и у Вас это не должно вызывать неудовольствия, т. к. это деление одинаково приемлемо и для экологии, и для географии.

Противопоставлять экологическую и ландшафтную и историческую зоогеографию, по-моему, нельзя, т. к. это разные планы рассмотрения — время и пространство и основа для работы и аспект изучения. Ведь можно вести экологическое изучение вида на ландшафтной основе, т. е. изучать разницу в экологических параметрах вида в разных географических условиях. Мне кажется, что тут разделиться можно, только ответив на вопрос: для чего, какова цель? Если получение информации о виде или группе видов служит для расширения представлений о функционировании этих систем, тогда это экология (которая, кстати, в общем больше, чем биология, поскольку включает и функционирование геосистем, а не только биосистем). Если цель — в изучении пространственной неоднородности как таковой, тогда это география. Они могут объединяться и объединяются в той или иной мере вместе, когда география станет (становится) функциональной. В идеале это как раз то, что хотят сделать и ландшафтоведы, и биогеоценологи, поэтому они так часто объединяются и это разумно, коль такая возможность представляется.

Таким образом, гептнеровское определение экологической зоогеографии неверно, но он вкладывал в это понятие не только современное распределение, но и связь с современной средой, не употребляя слова «ландшафт». Если такую зоогеографию или геозоологию делать на ландшафтной основе, она и будет ландшафтной. Так что деление здесь по основе, на которой ведётся работа. Так считает Чельцов, хотя всё остальное он вообще не считает географией. И тут я с ним согласен. В моём понимании экологическая зоогеография это изучение распределения в пространстве зоологических объектов любого ранга, выполненное (используемое) для решения экологических (функциональных) задач. Поэтому этот термин и появился второй раз после того, как я отверг гептнеровско-калесниковский. Одновременно в момент использования или сбора с экологической целью экологическая зоогеография превращается в геозооло-

гию. Она по материалу может существовать в двух формах потребления — зоологическом и географическом. В общем получается, что зоогеография это наука о пространственном распределении животных в проекции на поверхность Земли независимо от дробности рассмотрения — вид, его подразделения или группа, сообщество любого ранга. Ландшафтной она становится тогда, когда исследования выполняются на ландшафтной основе. Использование других основ (топографической, геоботанической и пр.) допустимо, если нет возможности использовать ландшафтную, или почему-либо другая основа предпочтительнее. Все те же самые исследования могут быть геозоологическими, в том числе экологическими, если выполняются не для решения географических задач, а других каких-либо, в том числе и экологических. Аргументы, почему я считаю так, а не иначе, приведены в вводной главе. Я повторю их вкратце. Для различения экологии и географии признак вид или биота ненадёжен потому, что относится лишь к крайним состояниям. Куда Вы отнесёте исследования по группе видов, объединённых по систематическому, экологическому признаку или специфике работы (скажем одни бабочки, или земноводные, или муравьи и т. д.). Ведь исследований по всей биоте нет, но даже не это самое главное. Один может делать птиц как зоогеограф, ему, в принципе, всё равно, что делать, лишь бы накапливать материал и представления, приближающие его к биоте. Другой орнитолог, будет делать тех же птиц, доводя обобщения до того же ранга, т. е. всех птиц этого района, а не отдельно каждого вида, но будет делать это для увеличения сведений по птицам, т. е. обобщая с данными по линьке, размножению, годовым колебаниям обилия и пр. Потому, мне кажется, что один из признаков, по которому можно отличить работу, будет её цель или использование, а не объём группы (вид, группа видов, зоота или биота). Но этим ещё не исчерпываются необходимые и достаточные для различения признаки. География это только то, что изучает изменения распределения в пространстве (проективном). Если изучается (рассматривается) численность, биомасса, энергетика, ярусность, трофическая структура даже для всей биоты, но в едином неделимом выделе любого ранга от фации до биогеосферы и это делается для познания функциональной структуры (как живёт или работает), то это биоценология (экология сообществ, а если видов, то частная синэкология, если группа их — экология фитоценозов и пр.). Если это делается ради познания строения, архитектуры сообщества — это морфология, но она очень быстро превращается в функциональную морфологию. Если биота или любая её часть рассматривается дифференцировано в проективном (горизонтальном) пространстве, вот только тогда она становится географией или географической морфологией. Она тоже может быть функциональной и превращаться тогда в географию биогеоценозов — мечту ландшафтоведов, но специфика — анализ пространственной (горизонтальной) дифференциации остаётся.

География может быть качественной, основанной на зрительных (пейзажных) впечатлениях и может быть качественно-количественной, когда при анализе используется мера. Она может быть, и это весьма желательно, ландшафтной, но за неимением такой основы, или если это целесоо-

бразнее в частных случаях, может использоваться любая основа.

Кроме того, по временно́му признаку все эти науки могут делиться на разделы: статический, динамический, исторический и прогностический. Тут, по-моему, всё проще. Если изучаешь всё это без описания анализа динамики, т. е. актуальную структуру — это статика. Если исследуешь изменения распределения в настоящем, а не его как самоцель, это динамическая зоогеография. Если изучаешь распределение в прошлом, то это историческая зоогеография. Если лепишь прогнозы — прогностическая. Эти аспекты обычно, как и всё на белом свете, в чистом виде не встречаются. Это те самые пресловутые идеальные типы, которые в том или ином наборе и сочетании встречаются в реальных исследованиях. Кстати, их можно классифицировать, что мы и делаем, разрабатывая предмет зоогеографии.

Итак, я считаю себя зоогеографом, т. к. занимаюсь пространственным распределением зоологических объектов, для меня это самоцель и расширение представлений я вижу в привлечении данных по географии других, не зоологических, объектов (растительности и всех прочих компонентов биогеосферы). Я ландшафтный зоограф, т. к. делаю это на ландшафтной основе. Я занимаюсь актуальной (ныне существующей) пространственной структурой животного населения доступных мне групп и отчасти динамической зоогеографией (разные сезоны), отчасти исторической, т. к. анализирую население, кроме всего прочего, с точки зрения путей формирования населения в прошлом. То, что я делаю по распределению конкретных видов, тоже зоогеография, т. к. мне это нужно для расшифровки принципов организации, формирования, сложения населения. Те же данные могут использоваться для описания экологии видов (семейств, классов и т. д.), т. е. для анализа функционирования видов (класса и пр.). Тогда это будет геозоология. В свете всего изложенного, идейный ли я Ваш отступник, предатель или последователь, развивающий Ваши идеи? Мне кажется последнее, только я не догматик и ортодокс. В конце концов, важен всегда результат. Ведь результаты работы не вызвали у Вас неудовольствия и Вы не будете отрицать, что заключительная глава всё-таки ландшафтная зоогеография, даже в Вашем представлении. Вы обвиняете меня в забвении Ваших работ. Отнюдь нет. Аргументы за трактовку, которую я изложил, приведены, но я не хотел по каждому пункту приводить Ваше мнение, чтобы не создавать впечатления конфронтации. Ссылок на Вас много и они, за исключением явно ошибочного объединения экологической и ландшафтной зоогеографии, по-моему, хорошо и без искажений, представляют Вашу точку зрения. Ошибка, которую я допустил, связана с непроизвольным расширением трактовки авторов, что, конечно, недопустимо. Тут я всё расчистил. Вы правы: переход от зоогеографии к геозоологии, в частности экологической, написан путано — тоже буду расчищать, т. к. диалектика единства и противоположности тут меня подвели.

Кроме того, я особо отметил Вашу выдающуюся роль в создании и упрочении среди зоологов новой ландшафтно-количественной зоогеографической парадигмы, как системы ценностей. В этом Ваша непреходящая величайшая заслуга, а конкретные Ваши взгляды и всех Ваших

последователей, будут и должны изменяться, уточняться, иначе направление погибнет в тисках мёртвых догм. Важна суть, главная цель, а не частности, с чего и как начинать. Важнее как кончить!

13. Кстати, Вы напрасно думаете, что мы топчемся на 2 пятачках. Мы уже закончили разрез вдоль Оби в средней и северной тайге и подтаёжных лесах и по южной тайге в Прииртышье и Приангарье. Многие ли из Ваших учеников за эти годы сделали столько же для ландшафтной зоогеографии (приплюсуйте ещё северо-восточный Алтай)? Доберёмся и до смежных зон, но быстро ведь только кошки делают свои дела.

14. Я вовсе не хочу сделать географию придатком экологии, в том числе биоценологии у меня это параллельные ряды, но не антогонисты и антиподы, а дружественные смежные направления, изучающие разные аспекты одного и того же объекта — биосферу Земли.

Люди-исполнители могут быть антогонистами, ибо слаб человек, дьявол силён.

15. Хорология и типология — определение их есть в разделах. Для чего они тоже написаны. Реальная смежность случайна и изменчива в мелком и среднем масштабе, да и дальше тоже, хотя и меньше. Типология, устраняя из анализа смежность, позволяет вычленить основные принципы пространственной организации. Ведь зоны в идеале абсолютно похожи на полосы, в реальности это сильно искажается рельефом, близостью морей, воздушными течениями и пр. С зонами проще, т. к. они зримее, а вот в среднем масштабе перейти от факторов и описаний к вычленению закономерностей без абстрагирования от реальной поверхности, невозможно. А. М. Чельцов пусть рисует карты, но мне хочется знать, почему так, а не иначе, а не считать птиц до бесконечности, чтобы нарисовать весь мир в натуральную величину. На кой чёрт он мне в 2-х экземплярах, в 1-ом разобраться бы.

16. Я не друг и не приятель ..... и не питал к нему никогда нежных чувств, но работа его по корреляции плотности и биомассы птиц и величины безморозного периода даёт руководство к прогнозированию. Использование приёмов факторного анализа логически неизбежный путь количественной зоогеографии. .... Автор может быть немцем, хоть фашистом по убеждению, подлецом или хорошим человеком, уже безразлично. Публикация живёт сама по себе. Ведь не откажитесь же Вы от лекарства, изобретённого плохим человеком, если оно спасает жизнь и здоровье.

17. Куча «иностранных» слов и терминов, конечно, затрудняет чтение. Я везде старался расшифровать их в начале. Не то, чтобы я любил красивые слова. Дело скорее в том, что зоогеографию (да и всё остальное) не могут делать только зоологи или географы. Нужны математики и философы. Они в той или иной мере участвовали в нашей работе. Соответственно, чтобы они понимали нас, а мы их, нужен общий язык да и просто, используя их аппарат, используешь и лексикон. Термины, использованные в работе, взяты из языка зоологов, географов, математиков, философов. Зоолог же всегда хочет, чтобы всё было на его языке, но

не всегда это возможно и полезно. Ведь мы пишем не бестселлер, потому не страшно и в словари заглядывать.

18. Ссылки на работы И. В. Измайлова и П. П. Второва есть, но там, где я счёл нужным. Обоих я весьма уважаю, но ведь ссылки принято делать не по мере талантливости авторов, личного уважения к ним или положению, занимаемому в науке. Этика как раз и требует делать ссылки, когда это надо по существу работы и когда это необходимо. Петя Второв прекрасный, талантливый учёный, но, скорее, не зоогеограф, а в большей степени биоценолог (в моём понимании). Только в последние годы у него снова проявляется интерес к биогеографии. Иннокентий Викторович зоогеограф, на него тоже есть ссылки, но его уточнение Штегмана декларативно, может быть оно и справедливо, но не доказано и, самое главное, у него свалены в кучу две вещи: современное зональное предпочтение (преференция) и генезис (в данном случае топографический центр происхождения). Может быть он и прав, но я пока не берусь об этом судить. Штегмановские названия позволяют использовать лишь общее представление о том, откуда (с какой стороны) пришли эти виды на данную территорию. Это обязывает к меньшему, хотя и это очень ориентировочные прикидки. Тем не менее, долевое участие птиц разного происхождения даёт дополнительную информацию о структуре населения и это грех не использовать. Первый, кстати, это сделал П. П. Второв. Спорить с И. В. у меня нет оснований, т. к. я не знаю (и он тоже), кто что сейчас предпочитает и почему. Для решения этой проблемы и нужен анализ видового распределения и обобщение в группы по сходству в предпочитаемости и распространении. По мере сил мы это и делаем, среди прочего.

Итак, мне кажется, я не предатель и не отступник, даже наоборот, по-моему, я продолжаю разрабатывать Ваше направление. Я не ортодокс, но ведь догматизм всегда приносит больше вреда, чем пользы. Корыстных целей тоже не преследую, скорее рискую оказаться между двумя станами, как между молотом и наковальней.

Искренне признателен Вам за обстоятельную критику — она полезна и для меня, и для работы, не говоря уж об удовольствии, которое доставляет хороший разговор (даже в письме) на взаимно интересную тему. Жаль, конечно, что я отнял у Вас массу времени, но надеюсь не напрасно.

Искренне Ваш Ю. Равкин 24. 07. 1975 г.

Письмо А. П. Кузякина с замечаниями и предложениями на книгу Ю. С. Равкина и И. В. Лукьяновой «География позвоночных южной тайги Западной Сибири (птицы, мелкие млекопитающие и земноводные)»

Ю. С. Равкин

Эта статья подготовлена по материалам моего архива. Воспроизводится факсимиле личного письма А. П. Кузякина, датированное октябрем 1976 г.

Дорогой Юра!

Я уже несколько месяцев слышал от своих аспирантов и даже студентов, что вышла книга Ваша совместно с Ижочкой (в смысле Инуси Лукьяновой) по географии позвоночных, но что это за книга – в натуре не знал и огорчался, что Вы от меня отколоись, а по какой причине – тоже не знал.

Только 21.X.1976 года Л. Вартапетов принёс мне эту книгу вместе с извинениями за задержку её доставки. Я, конечно, извиняю и сердечно благодарю за то, что не забыли! Кого? Вашего неуемного и неподдельного приятеля.

Это было на фоне Вашего посвящения (эпиграфа) в предыдущей книге (без Ижочки), за которое я Вам раньше благодарен. В иной ситуации я такому посвящению не придал бы большого значения, но это было в книге под редакцией А.А. Максимова. Он с 1960 года стал ко мне враждебно относиться. Тогда он объявил, что „Кузякин обворовал Биологический институт Со АН СССР". Имелся в виду мой доклад на Международном герпетологическом симпозиуме (в Брно, ЧССР) об авиационном методе защиты урожая от вредных кровсов. Я руководил разработкой этого метода. А. Максимов не имел к нему абсолютно никакого отношения, но потом выступил с таким пасквилем. Он, конечно, был против посвящения, а Вам за упоминание меня грозили осложнения.

Теперь всё улажено. Л. Вартанетов объяснил причину задержки.

Книга Ваша, конечно, хорошая, ценная. Она содержит большой вклад в зоогеографию, но, разрешите мне, Юра, на этом закончить положительное и присущее к замечаниям и пожеланиям. Учтите, только, что всего книгу я прочесть не мог и не из-за непренебрежения к авторам, а из-за моего состояния. Правый глаз у меня уже совсем не видит (на 100%). Левый видит через бумажную плёнку. Перегружать его не рекомендуют. На 27.X назначена укладка меня в больницу, а на 28.X — операция пока видящего глаза.

Заметки изложу по ходу их обнаружения.

7 (это страница текста): Ссылаясь на меня, Вы пишите, что сходное „с геобаническими принципами... направление А.П. Кузякин тоже относит к географической зоологии".

Удивительное и досадное утверждение. Видимо, я так бестолково изложил своё разграничение между зоо-географией и гео-зоологией. Мои представления противоположны. Геоботаника — это настоящая ландшафтная фито-география, а географической зоологии соответствует фито-„география".

6-7: О рис. 1. „Структура предметной области зоогеографии". „Структура" сложная, „предмудрая", но явно недосмысленная.

1) Почему в „Структуру... зоогеографии" включена экология? Разве экология – придаток или составная часть зоогеографии? Ведь это же самостоятельные науки, относящиеся к разным системам наук (биологических и географических). Зачем экологию делать придатком географии? Ведь это же явно неосмысленн

Начало таблицы: Прямоугольник с надпись в нём: „Комплекс наук о Земле". Хорошо.

Слева от прямоугольника – стрелка. Откуда она идёт? – Никто не поймёт. Далее, слева – „Экология". Какое же отношение экология имеет к „Комплексу наук о Земле"? Экология – наука об образе жизни животных (чисто зоологическая наука). К комплексу наук о Земле она не имеет никакого отношен. Неужели нельзя было додуматься до такой элементарной истины?

По поводу соотношения между экологие и зоогеографией у меня были три опубликованных публичных выступления: 1) „Соотношение между экологией и зоогеографией". Вопросы экологии, 1962: 42-43. Киев. 2) „Антропогенные комплексы в географии, экологии и фаунологии". Пятая межвуз. зоогеогр. конфер. Ч. 1. Казань. Стр. 44-46. 3). О содержании териологической географии. Первый международный конгресс по млекопитающим. Москва, 1974, Том 1: 323.

С трактовками, изложенными в этих трудах Вы можете не соглашаться, но игнорировать их не можете. Вы обязаны знать эти произведения и, если не согласны с ними, то также обязаны привести аргументы: почему Вы с ними несогласны и чем Ваша трактовка совершеннее изложенной ранее? В списке использованной Вами литературы означенных произведений нет и это не делает Вам чести, как учёному.

Смотрите дальше: какая нелепость в таблице: „Биогеоценология". Да разве это „био-", если речь идёт о зоо-экологии?

Переключаюсь на второй столбец, озаглавленный: „География".

а) Не „физическая", а природная география, что принято большинством современных географов.

б). Галиматья на тему о „физической географии и „биогеоценозах". Понято ли Вами: что такое „биогеоценоз"? Это — категория средняя между биоценозом и

фацией (Берга); это уже не биологическое (биоценоз) и еще не географическое (не фация), нечто промежуточное – „био-гео..." Представить это нечто было невозможным потому, что никто не знал: где кончается биоценоз и где начинается фация. Спросите у математиков СО АН СССР про одну элементарную арифметическую истину: можно ли решить одно уравнение с двумя неизвестными?

„Биогеоценоз" – продукт фиктивного „решения" такой задачи.

Это нечто Вы (как и многие другие деятели Академии) превратили в „науку" – „биогеоценологию"; Вы отнесли эту „науку" к другой науке – экологии, а стрелкой упарили в „Комплекс наук о Земле". До чего только не додумываются деятели Академии „наук" и эти выдумки публикуют с претензией на их научный смысл! Чего только не выдерживает бумага.

В 4-м прямоугольнике левой стороны „Рис. „Практический аспект зоогеографии..." он по чему-то отнесен к экологии, хотя место его, казалось бы во 2-м столбце – между „Эмпирическим" и „Теоретическим" аспектами зоогеографии.

В правом столбце: „объект и субъект исследования" в единственном числе, общим, как в экологии, так и в географии.

Жаль времени на другие прямоугольники „Рис. 1"

Дорогой Дора! Я Вас высоко ценю как ученого, а Вы публикацией такой лабуды снижаете свою марку.

На обороте вклейки – другая выдумка глупо расположенная – с широким верхним полем и с текстом на двух перегибах – „Рис. 3. Алгоритм описания и анализа..." Пытался разобраться в этом хитросплетении, но не разобрался. Видимо усторел. А ощущение от „Рис. 3" такое: когда коту нечего делать – он может додуматься и до такого „Алгоритма".

Одно усмотрел в „Алгоритме" – его полное несоответствие дальнейшему тексту. Во всех прямоугольниках речь идет о животном населении (основном объекте изучения в зоогеографии), а текст по всем группам начат с повидового обзора. И виды расположены не по их месту в населении, а в „систематическом порядке". Но в систематике порядка пока нет. Вы взяли „порядок" у Н.А. Гладкова и др. Они взяли „порядок" у Э. Штреземана. Его порядок крупных таксонов осмысленнее, чем у американских орнитологов, с одним большим изъяном – расположением голубей между куриными и пастушковыми, к которым они не имеют никакого отношения. Об этом публиковалось, а Вы публикации игнорируете.

И отряды птиц теперь называются не так как у Вас: не „голуби (Columbae)", а голубеобразные (Columbiformes), не „пастушки (Rallidae), а пастушкообразные (Ralliformes).

По упорядочению русских названий птиц целых 8 лет работала Всесоюзная комиссия, демократически избранная Всесоюзным орнитологическим конгрессом. В её составе был и председатель Академии наук СССР – Л.А. Орбели. Плоды 8-летнего труда комиссии были одобрены и приняты. А Вы взяли да плюнули на них. Вы освоили стиль поведения сотрудников Академии – плевать на всех и на всё, но это тоже не делает Вам чести и не повышает Вашего ранга, как ученого.

Пока не забыл (с этого надо было начинать письмо): не одобряю Вашего соавторства. Вам как и Инночке, надо издавать книги раздельно. По правилам нового ВАКа книги изданные в соавторстве в расчёт не принимаются. А вам (обоим) надо проходить в докторра. У Вас то есть монография – „Птицы северо-восточного Алтая." А Инночке надо создавать монографию и мешать ей в этом (соавторством) не следует. Вы могли разделить по объектам: Ю.С. Равкин: „География земноводных и птиц...", И.В. Лукьянова: „Орнитогеография юга Западной Сибири."

Это – вмешательство в личную жизнь, но поймите, что из добрых побуждений.

6: „...Биогеография представляется Вам „как география биоценозов." Плохо, примитивно, неосмысленно. Биоценоз – и термин, и объект изучения экологии, а не биогеографии. Объект изучения в биогеографии – не биоценоз, а биота. В любой биоте может быть несколько (много) биоценозов. Если биоценоз – сообщество, то биота – сообщество сообществ, т.е. сообщество иного, более высокого ранга (порядка, уровня). Биоценоз и биота – не синонимы и подменять одно другим незачем.

7: Ссылки на Тепткера, 1936 и на Гузанова, 1938 совершенно неуместны, т.к. они даже не знали что такое зоогеография. В их „Зоогеографиях" содержатся сведения об ареалах, о фаунах, по экологии, домыслы по истории ареалов и фаун. Какое они имеют отношение к Вашим исследованиям – зоогеографическим?

S-15: текст этих страниц, как и рис. 2 (помещенный после „Рис. 3" – остались мной непонятными. Не понимаю: зачем простые и понятные вещи (явления, факты, частные обобщения) топить в кавардаке слов и непонятных терминов, никому ничего не дающих и ничего не подсказывающих.

15: „... наименьшей территориальной единицей... было принято ландшафтное урочище..."

Почему „ландшафтное урочище", возведенное в ранг „единицы"?

Основоположник ландшафтоведения, Л.С. Берг, единицей в географии называл ландшафт и только ландшафт. Наименьшую часть ландшафта он называл фацией.

„Урочище" было придумано и предложено Н.А. Солнцевым, как подразделение среднее между ландшафтом и фацией. Причем, как „ландшафт" так и „фация" Солнцева не имеют ничего общего с ландшафтом и фацией Л.С. Берга. В одной фации Берга „помещаются" десятки „ландшафтов" Солнцева. Так, что же такое „урочище"? Зачем оно взято у путаника? Как его представить себе зачем это нечто возведено в единицу?

И: куда делась фация? Почему она отвергнута, подменена каким-то „урочищем". Зная Ваши выделы в натуре, могу утверждать, что они соответствуют фациям Л.С. Берга. Зачем же их подменять какими-то „урочищами", которые ничего общего не имеют с Вашими выделами?

И фация - не единица, а часть единицы - ландшафта. Если Вы с такой трактовкой Берга не согласны, так потрудитесь аргументировать почему? И в чём преимущество Вашего „урочища" как „единицы"? А просто отбросить Л.С. Берга, как пешку, по меньшей мере неприлично, развязно, самонадеянно. Вы пока - не Л.С. Берг (по заслугам в науке), но так развязно поплёвываете на него.

16-18: не понял: для чего написано.

18: „... зоогеографию подразделяют ~~на~~ обычно на экологическую (ландшафтную)..."

„Ландшафтная зоогеография" – термин (неудачный и временный) предложен мной. Но я никогда не называл (и никогда не назову) её „экологической", считая это невозможным и безграмотным. Экология – особая наука (биологическая); а „экологическая зоогеография" – ничем не оправданный и ненужный гибрид между двумя науками. А Вы самочинно превратили их в синонимы.

„... историческую (Гептнер, 1936...)". Отнюдь нет. Гептнер не имел представления ни о какой зоогеографии. Он так называл историческую фаунологию.

Историческая зоогеография в дальнейшем будет. В её задачу войдёт восстановление истории формирования зоот (живого населения ландшафтов), о чём Гептнер не имел ни малейшего представления и не имел их в виду.

Вы уже вторично Гептнера подсовываете мне, как союзника в разработке зоогеографии, но мы не союзники, а антиподы. Об этом было напечатано в „Проблемах орнитологии", Львов, 1964: 44–50, под заглавием – „О ландшафтной орнитогеографии и её антиподе".

22: „... доминируют представления о населении как дискретной системе. Методологически это едва ли оправдано." Прочитал эту фразу и представил

себе, например, птичий базар. Сотни тысяч птиц гнездятся на карнизах и летают с них только на море. Это морские птицы. Они совсем не „интересуются" прилегающей тундрой и не образуют никаких переходов с населением тундры. Их особенность можно отрицать (или брать под сомнение) только демагогически.

Вы ответили полевой орнитолог. Когда в Ваших учетах на полях (на пашнях) попадали клесты, дятлы, поползни? (Кроме, конечно, пролёта над полями). Эти лесные птицы входят в состав лесных зоон и не входят в состав полевых. Зачем нужна для такого факта демагогия на тему „методологически" (!) неприемлемого представления о дисперсности? Хотя отдельные компоненты, конечно, могут входить в состав двух или трёх зоон. Грачи гнездятся на деревьях, а кормятся на полях. Однако грачей нет в тундровых ландшафтах. Неужели трудно разобраться в таких элементарных явлениях?

22-23: Очень приятно, что за основу Вы приняли ландшафт Л.С. Берга. Благодарю за Ваше согласие с нужностью масштабных придирок. Только для ландшафта я придержку утончил до 1 км², узнав, что такой выдел можно отражать на карте в масштабе 1:1 000 000.

Масштаб 1:100 000 был предложен мной для фауны (это опубликовано в Казахи и в наших ученых записках, вып. 7), а для урочища В.Д. Кузякиным предложен масштаб 1:500 000, что вполне логично.

По масштабу Вы сами показали, что „урочищами" называете фации.

23: опять неуместная ссылка на Н.А. Солнцева, „ландшафты" и „фации" которого не имеют ничего общего с ландшафтами и фациями Л.С. Берга. И в туже цитату включили его второе недомыслие ~~об „урочищах"~~ о „фациях"... „постепенно переходящих друг в друга..." Ведь глупо же так категорично утверждать. Где Вы видели, чтобы поле (пашня) постепенно переходила в любую из окружающих фаций? Вы знаете, что такое „опушка леса". Разве она постепенно переходит от лесной фации к любой открытой (не лесной)? У знакомых Вам колков постепенные переходы к окружающим их полям, лугам или болотам? Зачем нужна демагогия о постепенности (и только постепенности) переходов от одной фации к другой? Неужели такую элементарщину трудно понять? Этим не отрицаются отдельные случаи „постепенности" переходов, особенно в антропогенных условиях, но нельзя так безоговорочно заявлять об одной постепенности. Нашли на кого опираться.

25: Согласен с Вашей трактовкой (и термином) „обилие". Численность Вы понимаете точнее, чем Беклемишев. Численность — термин математический и означает не количество (в данный момент), а закономерное изменение чисел (в наших случаях — сезонное, по годам и т.д.). Благодарю за принятие моей шкалы балльных оценок. Очень удачно Ваше выражение — „на единицу пересчета".

26: Так же благодарен за приём названий по индексу доминирования и за фоновые виды.
Жаль, что не приняли термин зоота, означающий набор лишь фоновых видов, а не всех учтенных и не всех числящихся.

27: „Южная тайга – одна из подзон лесной зоны. У Л.С.Берга, которого я почитаю, было так. Но за последнюю четверть века большинство географов стали выделять тайгу в ранге особой зоны.

30-32: Методика учетов птиц изложена просто и понятно.

33: Правильный пересчёт на цилиндро-сутки, не на канавко-сутки.

36-38: Об учетах земноводных – всё новое и приемлемое.

38-45: О классификации животного населения – длинно, сильно усложнено и не очень понятно.

46-145: Начинать характеристику населения птиц (и других групп) с повидового обзора – не логично и ничем не оправдано. Это – не зоо-география, а чистая зоология с крупинками сведений о месте того или иного вида в населен

Наша схема (последовательность): 1) фактические результаты учётов, из которых виден фоновый состав, а затем 2) заметки о фоновых и некоторых редких видах мне представляется гораздо логичнее („зоо-географичн

И если в заглавии книги „География", то нет смысла подменять ее систематикой, систематическим „порядком". Нельзя фоновые виды перемежать шелухой о редких и очень редких видах.

Если Вы начали заглавие со слова „География...", то подумайте, осмыслите: что значит это слово. Тетерев - не география. Глухарь - тоже не география. Это чистая зоология. Мне даже неудобно жевать перед Вами такую элементарщину.

Географу нужно то, что имеет значение в географии, в характеристике ландшафтов, в ландшафтоведении.

Только фоновые виды имеют значение в истории формирования и современном облике любого ландшафта. Все редкие и очень редкие виды такого значения не имеют. Это моё открытие. П. Второв назвал его „теоретическим маяком", знаменующим новое направление в науке. Ведь мои учёты около Архангельска (в 1955 году) показали, что на 7,3% фаунистического состава пришлось 81,4% поголовья встреченных птиц. Или учеты в провинции Гирик, в которых на 5% видов зверьков пришлось 95% учтённого поголовья, из них 62,7% пришлось на один вид. Ведь это же удивительно. И в то же время знаменательно, что в любых географических трудах (учебных и „научных") самые массовые виды не упоминаются. Географы не знают глубины своего невежества. И повинны в этом не они, а мы, зоологи, перечисляющие для них всякую шелуху в систематическом „порядке" (никем пока не установленном).

Неужели и такие истины не доходят до Вас? Зачем Вы нужное для географов утопили в шелухе редкостей, не имеющих для географии никакого значения? Это и не зоогеография, и не фаунистика, т.к. Вы не включили в свой обзор виды, не встреченные Вами.

Если Вы считаете, что тетерев — это география, а состав зоот — лабуда, то надо хоть мало-мальски аргументировать это. А просто плевать на моё открытие — не очень прилично. Это не делает Вам чести и не повышает Вашего положения в науке.

145-148: „Провинциальные изменения..." Почему Вы предпочли „провинции" очень неопределенного и произвольного ранга, ландрайонам, аргументированным на зоогеографических показателях? Ещё плевок, ничем не аргументированный и ничем не оправданный. А провинция и ландрайон — не синонимы.

145-148: О штегмане, 1938 почитайте в моем докладе во Львове (1964). Лучше бы Вам сослаться на И.В. Измайлова. Это было бы солиднее.

148-223: С этого и надо было начинать орнито-географическое описание. Оно очень важное и очень ценное. Только таблицы мы теперь упростили (укоротили): в таблицы помещаем только фоновые виды, а редких и очень редких перечисляем под таблицей (в 2 столбца) для фаунистов. В число фоновых включаем и

часть редких – от 0,5 до 0,9 на единицу пересчета. Почему? Потому, что таблицы надо избавить от десятичных. Наши учёты не так точны, чтобы представлять их в долях одной особи. А если Вы будете избавляться от десятичных, то правилом арифметики все от 0,5 превратятся в единицы, т.е. войдут в число дробовых. Сотые доли на единицу пересчета – уже совсем бессмысленны. Это – самообман и обман других. Мы можем их иметь в виду лишь для порядка расположения видов.

165: Включать в настоящую орнитогеографию домыслы о „сибирском типе фауны" (по ..... Шрегману) незачем. Это глупо. Прочитайте хоть один раз мой доклад во Львове.

223–243: Комментарии к результатам учетов нужные и полезные.

По другим группам – замечания те же.

Это я читал и писал ночами перед операцией одного плохо видящего глаза и, вероятно, с большим ущербом.

На этом кончаю. Благодарю за присылку книги! Поздравляю с её выходом! Если хоть часть замечаний учтёте – буду считать потраченное мною время не впустую пропавшим.

Желаю Вам больших успехов и терпимости на всякие демагогические домыслы, не имеющие научной ценности!

С глубоким уважением А. Кузякин

24.X.1976.

Коллеги о заслугах Александра Петровича Кузякина [2, 3]

Институт изучения позвоночных животных, Брно, Чехословакия (1965 г.)

Уважаемый и очень дорогой господин профессор,

к Вашему 50-летию со дня рождения пишу это дружеское письмо на своем родном языке потому, что т. Грулих обещал перевести его на Ваш родной язык и что на чешском языке я имею лучшую возможность высказать свои чувства к Вам.

Прежде все, разрешите мне принять Вас в артель «старейшин», в которую у нас принимают каждого после достижения 50 лет. У нас очень известно выражение, высказанное одной делегацией по случаю празднования 50-летнего юбилея всемирно известного поэта Врхлицкого, которое содержало слова: «Почтенный мудрец».

А когда Вы уже приняты в артель «старейшин», желаю чтобы Вас никогда не покидала Ваша легендарная юность, энергия, стремление к новому и творческий энтузиазм, который служит для всех нам примером и который мы высоко ценим. Кто бы мог сказать, что такой молодой человек, как Вы, уже прожил 50 лет.

И далее позвольте пожелать Вам, чтобы под Вашим руководством развивалась наука так же, как до сих пор, чтобы Вы также обогощали нашу зоологию новыми открытиями. Желаю Вам крепкого здоровья и долю юмора, который так важен в наше время, когда приходится устранять разные тормоза в науке.

Я благодарен за все Ваши хлопоты по научному воспитанию нашего т. Грулиха.

Преданный Вам
Й. Кратохвил, проф., доктор наук, член-корреспондент ЧСАН, директор Института

Шаньдунский университет, Цзинань, КНР (12 февраля 1965 г.)

Глубокоуважаемый профессор Александр Петрович Кузякин!

Позвольте искренне поздравить Вас с днем Вашего рождения и пожелать Вам здоровья и еще больших успехов в работе.

Наша семья с большой радостью встречает торжественные дни юбилея.

Желаем здоровья и счастья товарищу Комкова-Кузякиной и всей Вашей семье.

Чэн Фан-у
Чжан Лин

---

[2] Подготовлено по материалам личного архива А. П. Кузякина и личного архива Л. Н. Мазина.

[3] Сохранена орфография написания текстов. – *Прим. Л. Н. Мазина*.

Зоологический институт и музей Болгарской АН, София (12 февраля 1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

По случаю Вашего 50-летия прошу принять мои самые сердечные поздравления и самые искренние пожелания крепкого здоровья, долгой жизни и ещё больших успехов в деле развития зоологической науки.

Ваша плодотворная и большая научно-исследовательская деятельность, прекрасная и неутомимая педагогическая работа, составляющая часть ведущей советской науки и педагогики, хорошо известны не только на Вашей Родине, но и у нас и вообще за рубежом.

Ваши научно-исследовательские и педагогические труды, характеризующиеся богатой, углубленной и оригинальной и точной мыслью, служат нам примером и образцом ученого, бескомпромисного, принципиального, безупречно дисциплинированного и авторитетного педагога, который своей многостранной деятельностью содействовал созданию молодых научных и педагогических кадров.

Искренне радуюсь этому Вашему празднику, который Вы чествуете в расцвете Ваших творческих сил и высоко ценя Вашу общественную и культурную деятельность, еще раз от всей души желаю Вам еще многих лет творческой работы и красивых дел.

Искренне Ваш
Д-р Г. Марков, руководитель секции «Позвоночные животные» при Зоологическом институте Болгарской Академии наук

Институт зоологии АН Казахской ССР, Алма-Ата (1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив Института зоологии Академии наук Казахской ССР от всей души поздравляет Вас в день пятидесятилетия.

Ваша жизнь, трудовая и общественная деятельность могут служить примером самоотверженного служения советской науке. Ваша высокая принципиальность широко известна и это, наряду с большой эрудицией и товарищеским отношением ко всем, работающим на периферии, объясняет те дружеские чувства, глубокое уважение и искреннюю любовь, которые мы хотим выразить Вам в этот день.

Для нас, работающих в Казахстане, Ваша деятельность имеет особое значение. Многие из нас учились и выросли, пользуясь «Определителем млекопитающих СССР», в создание которого Вы вложили много труда. Ваша монография о летучих мышах нашей страны послужила отправным моментом для развития глубоких исследований этих интереснейших животных.

Нам хотелось бы подчеркнуть то, что особенно привлекает в Вас, — самобытность Вашего мышления, оригинальность постановки научных вопросов и страстность, с которой Вы выступаете в защиту своих взглядов. Это ярко выразилось в Ваших работах по зоогеографии и по проблеме видообразования, где Вы выступили как новатор и высказали новые

мысли со всей убедительностью и талантом.

Будучи признанным специалистом по млекопитающим, Вы также отдали много сил изучению птиц, особенно гнездового периода их жизни. Вам мы обязаны первыми сведениями по экологии таких замечательных видов как перепончатопалый песочник, длинноклювый пыжик, большой черноголовый дубанос и ряда других. Созданная Вами оологическая коллекция совершенно уникальна и можно не сомневаться в том, что она послужит основанием для создания государственной коллекции, в которой ощущается столь острая нужда. Высказанные Вами соображения о желательности учета оологических признаков и особенностей гнездования при разработке вопросов классификации птиц впервые ставят этот вопрос с такой широтой.

В Вашем лице мы сегодня приветствуем широко образованного зоолога, ученого со своими оригинальными взглядами, полевого натуралиста-энтузиаста, человека щедрой души.

Позвольте же пожелать Вам хорошего здоровья, дальнейших успехов в жизни и работе, а также счастья в личной жизни.

А. Слудский, М. Исмагилов и ещё 11 фамилий

Алма-Ата (28 января 1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Во первых строках — приветствую и поздравляю Вас с днем рождения. О датах — т. е. годах — не будем говорить: ничего в этом интересного нет, знаю это по собственному опыту. Но и это (т. е. число лет) не столь уж большая беда — молодость и старость понятия сугубо относительные и определяются они отнюдь не количеством лет. Тут есть что то другое — острота восприятий, способность к увлечениям, страстность в отстаивании своих взглядов и т. д. и т. п. И число лет тут абсолютно ничего не значит. Видели мы стариков которым едва исполнилось 25 лет, видели и молодых в 70 лет. Обидно конечно, что здоровье и силенки уже несколько не те… ну да и это ничего, многое искупается опытом. Одним словом — унывать не надобно. Главное — все равно ведь. Будешь или не будешь унывать — от этого число лет не изменится. Отсюда марал *(Cervus sp?)* — лучше не унывать.

Это первое. А второе — огромное спасибо за письмо! Вы сообщили мне много хорошего. А то, что Вы иногда подпускаете юмора в мой адрес — принимаю без обиды. В нашем книжном хозяйстве такой беспорядок, что и в Москве за ним следить трудно. А уж здесь — тем паче. И немудрено, что я пропустил основополагающий труд Коротких, Кузякина и Сученкова, равно как и труд Маракова. Может и еще чего пропущено — заранее каюсь и принимаю любые шишки на свою голову.

Но по своей мстительной натуре не могу умолчать и о том, что в Ваших добавлениях кое от чего приходиться отмежеваться. Так например:

Oidemia deglandi — несколько гнезд найдено Сушкиным. Они хорошо описаны, имеется и фотография гнезда. Этого, пожалуй, довольно. Судьбу яиц не знаю, но это дело уже десятое (Сушкин, 1938).

Grus canadensis — есть рисунок яйца у Воробьева и всякий текст по

этому поводу. Вранье или нет — не знаю, но обязан верить (Воробьев, 1963).

Acthia cristatella. В труде о Сахалине все на свете написано. Автор не весьма, но тут, я думаю, ему и поверить можно. Но мое дело в данном случае бюрократическое — написано и ладно. Не могу же я всех проверять (Гизенко, 1955).

Acthia pusilla. По-моему что-то такое находил Портенко на о-ве Диомида. Точно не помню, а оттиска у меня нет и проверить не могу. Но что -то такое было (Портенко, 30-е годы).

Chaimarrornis leucocephala. Довольно недурно описано все на свете — гнездо, яйца и пр. Есть фотография гнезда с яйцами. Одним словом — все, как надо (Абдусалямов, 1964, Птицы Зеравшана).

Еще *Tichodroma muraria*. См. Беме, 1926.

Остальное принимаю без всяких оговорок. Насчет уларов — прошу извинить: бес попутал, пропустил при переписке.

А в общем получается любопытно. Мой список насчитывал 70 видов. Теперь кое что исключается и кое что добавляется и получается … 69 видов. Из них может быть исключено 4 требующих дополнительной проверки (*Oc. leucorrhoa, G. solitaria, Gypaetus, Gl. passerinum*) — остается 65. А может надо еще добавить 3-4 вида? Словом все крутится вокруг 65-70 видов. А ведь это около 10% (если не больше!) всей нашей гнездовой фауны! Нельзя сказать, что бы все это было очень лестно для нашей орнитологической братии. А ведь нас развелось уже больше чем грязи — где только нет зоологического люда! Но все чем то чертовски заняты, прямо таки по горло. Вот и движемся мы черепашьими темпами. Я на конференции хочу об этом немного поговорить и прямо таки призвать к изучению экологии птиц. А то уж больно много у нас разнообразных рассуждений о высоких материях, а фундамент то слабоват — фактов то мало, а то и нет совсем. А списывать с Уайсбери я понимаю что трудное дело. Куда лучше бы списать например с Кузякина или Долгушина. Оно и поближе к нам, да и, говоря откровенно, понадежнее. Я далеко не всегда доверяю заграничным источникам, но на наших китов латинский шрифт и басурманский язык действует совершенно гипнотически. Почему? А? Ну правда — почему сие? Или мы до сих пор не можем отделаться от последствий татарского ига? Или это воспитание наших прежних культурных людей — сиречь всяких там дворян — на нас такое влияние оказывает? Черт его знает почему! Но только мы, эти русские люди, и раньше и, к сожалению, ныне, никак не можем избавиться от того возрения, что «там» все лучше, чем у нас. И вот такого чудака как Майра чтим как святого, а, скажем, о Серебровском кроме плохого ничего сказать не можем. И даже намеренно указываем на его слабые стороны ни словом не упоминая о рациональном зерне в его соображениях. Это Вы еще почитаете, м. б. и напечатаем как нибудь.

А в общем все идет своим чередом и совсем не плохо. Я что-то в Москве очень воодушевился. Понравилась мне молодежь — разные там Наумовы, Кисленко и пр. Какие-то они хорошие ребята — головы у них есть, и умеют они многое. Да и тут, составляя известный Вам список, обнаружил я, что не зря на свете потрудились такие граждане как Абдусалямов,

Винокуров, Воробьев, Гладков, Капитонов, Кисленко, Кистяковский, Ковшарь, Кузякин, Кузьмина, Кыдыралиев, Лабутин, Леонович, Лобановский, Наумов, Нейфельдт, Подковыркин, Потапов, Смогоржевский, Сопыев, Спагенберг, Степанян, Чунихин и многие другие. Армия! С такой армией как нибудь не пропадем!

За сим! Еще раз поздравляю с днем рождения и желаю железного здоровья, неиссякаемой энергии, потрясающей работоспособности, успехов во всех начинаниях и продолжениях, счастья в жизни, побольше радости, веселья, смеха, солнца!

Всего доброго! Привет супруге, ребятам, всем добрым знакомым!

Ваш И. Долгушин

Институт зоологии АН Украинской ССР, Киев (2-го февраля 1965 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович!

Коллектив Института зоологии АН УССР горячо поздравляет Вас со славным 50-летием и желает крепкого здоровья, больших успехов в Вашей плодотворной деятельности на благо советской биологической науки и благополучия в личной жизни.

Свыше 30 лет Вы отдали делу развития отечественной зоологии.

Ваши глубокие и многогранные научные труды в области теоретической и практической териологии, орнитологии и зоогеографии широко известны как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Велика Ваша заслуга в деле изучения экологии грызунов — вредителей сельского хозяйства и разработки мер по ограничению их численности. Ваши труды в этой области — образец тесной связи теории с практикой.

Мы знаем Вас также как выдающегося педагога, внесшего большой вклад в дело подготовки научных и педагогических кадров.

Ваша неисчерпаемая творческая энергия, скромность, глубокие научные знания и горячая любовь к людям, особенно молодежи — образец для всех нас.

Зоологи України від щирого серця бають Вам, наш дорогий Олександру Петровичу, щов Ви довго, довго жили та зоолоів творили!

Коллектив Ин-та зоологии АН УССР:
П. Мажуга, И. Сокур, В. Ермоленко, В. Таращук, Е. Решетник, В. Лоскот и ещё 26 фамилий

Главохота РСФСР, Москва (1965 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив работников Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР приветствует Вас в день Вашего 50 летия и 30 летия научно-педагогической деятельности.

Ваши работы по систематике млекопитающих и зоогеографии СССР служат руководствами в повседневной работе охотоведов и зоологов. Своим многочисленным ученикам Вы прививаете умение сочетать науч-

ные исследования с практическими целями и любовь к родной природе.

Мы высоко ценим Вашу деятельность в научно-техническом совете Главного управления. Ваши убедительные советы и рекомендации позволяют правильно решать вопросы в области охраны охотничьей фауны и её хозяйственного использования.

Дорогой Александр Петрович!

Мы искренне желаем Вам многих лет жизни и плодотворной работы на пользу отечественной биологической науки.

Перовский, Плотников, Никольский и ещё 19 фамилий

Институт зоологии и паразитологии АН Туркменской ССР, Ашхабад (22 января 1965 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив Института зоологии и паразитологии АН Туркменской ССР сердечно поздравляет Вас в день Вашего славного юбилея 50-летия со дня рождения.

Мы знаем Вас как неутомимого исследователя. Вы неоднократно посещали нашу солнечную республику и благодаря Вашим исследованиям сделано многое в вопросе познания фауны млекопитающих Туркмении.

Для зоологов и экологов Туркменистана, работающих над изучением животного мира, Ваши работы и в первую очередь монография «Летучие мыши», являются ценными справочниками.

Мы благодарны Вам за постоянную деловую связь с нашими сотрудниками и уверены, что и в будущем Вы окажите помощь в подготовке молодых кадров-зоологов республики.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, долгих лет жизни и больших плодотворных успехов в развитии зоологической науки на благо нашей Родины.

Директор Института зоологии и паразитологии АН ТССР А. О. Ташлиев
Секретарь парторг. Т. Тогкаев
Председатель МК Т. Ремянникова
Зав. сектором млекопитающих О. Нургельдыев

Центральный НИПЧИ «Микроб», Саратов (1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Саратовские зоологи-противочумники горячо приветствуют Вас в день Вашего пятидесятилетия!

С юношеских лет Вы посвятили себя науке Ваше имя высокоэрудированного эколога, систематика и зоогеографа широко известно среди зоологов Советского Союза и за его пределами.

С зоологами противочумных учреждений Вас связывают годы совместной работы. Ваши исследования в области противоэпидемической борьбы с грызунами позволили усовершенствовать методы истребления сусликов и разработать принципиально новые основы дератизации.

Ваши глубокие и разносторонние знания Вы отдаете благородному

делу подготовки молодых специалистов-биологов, многие из которых под Вашим руководством стали самостоятельными исследователями, успешно работающими в различных учреждениях нашей страны.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, долгих лет жизни, хорошего здоровья и дальнейших успехов в работе и личной жизни!

Б. Фенюк, Н. Калабухов, А. Лавровский, С. Варшавский, М. Шилов, С. Марин и ещё 7 фамилий

Улан-Удэ (26 января 1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Мне доставляет большое удовольствие сердечно поздравить Вас с 50-летием, а Вашу семью с юбиляром.

Искренне присоединяюсь к самым добрым пожеланием Ваших родных, друзей, коллег и учеников.

Что мне хочется особенно пожелать Вам? Будьте здоровы и бодры телом и духом.

Всегда буду вспоминать с благодарностью дни ноября 1964 года, проведенные с Вами. Вы резко и откровенно, порой едко, «громили» плоды моего творчества, но, вместе с тем, так умно и доброжелательно, так щедро делились своими знаниями, отдавали мне свои энергию и время, что я каждый вечер уходил от Вас в каком-то приподнятом, праздничном настроении.

Я впервые сталкиваюсь с такой открытой щедростью человеческого ума и знаний. Это просто чудесно! Будьте и впредь также добры и щедры к людям; убежден, что это будет благом не только для людей, но счастьем для Вас. Впрочем, Вы сами отлично всё понимаете!

От души желаю Вам продолжения больших успехов и удач в науке, педагогической и общественной деятельности. Мы с удовольствием принимаем каждый Ваш очередной труд; в любом из них, как в зеркале, видны, прежде всего, большой ум, оригинальность, великолепная логика, принципиальность и добросовестность, ясность мысли и четкость языка. Неудивительно, что я сознательно, с чистой совестью, стал один из Ваших «апостолов». Помню, как все во мне ощетинилось, когда я услышал от одного из братцев-ленинградцев нелестное про Вас.

Пусть во славу нашей науки и своего учителя плодятся и развиваются Ваши ученики. От доброго корня и доброе семя!

Больших Вам радостей и счастья в личной жизни, по крайней мере, на последующие 50 лет.

Мои добрые пожелания Валентине Ивановне и детям.

С лубоким уважением — Ваш И. Измайлов

Новосибирский научный центр АН СССР (1965 г.)

Ab ovo и до зооты
А. П. Кузякина заботы.
Систематически творит
И практически не спит.

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего славного юбилея зоологи Новосибирского научного центра шлют Вам самые сердечные поздравления. Глубоко ценим Ваш огромный и многосторонний вклад в зоологическую науку. Ваша жизнь — пример удивительного трудолюбия.

Нам приятно отметить, что Вы родились на Западно-Сибирской земле и в зрелые годы в Ваших бесконечных скитаниях по Палеарктике несколько драгоценных для Вас летних сезонов были отданы этому краю.

Среди нас есть Ваш ученики, но не только они с большой теплотой вспоминают общение с Вами, особенно в период авиационно-крысиной эпопеи. Мы надеемся, что еще будем иметь счастье творческого содружества с Вами.

Служите для нас лучшим примером ученого, отдающего всю свою кипучию энергию науке.

Пусть всегда дружит с Вами радость творчества и познания.

С. Фолитарек, П. Пантелеев, А. Николаев, Давыдова, Н. Киселева, Галкина, Н. Маркина, Н. Андреев, А. Терехина, Дроздова, А. Черепанов, Ю. Равкин, И. Лукьянова, Телегин и ещё 10 фамилий

Ростовский-на-Дону НИПЧИ (1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив зоологов Ростовского-на-Дону научно-исследовательского противочумного института горячо и сердечно поздравляет Вас с 50-летием и желает Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, личного счастья и дальнейших творческих успехов в научной и педагогической деятельности.

Мы высоко ценим Ваш вклад в науку, особенно в области зоогеографии и эпизоотологии природной очаговости ряда антропозоонозных инфекций, имеющих большое теоретическое и практическое значение для Советского здравоохранения.

Ещё раз, дорогой Александр Петрович, в связи со славной юбилейной датой, примите наши искренние пожелания доброго здоровья и многих лет счастливой жизни.

Н. Миронов, И. Малолетков и ещё 9 фамилий

Отдел зоологии и паразитологии АН Белорусской ССР, Минск (1965 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович!

Коллектив сотрудников Отдела зоологии и паразитологии Академии наук Белорусской ССР сердечно поздравляет Вас в день Вашего славного пятидесятилетия.

В день Вашего юбилея мы приветствуем Вас как крупнейшего ученого, внесшего большой вклад в развитие зоологии. Ваши работы получили широкую известность в нашей стране и за рубежом.

Мы приветствуем Вас как талантливого педагога, вырастившего боль-

шой коллектив исследователей, вооружившего их глубокими знаниями и привившего им любовь к науке.

Мы приветствуем Вас как человека всегда простого, чуткого и, самое главное, принципиального к людям. Ваш плодотворный труд является примером беззаветного служения Родине, примером подражания для Ваших многочисленных учеников и последователей.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов на благо нашей Родины.

Зав Отделом зоологии и паразитологии АН БССР
Член-корреспондент АН БССР,
доктор биол. наук, профессор И. Н. Сержанин
Ученый секретарь А. Н. Курсков

Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина Казанский государственный педагогический институт Волжско-Камское отделение ВНИИ животного сырья и пушнины (1965 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Мы, зоологи Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина, Казанского государственного педагогического института и Волжско-Камского отделения ВНИИ животного сырья и пушнины, горячо поздравляем Вас с днем славного юбилея — 50-летия со дня рождения.

Ваш приход в науку и дальнейшая плодотворная деятельность как видного ученого нашей страны и талантливого педагога нам хорошо известны, и мы с большим удовольтворением отмечаем Ваши заслуги перед отечественной наукой и в деле воспитания и подготовки молодых кадров.

Не перечисляя всех многочисленных научных трудов, нам хочется особо отметить Вашу замечательную монографию по летучим мышам СССР, которая по праву является настольной книгой многих зоологов. Заслуженный интерес вызывают и Ваши зоогеографические исследования, содержащие ряд оригинальных выводов и мыслей, которые могут быть дискутабельными, но служат толчком для новых работ в этой области.

С ранних юношеских лет Вы вступили в ряды натуралистов — полевых исследователей, и это направление является неотъемлемой частью Вашей научной деятельности.

Благодаря своему изумительному трудолюбию и энтузиазму Вы собрали уникальную в СССР, богатейшую, подлинно научную оологическую коллекцию.

Ваш юбилей Вы встречаете в полном расцвете творческих сил. Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, неиссякаемой энергии и все новых и новых творческих успехов.

Артемьев, А. Троицкая, И. Григорьев, И. Назарова, Т. Кулаев и ещё 11 фамилий

Львовский государственный университет имени И. Франко (1965 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Сотрудники кафедр зоологии позвоночных и беспозвоночных Львовского ордена Ленина университета имени И. Франко шлют Вам самые наилучшие пожелания по случаю Вашего пятидесятилетия.

Ваши исследования по систематике млекопитающих, ландшафтной зоогеографии и теоретическим вопросам по биологии являются большим вкладом в биологическую науку. Ваши труды — «Определитель млекопитающих СССР», «Летучие мыши», «Зоогеография СССР» послужили для воспитания нескольких поколений зоологов и стали настольной литературой.

Мы, зоологи, высоко ценим Вас не только как выдающегося специалиста, но и как человека прекрасной души, простого, отзывчивого, всегда безотказно готового помочь.

Примите же наши сердечные поздравления по случаю Вашего юбилея и пожелания доброго здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Зоологи кафедр зоологии позвоночных и беспозвоночных животных
Львовского университета
Н. Сребродольская и ещё 11 фамилий

Тамбовский государственный педагогический институт (25 января 1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего пятидесятилетия от всего сердца горячо поздравляем Вас, желаем здоровья и бодрости.

Вся Ваша трудовая жизнь была посвящена биологической науке. Ваши исследования по вопросам систематики, экологии и фаунистики млекопитающих, практическая деятельность по медицинской зоологии являются примером для Ваших учеников и последователей. Ваши работы всегда были тесно связаны с запросами народного хозяйства, решая теоретические и практические вопросы биологии, Вы никогда не забывали о подготовке кадров педагогов — биологов и сотни Ваших учеников воспитывают школьников в духе любви к родной природе и сохранения ее богатств!

Ваши классические исследования по экологии рукокрылых, синантропных грызунов, по зоологической географии вошли в золотой фонд достижений Советской биологической науки!

Желаем Вам неиссякаемой энергии на долгие годы и еще больших успехов в научной, педагогической и общественной деятельности.

Коллектив кафедры зоологии
Тамбовского государственного педагогического института
А. Г. Скопцев, В. Херувимов, А. Будниченко, В. Скопцев, Федотова и ещё 5 фамилий

Тульский государственный педагогический институт имени Л. Н. Толстого (1965 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович!

Коллектив преподавателей и студентов биолого-химического факультета Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого сердечно поздравляет Вас с днем славного пятидесятилетия.

Мы знаем и высоко ценим Ваше преданное и бескорыстное служение делу развития отечественной зоологии, поиску новых путей в науке, успешному воспитанию молодых учёных и народных учителей для школ нашей Родины.

Ваши усилия не проходят даром: год от года увеличивается число Ваших единомышленников и последователей, которые успешно проводят в жизнь научные идеи, высказанные Вами.

От всей души желаем Вам на многие годы доброго здоровья и больших успехов в научных исканиях, в воспитании учёных и учителей-биологов, также преданных своему делу, как их учитель.

Декан факультета, доцент Новиков
Секретарь партбюро, доцент Шурыгина
Зав. кафедрой, доцент Гашкова

Ташкентский змеепитомник (1965 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив Ташкентского змеепитомника Института зоологии и паразитологии АН УзССР сердечно поздравляет Вас в день Вашего пятидесятилетия. Желаем Вам большого счастья и дальнейшего творческого успеха. Зоологи Средней Азии высоко ценят внесенный Вами вклад в изучение этой большой страны. Ваши исследования в районах долин Кошана, Мургаба и Кушки в Туркмении; в окрестностях Ташкента в Узбекистане и в Гиссарской долине Таджикистана дополняют знания о нашем крае. Специалисты-зоологи благодарны Вам за исчерпывающие консультации. Мы ценим Вашу работу по подготовке научных кадров в республике.

Пусть Ваш творческий путь всегда будет светлым и плодотворным.

О. Богданов, Землянов, Салихбаев и ещё 17 фамилий

Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской (1965 г.)

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив естественно-географического факультета Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской поздравляет Вас с днем пятидесятилетия.

За многие годы работы в педагогическом институте Вы снискали глубокое уважение сотрудников и студентов.

В Вашем лице мы приветствуем замечательного педагога и выдающегося ученого. Ваши прекрасные лекции и многочисленные выступления на конференциях и кружках в молодых умах интерес к науке. Вы всегда

окружены пытливой молодежью, которой уделяете много внимания, не считаясь со временем и здоровьем. Как ученый Вы широко известны своими оригинальными взглядами и исследованиями во многих областях науки от проблемы видообразования до практических вопросов борьбы с вредными животными. Ваш плодотворный труд служит примером для Ваших многочисленных учеников и последователей.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов.

О. Сазонова, Р. Шахунянц, И. Любимов, И. Андреев, М. Денисова, Б. Баженов, В. Говорухин, Хорошилов, Беляева, Архипова, Л. Руденская, Навайчик, В. Подаруева, Живухина, Ю. Чернов и ещё 27 фамилий

Арзамасский государственный педагогический институт имени А. П. Гайдара (февраль 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Ректорат, партийная и профсоюзная организации, кафедра зоологии Арзамасского государственного педагогического института имени А. П. Гайдара глубоко признательны Вам за большую работу по повышению квалификации наших преподавателей, привлечению студентов к экспедиционной работе по изучению фауны нашей Родины.

Горячо поздравляем Вас, Александр Петрович, с шестидесятилетием со дня рождения и желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой бодрости, дальнейших успехов в осуществлении творческих замыслов.

Ректор института, доцент Е. Воробьев
Секретарь партбюро, доцент А. Захаркина
Председатель месткома, доцент В. Борисов

ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова горячо поздравляет Вас с 60-летним юбилеем и 40-летием научной, педагогической и общественной деятельности.

Пятнадцатилетним юношей Вы пришли в КЮБЗ, где под руководством П. А. Мантейфеля получили возможность заниматься своим любимым делом — наблюдать животных, изучать их, отгадывать загадки природы. С пор уже сорок пять лет Вы отдаетесь главному делу Вашей жизни. Учеба в Московском пушно-меховом институте, Московском государственном университете — была для Вас следующей ступенью в Храм биологической науки. Уже через три года после окончания университета Вы защитили кандидатскую диссертацию, а еще через шесть лет — докторскую. Вы достойно продолжаете дело Вашего учителя Сергея Ивановича Огнева.

Ваши капитальные труды: «Летучие мыши», «Зоогеография СССР» развивают передовые традиции русской биологической науки, а написанный с Вашим участием «Определитель млекопитающих СССР» выдержал

уже два издания, был положительно встречен териологами многих стран, получил заслуженную высокую оценку в нашей стране и за рубежом. Не только эти фундаментальные книги, но и другие Ваши многочисленные труды являются настольными книгами и руководствами для зоологов и охотоведов нашей страны, которые знают Вас как неутомимого путешественника, страстного исследователя, эрудированного ученого, внимательного учителя, душевного и отзывчивого человека

Большую часть Вашей жизни и научно-педагогической деятельности все достижения, горести и радости разделяет с Вами верная спутница жизни и соратник в науке Валентина Ивановна, которая в эти дни также отмечает свой юбилей. Сегодня вместе с Вами родными, друзьями и коллегами по работе отмечают эти важные даты в Вашей жизни многочисленные ученики, те, которых Вы терпеливо растили в институте, аспирантуре, и те, которым Вы оказали своевременную поддержку на тернистом пути науки, помогли советом и делом.

В этот торжественный день, дорогой Александр Петрович, мы все желаем Вам неиссякаемой энергии, новых интересных путешествий, смелых творческих дерзаний в науке, крепкого здоровья, простого человеческого тепла и счастья.

Колтовский, И. Кирис, И. Корсакова, Мамаев, Хромушина, Никульцева, Г. Кротова, Н. Граков и ещё 83 фамилии

Зоологи Львова (1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Зоологи Львова сердечно поздравляют Вас с днем Вашего славного юбилея, который Вы встречаете как свершениями, так и новыми творческими планами. Ваша многолетняя активная научная деятельность увенчалась не только выходом ряда трудов, которые стали настольными книгами нескольких поколений советских зоологов — таких как монография «Летучие мыши» или непревзойденный «Определитель млекопитающих СССР», но и созданием школы ландшафтной зоогеографии, представители которой, Ваши ученики, работают в настоящее время по всей стране — от Львова на западе, до Хабаровска на востоке. Вы получили широкую известность и как популяризатор зоологических знаний, будучи одним из редакторов многотомной сводки «Жизнь животных».

Свои богатейшие знания и опыт Вы всегда щедро отдавали многочисленным «подкидышам» — ученикам, приобщая их к Большой Науке и увлекая их своей фанатичной преданностью ей. Разработанная Вами методика учета птиц и млекопитающих, опубликованная во вводных разделах «Зоогеографии СССР», постоянно используется всеми теми, кто занимается учётами для зоогеографических целей, а балльная оценка «по Кузякину» стала не просто общепризнанной, но универсальной.

Примите же в день Вашего славного юбилея вместе с нашими искренними поздравлениями пожелания долгих лет жизни, здоровья, новых творческих свершений, осуществления планов и намерений и большого человеческого счастья. *14 фамилий*

Государственный Дарвиновский музей (20 февраля 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Государственный Дарвиновский музей сердечно поздравляет Вас со славным юбилеем шестидесятилетия, желает здоровья и дальнейших творческих успехов.

Музей очень благодарит Вас, как активного члена Ученого Совета и постоянного нашего консультанта. Коллектив музея надеется видеть Вас в числе первых создателей экспозиции в новом здании.

Желаем Вам долгих лет жизни.

В. Игнатьева, Нежина, Якимова, О. Ковалькова, З. Гамаева и ещё 8 фамилий

Институт зоологии АН Туркменской ССР (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив сотрудников ордена Трудового Красного Знамени Института зоологии Академии наук Туркменской ССР сердечно поздравляет Вас в день Вашего славного юбилея — 60-летия со дня рождения и 40-летия научной, педагогической и общественной деятельности.

Начатые Вами еще в студенческие годы научные исследования на территории Туркмении и Узбекистана успешно продолжаются и развиваются Вами и Вашими учениками во всех уголках нашей Родины. Ваши многочисленные научные труды, учебники и учебные пособия являются настольными руководствами зоологов и они высоко оценены советскими и зарубежными специалистами.

Большой вклад внесли Вы в изучение очень интересной в научном и практическом отношении группы млекопитающих — летучих мышей, которые до Ваших исследований оставались наименее изученными в фауне СССР. Являясь признанным авторитетом по рукокрылым, Вы многое сделали для развития научных исследований по этой группе в Советском Союзе.

Большую и плодотворную работу проводите Вы и по подготовке научных кадров и воспитанию молодых специалистов.

Дорогой Александр Петрович, в знаменательный день Вашей жизни туркменские зоологи желают Вам крепкого здоровья, счастья, долгих лет плодотворной жизни, новых творческих успехов на благо нашей советской науки.

По поручению коллектива

Директор Института зоологии АН ТССР
доктор биологических наук О. А. Ташлиев
Секретарь парторганизации В. С. Глебездин
Председатель МК А. Ягдыев
Зав. сектором млекопитающих и пресмыкающихся
доктор биологических наук, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР Н. Нургельдыев

Институт полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР (1975 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович!

Большая группа зоологов и паразитологов института полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР сердечно поздравляет Вас с 60-летием со дня рождения и желает Вам — одному из крупнейших советских зоологов — многих лет жизни и плодотворной научной деятельности.

Ваши разносторонние интересы (клещевой энцефалит, лейшманиоз, летучие мыши, насекомоядные и грызуны, птицы, бабочки, оология, систематика, теория видообразования, биогеография) Ваше искреннее и доброжелательное отношение к коллегам и ученикам, Ваша простота в общении с людьми, Ваша неутомимая энергия и удивляющая всех работоспособность и многое, многое другое завоевали Вам любовь и симпатию всех, кто знает Вас или когда-либо работал с Вами.

Дорогой Александр Петрович!

Оставайтесь таким, каким мы Вас знаем, любим и ценим.

Н. Окулова, Т. Кошкина, Н. Горчакова и ещё 12 фамилий

Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Сердечно поздравляем Вас с 60-летием со дня рождения!

Мы, зоологи Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина знаем Вас как неутомимого исследователя животного мира нашей Родины, автора многих работ по зоологии и зоогеографии, руководителя аспирантов, подготовившего много молодых учёных — кандидатов и докторов биологических наук.

От всей души желаем Вам долгих лет жизни, доброго здоровья, больших творческих успехов в науке, благополучия и счастья!

Сотрудники кафедры:

А. Чарушина, Э. Леви, Королева, Каратаев и ещё 3 фамилии

Институт зоологии и паразитологии АН Литовской ССР, Вильнюс (2 февраля 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

Коллектив Института зоологии и паразитологии АН Литовской ССР сердечно поздравляет Вас со славным юбилеем.

Своей неиссякаемой энергией и большим знанием Вы оказали содействие в формировании научного направления и в подготовке кадров нашего института.

Пусть этот юбилей будет новой ступенью Ваших творческих поисков в области развития прогрессивных научных традиций в зоологической на-

уке, с целью решения задач, поставленных перед наукой, быстрым ростом прогресса в нашей стране.

Директор института П. Заянчкаускас

Кировский сельскохозяйственный институт (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив охотоведческого факультета Кировского сельхозинститута в эти торжественные дни Вашего замечательного юбилея шлет Вам самые сердечные приветствия.

Мы знаем Вас как замечательного зоолога, биогеографа, натуралиста, педагога-наставника.

За 40 лет Вашей неутомимой, подвижнеческой деятельности сделано уже столь много, что сразу нелегко и оценить Ваш вклад в науку. Многочисленные научные труды по самым разнообразным отраслям биологии и географии, редакторская деятельность, наконец, кропотливая работа с учениками всех рангов составляют основной Ваш капитал, венчающий настоящий этап Вашей жизни.

Нам, работникам охотоведческого факультета, доставляет особое удовольствие приветствовать Вас как человека, тесно связанного и с нашей отраслью.

По Вашим учебным руководствам готовятся будущие биологи-охотоведы. Ваш «Определитель млекопитающих СССР» — настольная книга студентов, другие Ваши работы входят составной частью в курсы зоологии позвоночных, биологии и систематики зверей и птиц, экологии и зоогеографии. Охотоведам чрезвычайно импонируют, а порой рождают белую зависть, Ваши неутомимые скитания по самым глухим и труднодоступным уголкам нашей чудесной страны в поисках «алмазов» научных фактов. Только одно перечисление таких мест как Чукотка, Таймыр, Новая Земля, Памир, Тянь-Шань, Кольский полуостров, Сибирь, где Вы проводили исследования, говорит о том, что мы с Вами «одной крови».

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, крепкого здоровья, счастья и успешного выполнения всех уже намеченных и еще ненамеченных планов!

Помните, что на Вятской земле, в главном центре охотоведения — городе Кирове, живут и работают многие Ваши ученики и последователи, которые с большой радостью ждут новых встреч с Вами и Вашими новыми научными трудами.

И. Корсакова, Петской, Тетерин и ещё 16 фамилий

Ленинградский государственный университет (1975 г.)

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Петрович!

В день празднования Вашего юбилея научный коллектив Биолого-почвенного факультета, Биологического и Физиологического институтов Ленинградского университета шлют Вам свои самые теплые и искренние поздравления.

Вряд ли найдется в нашей стране зоолог, который не был бы знаком

с Вашими теоретическими работами в области систематики и экологии, видообразования и филогенеза обширных групп млекопитающих.

Не одно поколение зоологов в познании отечественной фауны опиралось на «Определитель млекопитающих СССР», который в полевых условиях был так же необходим, как ружье, бинокль, фотоаппарат, а в лабораториях — настольной книгой. Всеобщее признание получила Ваша капитальная монография «Летучие мыши», где впервые в полном объеме был представлен видовой состав рукокрылых Советского Союза и точно заложены основы сложных филогенетических взаимоотношений отдельных видов и родов. Эти Ваши идеи получили блестящее подтверждение в более поздних исследованиях систематиков, морфологов, экологов и биоакустиков.

Ваша книга для многих как бы вновь открыла отряд Рукокрылых и пробудила живой интерес к этой замечательной группе крылатых млекопитающих. На ней воспитывалась молодая дружина отечественных хироптерологов, которая, как показало I Всесоюзное совещание, проведенное в Ленинграде (1974 г.) представляет группу высококвалифицированных специалистов, исследующих летучих мышей в различных аспектах.

Именно Вы, Александр Петрович, продолжая начатое дело, познакомили широкий круг натуралистов со всем разнообразием мировой хироптерофауны в VI томе научно-популярного издания «Жизнь животных», которая до этого оставалась неизвестна многим советским читателям.

Много сил отдано Вами благородному труду профессора, заведующего кафедрой, воспитателя студенческой молодежи, организатора научной школы. Большое число Ваших учеников, бывших студентов работают в разных уголках нашей необъятной страны и с благодарностью вспоминают Ваши лекции, интересные зоологические экскурсии, приобретенные навыки в экспедиционных условиях.

Многие ученые под Вашим руководством или при благожелательной поддержке на защитах диссертаций получили путевки в большую науку и на всю жизнь сохранили в душе теплые воспоминания о Вас — требовательном ученом широкой эрудиции и энциклопедических знаний, неутомимом исследователе бескорыстно преданного науке, создателе уникальных коллекций бабочек и млекопитающих и душевном простом человеке, сразу располагающим к себе окружающих.

Хорошо известна и Ваша научно-общественная деятельность как одного из организаторов и активных участников многих всесоюзных и международных териологических совещаний и конференций.

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего 60-летия позвольте пожелать Вам творческих успехов в науке и в педагогической деятельности.

Мы искренне желаем Вам здоровья, сил и бодрости для свершения всех Ваших заветных планов.

С. Лызлова, Соколов, Н. Василевская, Соколова,
Н. Буракова, В. Полевой, С. Верещагин, Константинов
и ещё 21 фамилия

Зоологический институт и музей Болгарской АН, София (12. II. 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

По случаю торжественного чествования Вашего шестидесятилетия прошу принять мои сердечные поздравления. Ваша творческая жизнь видного советского фауниста — зоолога — мамалиолога, отличного педагога и прекрасного человека всегда была и будет примером достойно выполненного долга к советской науке и культуре.

Желаю Вам здоровья, бодрости и новых больших творческих успехов!

Искренне уважающий Вас Ваш коллега

Проф. д-р Георгий Марков

Московский зоологический парк (1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив Московского Ордена Трудового Красного Знамени зоологического парка сердечно и горячо поздравляет Вас с 60-летием и 40-летием плодотворной научной и общественной деятельности.

Мы гордимся тем, что Вы как учёный, педагог и натуралист начали свою деятельность в Кружке юных биологов Московского зоопарка и были одним из первых воспитанников этого замечательного кружка, одного из старейших кружков натуралистов в нашей стране.

Мы глубоко благодарим Вас за консультативную помощь, которую на протяжении многих лет Вы оказываете зоопарку по различным биологическим вопросам.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, дальнейших творческих успехов в Вашей многогранной деятельности, доброго здоровья, благополучия в личной жизни и, конечно, ещё более тесных контактов со столичным зоопарком.

Директор зоопарка И. П. Сосновский
Секретарь парторганизации З. В. Белышева
Председатель МК Н. Г. Ерёмина

Московское общество испытателей природы (1975 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович!

Московское общество испытателей природы приветствует и поздравляет Вас в торжественный день Вашего юбилея!

В течение многих десятилетий коллектив Общества и его Зоологической секции — Ваши коллеги и товарищи по Университету и различным этапам деятельности с интересом следят за Вашими работами.

В наше время когда, несмотря на растущий общий интерес к природе, так редки настоящие полевые зоологи и ботаники, Вы являетесь одним из наиболее глубоких и разносторонних натуралистов, хорошо знакомых с самыми различными группами животных и растений. Работать с Вами в природе, — даже видеть со стороны, как Вы работаете в поле, — подлинное наслаждение для специалиста!

Ваш путь в науку был долгим и трудным. Вы работали в различных

областях зоологии, с различными группами животных. Многие из Ваших работ, например книга о летучих мышах, защищенная в качестве докторской диссертации, известны каждому грамотному зоологу. Вы интересовались вопросами систематики, фаунистики, зоогеографии и эволюции, и в каждой из этих отраслей нашей науки стремились к оригинальным обобщениям. Именно сочетание великолепного знания природы и вечно беспокойной, ищущей мысли и делали такими интерсными и живыми Ваши доклады и статьи.

Мы очень рады, что весь Ваш творческий путь был тесно связан с обществом и его Зоологической секцией. Мы никогда не забудем Вашей бескорыстной деятельности на благо Московского общества испытателей природы — тех двенадцати лет, когда Вы были секретарем Зоологической секции МОИП.

Дорогой Александр Петрович! Мы рады, что Вы встречаете эту торжественную дату в расцвете творческих сил. От всей души желаем Вам здоровья, сил энергии и непреходящей радости творчества!

С интересом ждем Ваших новых сообщений, статей и книг.

Вице-президент МОИП академик В. В. Меннер
Ученый секретарь Н. С. Дороватовский
Зав. отделом биологии К. М. Эфрон

Кафедра зоологии позвоночных Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

В день Вашего юбилея коллектив кафедры зоологии позвоночных Московского университета приветствует Вас как большого энтузиаста нашей науки, неутомимого искателя новых проблем и путей. Все мы знаем и ценим Вас как человека искренних и больших порывов, выдающейся энергии и исключительного трудолюбия. Ваша первая крупная монография «Летучие мыши» опубликованная ровно 25 лет тому назад стала большим событием не только отечественной, но и зарубежной науки. Собранные в ней материалы и сформулированные идеи не только не утратили своего значения в наши дни, но и наоборот год от года получают все новое потверждение и развитие в работах наших молодых коллег. По вашим определителям многие годы учились и учатся поколения студентов-зоологов нашей страны.

Приветствуя Вас в день Вашего юбилея мы желаем Вам еще многих и многих лет плодотворного труда на благо науки, желаем чтобы многие годы еще кипела Ваша неукротимая энергия, не иссякали творческие беспокойство и острота мысли.

К. Панютин, Дзержинский, А. Солдатова, Ильин,
Н. Башенина, Н. Хмелева, Н. Карташев, В. Лобачов
и ещё 31 фамилия

Кафедра биогеографии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1975 г.)

Дорогой глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив кафедры Биогеографии Московского университета горячо поздравляет Вас с 60-летием и 40-летием научной, педагогической и общественной деятельности.

Сфера Ваших научных интересов так обширна и многогранна, что перечисление всего, сделанного Вами, заняло бы много страниц. С одинаковым успехом Вас можно назвать выдающимся териологом, орнитологом, лепидоптерологом — ошибки не будет, всюду Вы достигли крупных успехов, всюду проложили новые тропы, по которым идут Вам во след ученики разных поколений. Но нам особенно дорого, что во всех своих исследованиях Вы прежде всего остаетесь зоогеографом. И имено как зоогеографа широкого профиля, использующего для своих построений разнообразные модельные группы животных, мы и приветствуем Вас в первую очередь.

Для нас всегда были примерами Ваша страстность и бескомпромиссность в науке, счастливо сочетающиеся с вечно юношеским, истенно кюбзовским задором и необычайной скрупулезностью сборов и обработки научного материала. Эти свойства помогают Вам с неослабевающей энергией прокладывать все новые и новые полевые маршруты на обширных пространствах Советского Союза. Трудно назвать какой-либо уголок нашей Родины, где бы Вы ни побывали, откуда бы Вы ни привезли с искусством собранные коллекции, на которых воспитывались многие сотни студентов. Тщательности Ваших сборов могут позавидовать лучшие зоологические коллекции мира. Искусству коллекционера в самом лучшем смысле этого слова мы всегда учились у Вас. И в коллекции нашей кафедры, лежащей в основе учебного процесса, также очень весом Ваш вклад.

Лекции, читаемые Вами на нашей кафедре, вносят неоценимую лепту в воспитание молодых специалистов-зоогеографов. Хочется надеяться, что студенты еще многих выпусков нашей кафедры будут иметь возможность слушать Вас и учиться у Вас разбираться в сложнейших вопросах зоогеографии и систематики.

Дорогой Александр Петрович, мы от всей души желаем Вам отличного здоровья и дальнейших успехов, новых далеких экспедиций, находок и открытий!

Ваши друзья, ученики и последователи.

Н. Тупикова, Данилевский, Егорова, Мирутенко, Ник. Дроздов, Мяло, Клоков и ещё 26 фамилий

Зоологический музей Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Многие годы нас, сотрудников Зоологического музея, связывает с Вами тесная дружба. Эта дружба родилась не случайно — нас роднит общее призвание, общие интересы, общий склад характера. Ведь Вы тоже, несмотря на большие заслуги в самых различных областях зоологической

науки, в душе прежде всего коллекционер, собиратель, систематик. Неудивительно поэтому, что почти во всех отделах нашего музея можно найти коллекционные материалы, на этикетках которых поставлена такая знакомая нам подпись «сборщик А. Кузякин». Эта подпись — один из краеугольных камней того памятника, который уже заложен Вашими трудами по зоогеографии, систематике и экологии. Мы высоко ценим эти труды, но особенно близка нам Ваша страсть коллекционера, Ваше постоянное стремление найти что-то новое, чего никто еще не видел.

Никогда, однако, совместная работа не перерастает в дружескую привязанность, если она не сопровождается глубокой личной симпатией. И сегодня мы хотели бы сказать Вам, что мы любим Вас не только как ученого; и даже не только как коллекционера, а прежде всего как обаятельного человека, всегда живого, всегда готового откликнуться на любую интересную мысль, всегда отзывчивого и юношески непосредственного.

Дорогой Александр Петрович в день Вашего юбилея мы все поздравляем Вас и от чистого сердца желаем Вам здоровья, радости и успехов в любимом деле!

С. Туров, В. Флинт, Кудряшова, Куликова и ещё 18 фамилий

Новозыбковский государственный педагогический институт (19. II. 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Ректорат, биологический факультет и кафедра зоологии Новозыбковского государственного педагогического института сердечно поздравляют Вас с 60-летием со дня рождения и 40-летием научной и общественной деятельности! Мы высоко ценим Ваш вклад в развитие териологии и зоогеографии, в дело подготовки научно-педагогических кадров для пединститутов страны.

Желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов в научной и педагогической деятельности.

Проректор института по научной работе
Е. П. Гарбузова

Отдел зоологии и паразитологии АН Белорусской ССР (1975 г.)

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив сотрудников Отдела зоологии и паразитологии Академии наук Белорусской ССР сердечно поздравляют Вас в день Вашего шестидесятилетия.

В день Вашего славного юбилея мы приветствуем Вас как крупного талантливого ученого, внесшего вклад в развитие зоологии и географии. Ваши работы получили широкую известность и признание в нашей стране и за рубежом.

Мы приветствуем Вас как высококвалифицированного и талантливого педагога, вырастившего большой коллектив исследователей, воору-

жившего их глубокими знаниями и привившего им любовь к науке.

Мы приветствуем Вас как человека всегда простого, чуткого и принципиального к людям. Ваш плодотворный труд является примером подражания для Ваших многочисленных учеников и последователей, работающих во всех союзных республиках нашей страны, в том числе и в Белоруссии.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов на благо нашей Родины!

Заведующий Отделом зоологии и паразитологии АН БССР Л. М. Сущеня, чл. -корр. АН БССР
Секретарь парторганизации И. Т. Арзамасов, докт. биол. наук
Председатель Месткома Т. М. Шевцова, канд. биол. наук
Ученый секретарь Отдела А. Н. Курсков, канд. биол. наук

Южно-Сахалинский государственный педагогический институт (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Ректорат, партийное бюро и местный комитет Южно-Сахалинского государственного педагогического института от имени всего коллектива преподавателей, сотрудников и студентов сердечно поздравляют Вас с юбилеем — 60-летием со дня рождения и выражают Вам искреннюю благодарность за Ваш плодотворный труд ученого, большую педагогическую и общественную деятельность по подготовке кадров для школ и ВУЗов страны.

Ваши многочисленные работы по зоологии и ландшафтной зоогеографии стали настольными книгами для многих ученых нашей страны и за рубежом. Особенно замечательно, что Вы, Александр Петрович, что свою научную работу совмещаете с большой педагогической деятельностью и с подготовкой научно-педагогических кадров для всех ВУЗов страны. В настоящее время в нашей необъятной стране трудно найти место, где бы ни работали Ваши, Александр Петрович, бывшие студенты и аспиранты.

Коллектив преподавателей, сотрудников и студентов ЮСГПИ желают Вам, дорогой Александр Петрович, крепкого здоровья, семейного счастья и дальнейших творческих успехов в Вашей научно-педагогической и общественной деятельности.

Ректор института, кандидат исторических наук Н. И. Колесников
Секретарь партийного бюро, кандидат педагогических наук Г. А. Коротнатов
Председатель местного комитета, кандидат философских наук В. В. Ромадин

Среднеазиатский НИПЧИ (1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Специалисты Среднеазиатского научно-исследовательского противочумного института сердечно поздравляют Вас с 60-летием со дня рождения! Мы знаем Вас как одного из выдающихся зоологов нашей страны, отличающегося широким диапозоном интересов. Ваши многочисленные работы, хорошо известные нам, посвящены самым разным вопросам: от биологии отдельных видов животных до эволюции жизни на Земле. Широкий подход к явлениям природы отличает все Ваши исследования. Какая бы группа животных Вас не интересовала — летучие мыши, птицы, грызуны или другие, Вы всегда доводите работу до теоретических обобщений. Однако не менее характерно для Вас и постоянное стремление к выходу исследований в практику. Ваша многолетная работа в педагогическом институте — бесспорно, наилучшее подтверждение этого. Нам особенно приятно отметить, что на одном из этапов Ваша деятельность была связана с противочумной системой. В это время некоторые из нас имели возможность узнать Вас ближе, как отличного учителя и замечательного товарища, убедиться в Вашей неиссякаемой энергии натуралиста.

В этот знаменательный для Вас день, Александр Петрович, желаем Вам крепкого здоровья, большого человеческого счастья, долгих лет жизни и плодотворной работы на поприще любимой Вами науки, воспитания педагогов и биологов-натуралистов.

А. Бурделов, Бурделова, Мокроусов, Абрамова, Самуров и ещё 52 фамилии

Ужгородский государственный университет (12 февраля 1975 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Зоологи Ужгородского Государственного университета поздравляют Вас со славным юбилеем — 60-летием со дня рождения.

Мы знаем Вас как ученого и педагога, внесшего большой вклад в развитие отечественной зоологии, воспитавшего целую плеяду зоологов и высококвалифицированных педагогов, работающих во всех уголках нашей необъятной Родины. Вашими трудами мы руководствуемся в своей педагогической деятельности и научной работе.

В день Вашего славного юбилея примите наши самые сердечные пожелания крепкого здоровья, дальнейших успехов в плодотворной творческой работе на благо нашей Отчизны, большого семейного счастья и долгих лет жизни.

Зоологи Ужгородского государственного университета

Руководство Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.)

Уважаемый и дорогой Александр Петрович!

Ректорат, партком, профком и профессорско-преподавтельский состав института сердечно поздравляют Вас по случаю Вашего шестидесятилетия!

Более двадцати лет Вы бессменно руководите кафедрой зоологии, читаете курс зоологии, ведете спецпрактикум и другие виды учебной и научной работы. Все эти годы кафедра зоологии под Вашим руководством успешно работает над совершенствованием процесса подготовки учителя советской школы. И трудно найти уголок в нашей стране, где бы ни трудились Ваши воспитанники. Вами подготовлено двадцать кандидатов наук и два доктора, работающих на самых ответственных участках науки и просвещения. Мы знаем Вас как страстного исследователя природы. Благодаря этому Вам удалось собрать редчайшую в мире коллекцию кладок птиц и булавоусых, которые могли бы стать уникальным украшением любого музея. Глубокие знания природы, своего предмета, а также и Ваша неутомимая энергия позволили Вам подготовить и издать 120 научных трудов, среди которых фундаментальные — Монография по зоогеографии СССР, Определитель млекопитающих СССР, учебники и учебные пособия.

Широко известна Ваша общественная работа. Уже в течение многих лет Вы руководите научным студенческим кружком на кафедре. Этот кружок по широте обсуждаемых на его заседаниях вопросов привлекает внимание студентов многих других учебных заведений, а также дипломированных научных и педагогических работников. Вы являетесь членом многих Советов, комиссий и комитетов, бессмено избираетесь в состав Оргкомитета Международных научных конференций по рукокрылым.

Ваша плодотворная работа отмечена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, значком «Отличник народного просвещения», Грамотами Министерства просвещения СССР и других организаций.

Дорогой Александр Петрович! Желаем Вам в день Вашего шестидесятилетия крепкого здоровья, больших успехов в деле воспитания педагогических и научных кадров и большого счастья в личной жизни.

Ректор Н. А. Сераев
Секретарь парткома Г. Л. Луканкин
Председатель профкома Ю. Г. Панкратов

Студенты Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.)

Уважаемый Александр Петрович!

Студенты–зоологи МОПИ им. Н. К. Крупской от всей души Вас с 40-летием Вашей научной деятельности.

За 40 лет Вами проделана большая работа: написаны многочисленные научные труды, организованы многие Всесоюзные и Международные конференции и конгрессы, подготовлены научные кадры нашей страны.

Большое спасибо Вам за знания, которые мы от Вас получили.

Хотим пожелать Вам, Александр Петрович, доброго здоровья и плодотворной научной и педагогической деятельности.

Н. Маракова, Н. Обухова, Д. Бондаренко, О. Барышева, Т. Чистоа, А. Поликарпов и ещё 24 фамилии

Кафедра зоологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Кафедра зоологии Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской сердечно поздравляет Вас со знаменательным юбилеем — шестидесятилетием со дня рождения.

Вот уже сорок лет Вы с неослабеваемым энтузиазмом занимаетесь изучением фауны нашей страны. Вами собраны уникальные коллекции мелких млекопитающих, гнёзд и кладок птиц и булавоусых. Тушки мелких млекопитающих Вашего изготовления хранятся в качестве эталонных во всех крупнейших музеях мира.

На основе изучения животных, практически важных в промысле, профилактической медицине и сельском хозяйстве Вами сформулирована идея обобщения этих материалов на географическом фоне. В этом направлении ведут научные исследования сотрудники кафедры зоологии, руководимые Вами аспиранты и многие студенты факультета.

За двадцать с лишним лет работы в институте Вы на высоком научном и педагогическом уровне читаете лекционный зоологии позвоночных, проводите спецкурсы и спецпрактикумы. Для проведения этой работы Вы неоднократно выезжали во многие другие институты нашей страны, обеспечивая высококвалифицированную помощь коллегам-зоологам.

Дорогой Александр Петрович! От всей души желаем Вам крепкого здоровья, больших успехов в научной и педагогической работ и в личной жизни!

М. Денисова, В. Титова, В. Подаруева, А. Давыдова
и ещё 2 фамилии

Кафедра методики биологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (20. II. 1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего замечательного юбилея — 60-летия со дня рождения и 40-летия научной деятельности примите от коллектива кафедры методики биологии самые тёплые, сердечные поздравления и пожелания. Мы рады выразить Вам, крупному учёному и прекрасному человеку, наше большое уважение и признательность.

Наш коллектив высоко ценит Вашу многогранную научную, педагогическую и обширную общественную деятельность. Много сил, таланта и вдохновения Вы отдаёте обучению и воспитанию студентов и аспирантов. Рядом с Вами и в разных уголках Советского Союза трудятся Ваши последователи и ученики.

Ваш ум, эрудиция и большое обаяние снискали глубокое уважение у многих из нас.

Желаем дорогому юбиляру здоровья, бодрости и молодого задора, большой творческой деятельности и счастья в личной жизни.

Г. Малахова, В. Луканкина, Воскресенская, Шубкина
и ещё 2 фамилии

Кафедра общей физической географии и геологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.)

Дорогой и многоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив кафедры Общей физической географии и геологии поздравляет Вас замечательным юбилеем — 60-летием со дня рождения и 40-летием научной, педагогической и общественной деятельности.

Вы выдающийся учёный-зоолог, зоогеограф и географ. Страстный любитель природы, Вы много энергии отдаёте полевым исследованиям. Ваш девиз: «Географ рождается в поле!» Ваши маршруты проходили через Кавказ и Чукотку, Курилы и Среднюю Азию, Таймыр и Китай и многие, многие другие страны.

Дорогой Александр Петрович! Ваши труды по природному районированию, зоогеографии, известные всем географам нашей страны, созданы на основе Ваших полевых исследований.

Вы много внимания уделяете начинающим научным работникам — географам и биологам. Под Вашим руководством многие студенты готовят доклады и блестяще выступают на научных конференциях и симпозиумах. Вы много сил отдаёте подготовке учителей, составлению учебных программ, учебных планов и учебных пособий.

Дорогой Александр Петрович, желаем Вам долгих лет жизни, доброго здоровья и больших творческих успехов.

П. Хорошилов, Н. Матвеев, Прохорова, Мороховская, Ю. Баранчиков, Б. Баженов и ещё 4 фамилии

Кафедра экономической географии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1975 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Преподаватели и сотрудники кафедры экономической географии Московского Областного Педагогического института им. Н. К. Крупской сердечно поздравляют Вас с шестидесятилетием со дня рождения и 40-летием научно-педагогической деятельности.

Мы знаем Вас, как крупного учёного зоолога и зоогеографа, отдающего науке все свои творческие силы и энергию.

Ваш научный авторитет огромен.

Ваши научные труды, книги и учебные пособия широко известны не только в нашей стране, но и в ряде стран мира.

Мы знаем Вас, как прекрасного педагога-энтузиаста.

Вы обладаете редким даром воспитывать у студентов влюбленность в свою науку, причем эта влюбленность в зоологию у Ваших учеников еще более укрепляется с годами.

Мы знаем Вас, как прекрасного человека, товарища, общение с Вами всегда приносит чувство радости и духовного обогащения.

В день Вашего славного юбилея мы желаем Вам крепкого здоровья,

бодрости, дальнейшего расцвета Вашего творческого таланта и большого личного счастья.

С. Н. Рязанцев, М. П. Победина, В. А. Назарочкина
и ещё 7 фамилий

Владимирский педагогический институт (февраль 1985 г.)

Зоологи Владимирского педагогического института сердечно приветствуют доктора биологических наук, профессора Александра Петровича Кузякина по случаю 70-летия со дня рождения и 50 лет его научной и педагогической деятельности.

Все мы хорошо знаем о крупном вкладе, внесённом Александром Петровичем в развитие зоологии, о его большом участии в создании научной сводки по млекопитающим СССР.

Желаем Александру Петровичу доброго здоровья; убеждены, что им сказано не последнее слово в науке и педагогическом труде.

Зоологи ВГПИ

Проф. И. Измайлов
Доцент Э. Шашков
Доцент В. Михлин
Доцент С. Новикова

Всесоюзное териологическое общество АН СССР (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Всесоюзное териологическое общество АН СССР в связи с Вашим 70-летием и 50-летием научной деятельности шлёт Вам сердечные поздравления и от души приветствует Вас — видного советского ученого-зоолога, члена Центрального совета и бессменного председателя Комиссии по рукокрылым нашего Общества.

Всем териологам нашей страны известна Ваша многогранная научная и педагогическая деятельность, хорошо знакомы Ваши труды, по которым обучались и продолжают учиться многие поколения зоологов. В своей практической работе биологи разных специальностей используют созданные Вами определители млекопитающих, а Ваша монография «Летучие мыши» вошла в золотой фонд териологической литературы. Вы никогда не уклонялись от постановки острых дискуссионных вопросов в науке, принципиально отстаивали свою точку зрения, чем заслужили искреннее уважение специалистов.

Неизменная доброжелательность, терпение в сочетании с высокой требовательностью и принципиальностью, глубоким знанием многих разделов современной зоологии создали Вам заслуженную славу одного из авторитетных и любимых учителей. Вы — педагог, имеющий несколько поколений учеников по всей стране, благодарных Вам за помощь и научное руководство.

Оценивая Вашу многогранную научную и организаторскую деятель-

ность II съезд териологов СССР избрал Вас Почетным членом Всесоюзного териологического общества АН СССР.

От имени советских териологов искренне желаем Вам, дорогой Александр Петрович, долгих лет жизни, бодрости, здоровья, счастья и плодотворной работы.

Президент Всесоюзного териогического общества
Академии наук СССР, академик В. Е. Соколов

Главное управление карантинных инфекций Министерства здравоохранения СССР (20. II. 1985 г.)

В феврале 1985 г. исполнилось 70 лет профессору, доктору биологических наук Александру Петровичу Кузякину. Его имя широко известно в нашей стране и за рубежом. Вклад в науку Александра Петровича многогранен. Его исследования по рукокрылым, определители млекопитающих СССР стали настольными книгами для медицинских зоологов, работающих с природноочаговыми инфекциями.

Его исследования по серой крысе, выполненные на Московской противочумной станции Минздрава СССР дали оригинальный вклад в науку и практику. Лекции в ЦОЛИУВ имели прикладное значение в подготовке медицинских кадров и памятны своим содержанием.

Александр Петрович обладает незаурядным даром исследователя-педагога, имеет многочисленную плеяду учеников, он талантливый лектор и одаренный организатор. К нему постоянно идут за советом, консультациями. Вокруг него формируется одаренная молодежь, как и подобает профессору, прошедшему школу КЮБЗа.

Надеемся, что свой научный и педагогический потенциал Александр Петрович Кузякин и в дальнейшем будет со свойственной ему щедростью делить с молодежью, приумножая свой вклад в науку и педагогику. Пожелаем ему на этом поприще надежного здоровья и дальнейших успехов.

Начальник управления В. П. Сергиев

Дагестанский сельскохозяйственный институт, Махачкала (1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Ректорат, партком и другие общественные организации, профессорско-преподавательский состав Дагестанского ордена Дружбы Народов сельскохозяйственного института горячо и сердечно поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения и 50-летием научной и педагогической деятельности.

Весь Ваш большой жизненный опыт и многогранные знания отданы обучению, воспитанию и подготовке специалистов для народного хозяйства страны.

Ваши ученики, где бы они ни трудились, достойно продолжат Ваши идеи.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, Дагестанского долголетия, бодрости духа, неиссякаемой энергии, новых творческих успехов.

Ректор института, профессор М. М. Джамбулатов
Секретарь парткома С. Г. Абдулкадыров
Председатель профкома М. М. Меджидова

Государственный Дарвиновский музей, Москва (1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Коллектив сотрудников Государственного ордена «Знак Почёта» Дарвиновского музея сердечно поздравляет Вас с 70 летием со дня рождения и 50 летием научной и педагогической деятельности. Мы глубоко благодарны за Ваше постоянное внимание к музею и систематическую помощь ему. Коллекции Ваших сборов являются одним из ценных вкладов для расширения научных фондов музея. Мы желаем Вам многие годы продолжать научную и педагогическую работу, передавать свой богатый опыт и знания молодым специалистам, а также сохранить надолго активную деятельность.

В. Игнатьева, К. А. Воронкова, Нежина, В. Орешникова, Соснина, Тюкова и ещё 7 фамилий

Биологический институт СО АН СССР, Новосибирск (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив зоологов Биологического института Сибирского отделения Академии Наук СССР приносит Вам — крупному ученому, мудрому педагогу и хорошему человеку — самые теплые, искренние и дружеские поздравления в связи с ярким юбилеем — 70-летием со дня рождения и 50-летием научной общественно-педагогической деятельности. На Вашем примере многие поколения юных биологов и студентов получили дар подвижнеческой любви, наблюдательности живой природы. Мы всегда помним о периоде совместной работы, серьезном вкладе, внесенном Вами в дело профилактики туляремии, защите урожая областей Западной Сибири. Желаем Вам здоровья, успехов, долгих лет радостного общения природой. Сердечный привет семье.

С. Фолитарек, А. Максимов, Евсиков, Михантьев, Шибанов, Дорофеев, Абанкян, Шведов, Ю. Равкин, Л. Вартапетов, Николаев, Николаева, Юдин, Собаневский, Терновский

Институт зоологии АН Азербайджанский ССР, Баку (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего славного юбилея — 70-летия со дня рождения и 50-летия научной и педагогической деятельности горячо поздравляем Вас от имени азербайджанских териологов.

Мы высоко ценим Ваш вклад в развитие отечественной зоологии. Ваша монография «Летучие мыши» была большим событием в териологической литературе, до сих пор она уникальна и широко используется

зоологами, как в Союзе, так и за рубежом. Определители млекопитающих СССР, «Жизнь животных», в составлении которых Вы участвовали, Ваши научные труды и учебники являются источниками знаний для многих поколений биологов.

Ваша многолетняя педагогическая деятельность способствовала подготовке многочисленных педагогических кадров. Ваши ученики плодотворно работают во многих республиках и областях Советского Союза.

Возглавляя Комиссию по рукокрылым Всесоюзного териологического общества АН СССР, Вы постоянно координируете исследования по этим животным в пределах нашей страны. Благодаря Вам и вашим заботам, за последние десятилетия значительно возрос уровень изученности этой важной группы млекопитающих.

Разрешите в этот знаменательный день ещё раз поздравить Вас, пожелать доброго здоровья, долгих лет жизни, больших творческих успехов на благо отечественной науки.

Директор Института зоологии,
академик АН Азерб. ССР М. А. Мусаев
Зав. лабораторией териологии,
председатель Азербайджанского отделения ВТО
Х. М. Алекперов
Ст. научный сотрудник лаборатории
териологии, к. б. н. И. К. Рахматулина

Институт зоологии АН Белорусской ССР, Минск (2 февраля 1985 г.)

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Петрович!

Зоологи Академии наук Белорусской ССР сердечно поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения и 50-летием научной, педагогической и общественной деятельности.

В день Вашего юбилея мы приветствуем Вас как выдающегося ученого, внесшего большой вклад в развитие зоологии и зоогеографии. Ваши работы получили широкую известность и признание в нашей стране и за рубежом.

Мы приветствуем Вас как талантливого педагога, вырастившего большой коллектив исследователей, вооружившего их глубокими знаниями и привившего им любовь к науке, любовь к рукокрылым.

Мы гордимся тем, что один из Ваших учеников, продолжает Ваше дело — изучение летучих мышей, и на территории Белоруссии.

Мы приветствуем Вас как человека всегда чуткого, отзывчевого и, самое главное, принципиального к людям. Ваш плодотворный труд является примером беззаветного служения Родине, примером подражания для Ваших многочисленных учеников и последователей, на всей огромной территории нашей страны.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов на благо нашей Родины!

Директор Института зоологии АН БССР
член-корреспондент АН СССР
академик АН БССР Л. М. Сущеня
Ученый секретарь института
кандидат биологических наук А. Н. Курсков

Институт полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Зоологи и паразитологи Института полимиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР сердечно поздравляют Вас с днем Вашего семидесятилетия и выражают Вам глубокую признательность как замечательному представителю отечественной науки.

Вся Ваша сознательная жизнь посвящена науке. Вы отдаете ей все свои силы и творческую энергию вот уже почти 55 лет. Вами пройден большой жизненный путь — от препаратора таксидермической мастерской Московского зоопарка до доктора биологических наук, профессора, всемирно известного ученого.

Широки и многогранны Ваши научные интересы. Являясь ведущим специалистом по рукокрылым, Вы с увлечением занимаетесь решением ряда проблем по систематике и экологии насекомоядных и грызунов. Вами внесен ценный вклад с теорию вида и видообразования, а также в практическую зоологию (вопросы дератизации, эпидемиология лейшманиоза). Вам посчастливилось быть в числе пионеров, положивших начало изучению эпизоотологических процессов в природных очагах опаснейшей для человека инфекции — клещевого энцефалита. В результате настойчивого и упорного труда Вами проведены в жизнь очень важные научные разделы биогеографии. Методика абсолютного учета птиц и терминология количественных характеристик животных, разработанные и внедренные Вами в практику, безоговорочно взяты на вооружение орнитологами всей страны.

Одновременно с огромной научной деятельностью Вы ведете большую педагогическую работу, около 30 лет руководя кафедрой зоологии Московского педагогического института имени Н. К. Крупской. Вполне заслуженно у всех зоологов слово «МОПИ» всегда ассоциируется с Вашим именем. За эти годы Вами подготовлены многие сотни высоко квалифицированных учителей и не один десяток аспирантов, которым Вы щедро передавали свои научные знания и накопленный опыт. Для них Вами составлен уже дважды увидевший свет «Определитель млекопитающих СССР».

Ваши многосторонняя научная деятельность, неиссякаемая энергия и глубокие знания снискали Вам заслуженный авторитет и уважение среди коллег-ученых, Ваших учеников и друзей. Однако, несмотря на мировую известность, Вы всегда остаетесь простым и отзывчивым человеком,

а к начинающим ученым постоянно проявляете подлинную человеческую чуткость, внимание и заботу.

В день Вашего семидесятилетия желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья и больших творческих успехов.

Повалишин, Окулова и ещё 8 фамилий

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик (1985 г.)

Дорогой, глубокоуважаемый Александр Петрович!

В день Вашего 70-летия «южная популяция» териологов, образованная по «принципу основателя» Вашим учеником, от всей души, слагаемой из различных генотипов единого научного «генофонда» желает счастья, радости научных успехов и самое главное — здоровья, кавказского долголетия. Убеждены, это долголетие принесет еще немало научных открытий и образования новых популяций териологов передового «комплексного» толка в изучении проблемы вида.

В этот знаменательный день мы заявляем, что всегда останемся почитателями Вашего таланта и приложим все усилия, чтобы не уронить чести териологов КБАССР, одним из родителей которых являетесь Вы. Мы приложим все усилия в деле изучения териологии, чтобы Ваше имя произносилось с гордостью всеми териологами не только нашей «южной совокупности особей», но и всех остальных. С благодарностью говорим — Ваши идеи всегда находятся в поле нашей деятельности.

Многочисленные ученики подтверждают Ваши заслуги в деле развития териологической науки и подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров страны. Желаем, чтобы каждый из них образовал свою специфическую школу териологов на местах.

Счастья, радости, творческих успехов и низкий поклон от почитателей Вашего таланта.

Териологи Кабардино-Балкарского ордена «Дружбы Народов» государственного университета

Калужский государственный педагогический институт им. К. Э. Циолковского (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив биолого-химического факультета КГПИ им. К. Э. Циолковского искренне поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения.

Широко известен Ваш многолетний труд по подготовке специалистов народного образования. Мы знаем Вас как крупного учёного-териолога, страстного исследователя и путешественника. Ваши книги помогают тысячам студентов стать настоящими учителями. Мы помним цикл Ваших лекций на нашем факультете, глубоко ценим Ваши знания и в памяти у каждого из нас осталась радость общения с Вами, Ваши доброжелательность и обояние. Многие гордятся правом называть себя Ваши учениками.

Поздравляя Вас с юбилейной датой, мы желаем Вам, глубокоуважаемый Александр Петрович, долгих лет жизни, творческих успехов, здоровья, счастья.

Декан факультета
Секретарь партбюро
Председатель профбюро

Карпатский государственный заповедник (1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Сотрудники Карпатского заповедника шлют Вам в день юбилея самые искренние поздравления и пожелания дальнейших успехов в развитии отечественной зоологии и биогеографии, в подготовке новых педагогических и научных кадров.

Долгих Вам лет плодотворной деятельности, бодрости, здоровья!

Луговой и ещё 11 фамилий

Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (14. 02. 1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Зоологи Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина сердечно поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности.

Ваша увлеченность изучением животных всегда служила и служит для нас образцом в науке. Ваш оптимизм и бодрость вдохновляют нас в педагогической работе и научных изысканиях.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, плодотворной научной и педагогической работы, всяческих успехов в Вашей многогранной общественной деятельности.

Желаем Вам большого личного счастья и благополучия.

Ваши ученики и коллеги:

А. Н. Чарушина, С. В. Ельшин, Н. М. Алалыкина,
В. А. Копысов, Э. К. Леви, Э. Л. Кононова

Курганский государственный педагогический институт (1985 г.)

Уважаемый Александр Петрович!

Коллектив преподавателей, ректорат, партийная, профсоюзная и комсомольская организации Курганского педагогического института горячо и сердечно поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения и 50-летием научно-педагогической и общественной деятельности.

Вы вложили много сил и энергии в дело подготовки и воспитания высококвалифицированных специалистов народного образования, в том числе и нашего института.

Мы искренне благодарны Вам за Ваш труд.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, долгих лет жизни, отличного здоровья, творческих успехов в науке и подготовке специалистов высшей квалификации до 100-летнего юбилея!

Ректор института,
доктор педагогических наук А. Д. Сазонов
Секретарь парткома В. П. Чистяков
Председатель профкома Э. А. Шалагина
Секретарь комитета ВЛКСМ С. Б. Морозова

Ленинабадский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова (1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Зоологи Ленинабадского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института имени С. М. Кирова горячо и сердечно поздравляют Вас видного советского ученого-зоолога в день Вашего славного юбилея, 70-летия со дня рождения.

Мы хорошо знаем Вас как одного из основоположников териологии в СССР, разработавшего многие теоретические и практические вопросы в области изучения позвоночных животных, автора монографий и работ, ставших «классикой» советской зоологической литературы и настольными книгами каждого зоолога.

Ваша неутомимая исследовательская деятельность, экспедиции в различные районы нашей страны и зарубеж снискали Вам широкую известность и пополнили сокровищницу нашей науки.

Нам особенно приятно отметить, что Вами внесен вклад и в изучение животного мира нашей республики, становление национальных кадров.

Вы, дорогой Александр Петрович, не только крупный ученый, но и заботливый наставник молодежи, давший крылья в науке многочисленным своим ученикам и последователям.

Дорогой Александр Петрович! В светлый день Вашего 70-летия мы от души желаем Вам доброго здоровья, многих лет жизни, счастья и творческого вдохновения на благо развития советской биологической науки.

Коллектив кафедры зоологии ЛГПИ имени С. М. Кирова

Зоологи Северо-Востока, Магадан (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

В день Вашего славного 70-летия зоологи Северо-Востока от всей души желают Вам здоровья, бодрости и творческих успехов. Ваш жизненный путь есть и всегда будет служить образцом беззаветного служения Науке, примером на котором воспитываются молодые поколения исследователей. За полувековой период активной научной деятельности Вы внесли весомый вклад в Отечественную и мировую зоологическую науку. География Ваших экспедиционных маршрутов густой сетью покрывает всю нашу страну и распространяется далеко за её пределы. Не обошли своим вниманием Вы и наш Колымский край. Результаты Ваших непродолжительных, но продуктивных исследований навсегда останутся в истории

изучения этого региона. Ваше благородное дело продолжает многочисленный отряд учёных-зоологов, которых Вы воспитали и приобщили к науке. Вы всегда были не только исследователем, но и добрым наставником молодёжи; оставайтесь таким и впредь!

Ещё раз желаем Вам доброго здоровья, творческих успехов, счастья.

Ваши магаданские ученики и коллеги:
В. Кривошеева, М. Кречмар и ещё 20 фамилий

Кафедра методики преподавания биологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив кафедры методики преподавания биологии горячо и сердечно поздравляет Вас с Вашим славным юбилеем 70-летием со дня рождения и 50-летием Вашей научной и педагогической деятельности.

За период работы в нашем институте Вами опубликовано более 150 научных работ.

Ваши уникальные труды в области различных направлений зоологии хорошо известны в нашей стране и за рубежом. Ваши труды являются ценными научно-методическими пособиями, которые используются в процессе школьных биологических курсов зоологии и биологии учителями разных поколений.

Дорогой Александр Петрович! Ваше участие в подготовке и издании для учителей «Определителя млекопитающих СССР» и многотомника «Жизнь животных» является выдающимся событием в обеспечении советских учителей прекрасной научно-методической литературой, которая и в условиях реформы школы играет и будет играть важную роль в обучении и воспитании учащихся.

В годы Великой Отечественной войны Вы принимали участие в большой и важной работе по ликвидации опасных инфекций на Центральном фронте.

Вся Ваша жизнь отданная науке и педагогической деятельности является ярким примером для студентов творчески работающего УЧЕНОГО-ПЕДАГОГА.

Дорогой Александр Петрович! Мы выражаем Вам свою любовь и уважение, восхищаемся Вашим трудолюбием и увлеченностью служению науке.

Н. Воронцов, В. Луканкина, Л. Шубкина, В. Пасечник,
Л. Баранчикова и ещё 2 фамилии

Кафедра биогеографии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Биогеографы Московского университета сердечно поздравляют Вас с юбилеем!

Мы давно знаем Вас как интересного лектора, многие годы читавшего студентам кафедры биогеографии прекрасные лекции. Живо и горячо

проходило обсуждение Ваших докладов, прочитанных для сотрудников и студентов. Большую пользу студентам принесло знакомство с коллекциями насекомоядных, грызунов, рукокрылых, бабочек, собранными Вами во время многочисленных поездок по нашей стране и другим странам.

Мы искренне уважаем Вас за Вашу преданность нашей родной науке, Вашу огромную любовь к делу, трудолюбие и увлеченность. И мы рады пожелать Вам еще долгих лет жизни, здоровья, бодрости, крепости духа на радость зоогеографии и зоогеографам!

Н. Осадчая, Н. Дроздов, Е. Мяло и ещё 15 фамилий

Кафедра зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Кафедра зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных Московского университета искренне и горячо поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения и 50-летием научной деятельности.

Выпускник кафедры, в стенах Московского университета Вы работали над одной из лучших и талантливых книг «Летучие мыши», оставшейся не превзойденной как в нашей стране, так и за рубежом. В стенах Московского университета были начаты Вами многолетние исследования по млекопитающим нашей страны и полезащитному лесоразведению, которым Вы отдали многие годы своей жизни. В стенах Московского университета, работая рядом с выдающимися териологами нашей страны С. И. Огневым, Н. А. Бобринским, Вы разрабатывали новые принципы отечественной зоогеографии и систематики. Изданный с Н. А. Бобринским и Б. А. Кузнецовым «Определитель млекопитающих СССР» и в наши дни продолжает оставаться настольной книгой зоологов. Разработав для этого издания новые принципы «точечных ареалов», Вы стали одним из основоположников зоологических кадастровых карт, в наши дни приобретающих важнейшее значение для инвентаризации, учета и контроля за состоянием природных популяций животных.

Приветствуя и поздравляя Вас в день Вашего славного юбилея, Ваши соратники, друзья и ученики желают Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, многих и многих лет жизни. Пусть, как и в молодые годы, будет надежен и крепок тот дух неиссякаемой энергии, который так отличает Вашу творчески напряженную и страстную жизнь!

В. Соколов, В. Лобачёв, И. Шилов, Л. Скурат, Авилова, В. Груздев и ещё 12 фамилий

Центральная контрольно-исследовательская лаборатория Дезстанции ГУЗМ (1985 г.)

Дорогой Александр Петрович!

Коллектив Центральной контрольно-исследовательской лаборатории Дезинфекционной станции Главного управления здравоохранения Мос-

горисполкома сердечно поздравляет Вас, известного советского ученого, с 70-летием со дня рождения и 50-летием научной деятельности. Среди многих ее сторон значительное место занимает период работы в области медицинской зоологии. Этому важному разделу народного здравоохранения Вы отдали 17 лет своего активного труда.

Первоначально Ваше внимание было направлено на всестороннее изучение роли млекопитающих в различных природных зоонозах и прежде всего сезонного лейшманиоза. Одним из итогов этой работы стала Ваша диссертация «Сезонная пендинка, факторы ее очаговости и меры массовой профилактики». Значение ее не исчерпано и по сей день.

В годы Великой Отечественной войны Вы были направлены на Калининский и Сталинградский фронты для организации защиты бойцов Красной Армии от заболевания туляремией. Это задание Вами было успешно выполнено. Наградой за этот труд стало вручение Вам медалей «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

В послевоенный период Вы большое внимание уделили вопросам дератизации и прежде всего всестороннему изучению пасюков. Материал для этого черпался в объектах Московской городской дезинфекционной станции и наблюдательной противочумной станции, где Вы трудились. В результате из-под Вашего пера вышла целая серия статей о биологии серых крыс и разработана методика дератизации. Общим итогом Ваших исследований по серой крысе стала широко известная работа «Биологические основы дератизации».

Свой богатый практический опыт в области медицинской зоологии Вы обобщили в одноименном теоретическом курсе. В течение 15 лет он читался Вами в Центральном ордена Ленина институте усовершенствования врачей. Кроме того, многие годы его слушателями были студенты биологического и географического факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова. В виде спецкурса «Медицинская зоология» преподавалась и преподается студентам биолого-химического и географо-биологического факультетов МОПИ имени Н. К. Крупской. В годы Вашей работы в Китайской Народной Республике лекции этого курса прослушало большое количество аспирантов и усовершенствовавшихся преподавателей зоологии и зоогеографии пединститутов и университетов Китая. Среди большой плеяды Ваших учеников можно выделить и исследователей в области медицинской зоологии. Все названное свидетельствует о Вашем весомом вкладе в дело подготовки специалистов по медицинской зоологии в нашей стране и за рубежом.

Последние годы Вашей деятельности стали периодом новой активности в решении медико-зоологических вопросов. Это подтверждают возобновившиеся контакты с работниками Московской Дезстанции. Примером служит и Ваше выступление на I Всесоюзном совещании «Экология и медицинское значение серой крысы», состоявшееся в 1983 году.

Поздравляя Вас с двумя славными юбилеями, наш коллектив желает Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и выражает твердую уверенность, что Вы и Ваши многочисленные ученики внесут новый вклад в дело развития советской зоологической науки и ее прикладного направления — медицинской зоологии.

От имени коллектива Центральной контрольно-исследовательской лаборатории Дезинфекционной станции ГУЗМ

Заведующий ЦКИЛ доктор медицинских наук,
профессор М. И. Леви
Заведующий зоологическим отделом ЦКИЛ
В. А. Судейкин
Зоолог ЦКИЛ кандидат биологических наук
Л. Н. Мазин

Туркменский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина (1985 г.)

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Ректорат, партийный комитет, профессорско-преподавательский коллектив Туркменского государственного педагогического института им. В. И. Ленина сердечно поздравляют Вас с семидесятилетием со дня рождения и пятидесятилетием научной и педагогической деятельности.

Ваши огромные заслуги в подготовке научных кадров Туркменистана, Ваш личный вклад в науку, а также плодотворная педагогическая деятельность являются образцом служения народу, делу партии.

Ваша многосторонняя и содержательная жизнь служит хорошим примером для подрастающего поколения.

Ваш талант как ученого и исследователя получил заслуженное признание в области зоологии и зоогеографии. Вы известны не только в общесоюзном масштабе, но и за пределами нашей страны.

Вы, как общественный деятель, как человек доброй души, всегда пользуетесь большим авторитетом и уважением.

Желаем Вам, дорогой Александр Петрович, крепкого здоровья, счастья, успехов в научной и общественной деятельности на благо любимой Родины.

Ректор М. Мередов
Секретарь парткома А. Бекиев
Председатель профкома М. П. Шелякова

Материалы газет об Александре Петровиче Кузякине

Путь в большую науку

Р. Ножина

Фото В. Трушникова («Известия»)

Кружок юных биологов зоопарка по праву называют старейшей организацией юных натуралистов Москвы. Среди бывших воспитанников КЮБЗ — 35 докторов наук, 62 кандидата. Имена многих его питомцев широко известны в нашей стране и за рубежом. Но главный итог пятидесятилетней истории этого кружка — сотни людей, страстно и деятельно влюбленных в родную природу, готовых охранять и приумножать ее бесценные богатства.

Удивительно ли, что на полувековой юбилей КЮБЗ пришли люди разных поколений? Школьники и студенты, преподаватели МГУ и сотрудники научно-исследовательских институтов, писатели. Все они прошли когда-то эту школу страстного увлечения наукой о живом, школу, созданную для них выдающимся советским ученым — зоологом Петром Александровичем Мантейфелем.

Глубоко символичным было выступление его сына, ныне профессора, доктора биологических наук, лауреата Государственной премии Бориса

Петровича Мантейфеля. Как бы олицетворяя собой преемственность традиций, он рассказал славную историю кружка, из которого вышли и нынешний директор зоопарка Игорь Петрович Сосновский, и руководитель КЮБЗ Евгений Васильевич Евстафьев, возглавляющий кружок последние пятнадцать лет, и профессор Александр Петрович Кузякин, заведующий кафедрой зоологии Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской, которого вы видите на этом снимке, беседующим с юннатами.

Сейчас в кружке занимаются более пятидесяти школьников, Стать членом его далеко не просто. Кандидат в члены кружка сдает весьма внушительный экзамен, в ходе которого должен показать глубокое знание избранной им области зоологии. Не случайно Б. П. Мантейфель вспомнил об этом экзамене как о самом серьезным в своей жизни.

Кружковцы проводят в зоопарке все свободное от школы время. В летние каникулы они они по заданию зоопарка выезжают в экспедиции, где ведут наблюдения за животными, собирают коллекции, делают зарисовки, фотоснимки. Ребята помогают московским школьникам организовать дни птиц, живые уголки, водят экскурсии по зоопарку.

Газета «Известия» от 19 октября 1974 года

Да здравствует биология!

Клара Хромова

Сегодня в нашей редакционной гостиной — зоолог, биогеолог [4], энтомолог, один из авторов, составителей и редакторов «Жизни животных» (и автор более 150 научных трудов), доктор биологических наук, профессор Александр Петрович Кузякин. Докторскую диссертацию он подготовил в 19 лет! [5]

— Мне было восемь, когда я осиротел; старшая сестра Дуняша взяла меня в свою семью, из деревни — в Тюмень. Там я стал ходить в краеведческий музей, особенно часто в отдел природы. Познакомился со старшим препаратором Кузнецовым, который в молодости был проводником и препаратором в экспедиции самого Альфреда Брема, создателя знаменитой «Жизни животных», сопровождал его по Южной Сибири и Казахстану. Он об очень многом мне рассказывал, учил меня и стал поручать экскурсии школьников по отделу природы.

— Значит, вам с детства повезло на учителя-биолога?

— На учителей. В Тюменском педагогическом техникуме тогда работал Федор Филиппович Ларионов. Я ходил в лес с ним и его студентами, поэтому к 11 годам уже знал латинские названия птиц, различал пернатых по голосам. Через три года профессор Петр Александрович Мантейфель строго «допрашивал» меня о птицах Тюменской области, и я выдержал этот экзамен с честью. Мне было 14 лет, когда я оказался в Москве, сразу пришел в зоопарк. Служители приняли меня за беспризорника, привели

[4] Допущена ошибка: Не **биогеолог**, а **биогеограф**. – *Прим. Л. Н. Мазина.*

[5] Допущена ошибка: В 19 лет А. П. Кузякиным начато написание монографии о летучих мышах, по материалам которой подготовлена докторская диссертация. – *Прим. Л. Н. Мазина.*

к Мантейфелю. Петр Александрович выделил место в своей лаборатории: за фанерной перегородкой поставил кровать. Директор зоопарка Евгений Михайлович Климек, человек культурнейший и добрейший, отдал мне продуктовую карточку своей жены. «Вы-то как будете?» — спросил я. «Ничего, мы дома», — ответил он. Мантейфель стал моим, как и многих других ребят, наставником. Кружковцы из КЮБЗа (кружок юных биологов зоопарка) активно помогали друг другу. Теперь из КЮБЗа отчисляют тех, кто окончил десятый класс. А тогда в кружке занимались и студенты, и рабочие. Были среди нас любители театра, танцоры, певец-тенор, художник-карикатурист. Учились друг у друга. И выходили из кружка специалистами получше, чем из вуза!

— И еще школьником вы ездили в экспедиции?

— От зоопарка я побывал в двух экспедициях в Туркмении. В 15 лет меня одного (!) послали в Ташкент закупать зелень для обезьян. Кроме заготовки корма для обезьян, занимался сбором летучих мышей. Вернувшись в Москву, передал мышей на кафедру зоологии МГУ. Познакомили меня с Николаем Алексеевичем Бобринским, который тоже увлекся летучими мышами. Нам с ними и поручили писать монографию о летучих мышах.

— А как же учеба?

— Поступил в пушной институт — после рабфака[6]. «Переманивали» в МГУ. Я засомневался: «Надо дядю Петю спросить». «Сам взрослый, решай, — сказал «дядя Петя» Мантейфель. — Лично я считаю, что охотовед из тебя получится плохой (убивать не любишь), а зоолог широкого профиля — хороший». И перешел я в МГУ. Учился увлеченно, с первого курса получал повышенную стипендию. На третьем курсе меня избрали действительным членом Московского общества испытателей природы, основанного в 1805 году, и секретарем зоологической секции общества. Стал первым именным стипендиатом. Для бедного студента именная стипендия — 1. 000 рублей — была целым богатством. Однако я не мог даже купить себе костюм: негде было повесить, в комнате общежития жило нас шестеро…

— Более трех десятилетий вы преподавали в МГУ, а это не меньше ста студентов в год. Сколько у вас вообще учеников?

— Не только в МГУ. 12 лет подряд меня приглашали в Центральный институт усовершенствования врачей читать курс лекций по биогеографии и медицинской зоологии. Учеников тысячи. Бывшие мои аспиранты заведуют кафедрами университетов и педагогических институтов по всей стране, а еще 40 китайских аспирантов, которые теперь работают в 29 провинциях Китая. По приглашению коллег читал курс лекций в Саранском университете, в педагогических институтах Кирова, Владимира, Калинина, Красноярска, Абакана, Хабаровска и Улан-Удэ, Тбилиси, Львова, Чарджоу, в Чехословакии, Болгарии, Югославии… Подготовил 35 кандидатов наук. Пятеро из них стали докторами.

— Нынешние студенты учатся по вашим учебникам…

— Более чем в 30 странах, в том числе и в Америке, принят «Опреде-

[6] Допущена ошибка: Рабфак был при институте. – *Прим. Л. Н. Мазина.*

литель млекопитающих СССР». Толстый труд, почти 500 страниц, выдержал два издания. У него три автора: Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов и я. Определитель необходим биологу, как ружье охотнику или фотоаппарат фотокору. В мировой систематике наша страна представлена на должной высоте. Труд «Летучие мыши» я начал писать в 19 лет. За него получил докторскую степень. Отдельной книгой вышло мое пособие «Зоогеография СССР».

— Большой популярностью у читателей пользуется многотомный труд «Жизнь животных». Как дела с его переизданием?

— Первое издание вышло в 1969-1971 годах и составило шесть томов. Второе, переработанное, запланировано в семи томах на 1983-1989 годы. Первым вышел IV том. Тираж его 300 тысяч, а желающих получить оказалось более миллиона.

Газета «Неделя», № 33 (1377) 1986, с. 4-5

«Учитель, воспитай ученика!» (Встреча с интересным человеком)

К. Хромова

Александр Петрович КУЗЯКИН, доктор биологических наук, профессор Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской

Ученики… В этом качестве люди пребывают относительно недолго. И то, какие человеческие качества приобрететут они за это время, какими специалистами уйдут в самостоятельную профессиональную жизнь, во многом зависит от учителя, от его авторитета. При этом именно они, ученики, составляют гордость его, и славу.

С Александром Петровичем мы встретились в августе, когда он был в отпуске. Но в его квартире даже в это время толпились студенты. Я заметила, как любят и уважают они своего профессора. Нелегко, наверное, было заслужить такой авторитет…

- Тридцать пять лет преподаю я в вузе и ни разу не назвал студента на «ты». Отношусь к ним, как к взрослым людям, достойным уважения. Не отталкиваю невниманием, не принижаю человеческого достоинства — это главное. Стараюсь повысить их интерес к науке, к изучению предмета, помогаю им стать настоящими специалистами.

— Дома у вас перебывали и продолжают приходить, приезжать студенты разных поколений.

— Они видят, как я работаю с книгой. Охотно пользуются моей специальной и справочной библиотекой, коллекциями: бабочек, рукокрылых, грызунов, насекомых[7]. И каталогами коллекций, папками с материалами по научной теме, чего подчас не найдешь и в библиотеках. Они видят, что все время я занят, и плоды моей занятости — опубликованные труды. И новички включаются в ту же работу. Все мои воспитанники научились самостоятельно работать с литературой и коллекционным материалом. Особенно это важно в сельской школе, где нет специальной литературы и не к кому обратиться за консультацией.

— Александр Петрович, а как вы относитесь к наставничеству?

— В вузах, к сожалению, укоренилась подготовка студентов «валом». Придет преподаватель на лекцию, после звонка уходит, и на этом его контакт со студентами кончается. Очень правильна нынешняя ориентация на индивидуальное обучение студентов. Из собственного многолетнего опыта знаю, что это действительно рациональная форма работы. Могу обеспечить руководство 10-12 студентам. Если бы и другие преподаватели взяли под свое руководство хотя бы по 2-3 студента, вот и было бы неформальное обучение.

— Много лет подряд вы отправлялись в экспедиции вместе со студентами. Как эти поездки влияли на становление личности будущих специалистов?

— Сказали бы сейчас: «Езжайте с Сашей Сорокиным», — я ответил бы: «С удовольствием и куда угодно, на любой срок — надежный человек».

В Туве, когда мы вернулись из «ночного похода», увидели, что наши палатки сгорели. Ни одежды, ни пищи, ни паспортов, ни денег на билеты не оказалось. Конечно, мы не растерялись, нашли выход из сложнейшей ситуации. Но мне понравились выдержка, хладнокровие Татьяны Чистовой и Ольги Барышевой.

Во время третьей поездки мы жили в сельской школе. Новички вернулись «со сборов», обожженные солнцем, ободранные колючками шиповника. Сторожиха школы, увидев их, пришла в ужас: «И кто же заставляет вас так мучиться?» — на что девушки ответили с достоинством: «Такая у нас работа».

По итогам трех экспедиций Лев Мазин защитил кандидатскую диссертацию. Александр Сорокин побывал со мной на Чукотке и Колыме, собрал богатые материалы и блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Позднее стали присоединяться к нам студенты из нашего и других педагогических институтов и университетов.

— Назначение педагогического вуза — готовить кадры для школ. Выпускник не просто биолог или зоолог, но прежде всего — педагог. Каким, на ваш взгляд, должен быть школьный учитель?

— От учителя требуется отличное знание предмета, беспрерывное пополнение своих знаний, умение самостоятельно работать — найти нуж-

[7] Допущена ошибка: Из насекомых была только коллекция бабочек. – *Прим. Л. Н. Мазина.*

ную литературу, сделать из неё выписки, систематизировать их, логично и доходчиво изложить! Учитель должен быть предан своей специальности, не просто интересоваться, но жить наукой, постоянно пополнять знания, хорошо представлять связи своей отрасли с нуждами и запросами народного хозяйства.

— Александр Петрович, однажды вы сказали: «Важно выйти в путь на заре». Ваша жизнь — тому подтверждение: докторскую диссертацию вы начали писать в 19 лет. Ну, а кто были ваши учителя?

— С детства мне везло на хороших людей. Я сибиряк, в семь лет осиротел, и старшая сестра привезла меня к себе в Тюмень. Часто заходил в краеведческий музей, потом самому стали поручать экскурсии по отделу природы. Ко мне с пониманием отнесся препаратор музея Андрей Михайлович Кузнецов, проводник знаменитого Брема, автора «Жизни животных». Его рассказы я был готов слушать день и ночь.

Не могу забыть Федора Филипповича Ларионова, преподавателя биологии Тюменского педагогического техникума. Он научил меня различать пернатых по голосам. К одиннадцати годам я знал латинские названия птиц.

— А что было потом?

— Потом… Муж сестры тяжело заболел, и по настоянию врачей они уехали с семьей на юг. В пятнадцать лет я остался совершенно один. Пришлось заботиться о существовании, думать о будущем. В краеведческий музей ходил по-прежнему. Однажды библиотекарь музея подарил мне книгу об Аскании-Нова. Прекрасные иллюстрации, увлекательные рассказы о животных этого редкого заповедника лишили меня покоя. Для себя решил: «Еду туда, стану зоологом». Библиотекарь дал записку, где сделать пересадку в Москве, где «приткнуться», если поезд задержится. Так 11 апреля 1930 года я впервые увидел Москву.

Узнав, что поезд на Украину уходит вечером, я сразу отправился в зоопарк. Ранним утром первой стретила меня… газель. Мы стояли по разные стороны забора. Она взглянула на меня огромными, влажными, испуганными глазами, и я забыл обо всем на свете, даже не заметил, как на мое плечо опустилась тяжелая рука рабочего зоопарка: «Что ты тут делаешь?» Он отвел меня к заместителю директора зоопарка по научной работе П. А. Мантейфелю. Петр Александрович отнесся ко мне подозрительно — решил, что я сбежал от родителей. Потом выделил мне место в лаборатории, за шкафами своего кабинета поставил мне кровать.

Радушно принял меня директор зоопарка Евгений Михайлович Климек — в прошлом дипкурьер, культурнейший человек и необыкновенно добрый. Он договорился, чтобы в столовой меня бесплатно кормили, и отдал мне продуктовую карточку жены. Директор приходил на службу к восьми утра и спрашивал меня: «Ну, как тут?» Было тихо. Слышно было, как гоготали казарки.

— Значит, Аскания-Нова так и остался мечтой детства?

— Прошел месяц. Мечтал стать зоологом. И вдруг неожиданная встреча с директором заповедника: «Ты Кузякин?» — «Да». «Собирайся: возьму с собой. Ведь ты хочешь у нас работать?»

В душе буря: радость и растерянность. Что делать? Нет сил расстаться с Москвой, со сверстниками и учителями, и так хотелось увидеть новые места. Потребовался совет дяди Пети» — про себя решил: «Как он скажет, так и поступлю». «Сам решай, — Мантейфель не любил навязывать свое мнение. — Однако учти, что там негде учиться. А мы не дадим тебе засидеться на месте». Так я и остался в Москве.

— Помните, мы с вами встречались на 30-летии КЮБЗа (кружок юных биологов зоопарка). Собрались тогда биологи нескольких поколений. Кто и как воспитывал кюбзовцев в пору вашего отрочества?

— Первый наш наставник, конечно же, профессор Мантейфель. Он приучал нас к самостоятельности, заставлял думать. Кружковцы (из КЮБЗа) активно помогали друг другу. Теперь из кружка юных биологов зоопарка выбывают сразу после окончания средней школы. А тогда туда ходили люди в возрасте от 14 до 28 лет. Каждый привносил в это общество что-то свое: один любил литературу, другой прекрасно ориентировался в природе, третий хорошо различал птиц по голосам, четвертый освоил художественный свист. Имелись среди нас любители театра, танцоры, певец-тенор, художник-карикатурист. Учились мы друг у друга и в общении с природой, а выходили из кружка не хуже, чем после вуза.

— И о ваших увлечениях.

— От зоопарка я побывал на Северном Урале, в Поволжье. В Туркмении добыл, обработал и привёз около 300 зверьков. Меня одного отправили в Ташкент закупать виноград для обезьян. После закрытия овощных баз я шел на ночевку в зоопарк. Там дали мне адрес преподавателя Ташкентского университета, который изучал летучих мышей. Я тоже занялся их сбором. Виноград отправлял багажом, а сам возвращался со сборами, которые хранил в лаборатории С. И. Огнева. Профессор Огнев познакомил меня с Николаем Алексеевичем Бобринским, с ним мне и поручили писать монографию о летучих мышах — началось мое увлечение и дело на всю жизнь: изучение рукокрылых.

Профессор МГУ С. И. Огнев предоставил мне место в своей лаборатории. Это место укоренилось за мной на 20 лет. В лаборатории находилась личная библиотека Огнева, его раскошная зооколлекция в 20 тысяч экземпляров. Только мне доверял Сергей Иванович копию ключа от лаборатории. Как-то там меня заметила комендантша и врезала второй замок. Утром Огнев извинился и попросил меня заказать ключ. Вновь регулярно ходил я в лабораторию, хотя жил по-прежнему в Балашихе, в студенческом общежитии.

— Понятно такое внимание к упорному и дотошному юннату. Ведь ваши публикации появились в печати раньше, чем Саша Кузякин стал студентом?

— Обработанные в лаборатории материалы я отдавал на редактирование С. И. Огневу. Как то еду к себе в Балашиху, ругаю себя за то, что в своей статье посмел раскритиковать шефа за нелогичность. Ночь не спал, едва дождался утра. Прихожу к Огневу забрать свой труд, а он, оказывается, отдал его без правки в издательство Московского общества испытателей природы. Так и вышла моя статья с критикой профессора Огнева.

Первые мои публикации — «Летучие мыши Ташкента», статья о биологии крота — появились прежде, чем я стал первокурсником МГУ. В университет меня перевели в 1935 году, а в 1934-м был подписан с Зоологическим институтом АН СССР издательский договор на монографию по рукокрылым для серии «Фауна СССР».

— Александр Петрович, ваш многолетний труд в МОПИ имени Н. К. Крупской, успехи в подготовке квалифицированных учительских кадров для школы и преподавателей вузов отмечены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, Министерства просвещения СССР, Министерства просвещения РСФСР. И ведь нынешние студенты учатся по вашим учебным пособиям?

— Более чем в тридцати странах мира, в том числе и в Америке, получил широкую известность «Определитель млекопитающих СССР». Труд солидный, почти пятьсот страниц, выдержал два (в 1944 и 1965 годах) издания. У него три автора: Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов и А. П. Кузякин. «Определитель» необходим биологу, как ружье охотнику. В мировой систематике наша страна заняла ведущее положение. Книгу «Летучие мыши» я начал писать в 19 лет. Позднее за этот труд мне была присвоена ученая степень доктора биологических наук.

— Говорят, в первую половину жизни человек берет, а во вторую — отдает. Как же профессор Кузякин повторился в своих учениках?

— На сегодня я подготовил тридцать пять кандидатов наук. Пятеро из них стали докторами наук, один — заслуженный деятель науки.

— Александр Петрович, что бы вы пожелали сегодняшним первокурсникам?

— С первых дней учебы в институте приобщаться к исследовательской работе!

Газета «Ленинское знамя», от 21. 09. 1986, с. 3

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Дополнения к портрету юбиляра (воспоминания дочери)

Т. А. Кузякина

Благодарна Богу и судьбе, что я родилась и выросла в семье Александра Петровича Кузякина. Так сложилось, что всю жизнь, скоро семьдесят пять лет, я прожила под этой фамилией.

Несомненно, научная и преподавательская деятельность были основной частью жизни моего отца, но существовала и частная жизнь: семья, дети, друзья, ученики. Об этом мне захотелось поведать, чтобы дополнить портрет моего папы.

Начну с истории нашей семьи. Мои родители встретились в общежитии МГУ им. М. В. Ломоносова на Стромынке: папа — с биофака, мама — с истфака. Объединила их любовь к танцам. В октябре 1941 года они поженились. Время было тяжёлое — война. Вместе с другими добровольцами из МГУ папа и мама строили оборонительные укрепления для защиты Москвы, копали противотанковые рвы под авиационными обстрелами фашистов. Кроме того, папа выезжал в действующую армию под Ржев и на Сталинградский фронт для выявления разносчиков особо опасных инфекций и ликвидации их очагов. За эту работу папу наградили медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда». В ноябре 1942 года родилась я. Папа дал мне имя — Татьяна.

По рассказам родителей, первым их совместным жильём была какая-то трансформаторная будка, а потом, не знаю каким путём, они обосновались в маленьком домике, площадью чуть более 8 м^2 во Втором Крестовском переулке. Там наша семья прожила шесть лет, до конца 1948 года. Теснота и рождение второго ребёнка вынудили родителей поселить меня с братом у родителей мамы, в просторном доме в Серпухове. Изредка нас привозили в Москву, в Серпухове родители посещали нас редко. На то были свои причины: мама продолжала учёбу, прерванную войной и нашим рождением, а папа был занят не только написанием монографии по летучим мышам, подготовкой докторской диссертации, но и строительством жилья для нашей семьи. Дом по 2-му Останкинскому переулку был завершён в 1949 году.

---

[8] С воспоминаниями о А. П. Кузякине можно также ознакомиться в следующих публикациях:

И. Грулих. Александр Петрович Кузякин – мой руководитель //Зоология и ландшафтная зоогеография. Чтения памяти А. П. Кузякина. – М.: МОИП, 1993, с. 25-28.

В. Е. Флинт. Памяти друга //Ландшафтная зоогеография и зоология. Третьи чтения памяти А. П. Кузякина. – М.: МОИП, 2008, с. 87-92.

А. Ф. Ковшарь. Параллели: IV Всесоюзная, 1965 г. – XIV Международная, 2015 г. // Ветер странствий (Казахстан), 2015, № 1 (50), с. 96-99.

Дорогами победы! Биологи МГУ имени М. В. Ломоносова - фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Изд. МГУ, 2015, с. 209.

Место для дома было выбрано не случайно. Папа работал в МГУ, а в Останкино располагалась биостанция МГУ. Биостанция располагалась на двух территориях. На одной — лабораторный корпус и жилой дом для некоторых сотрудников биофака, виварий, голубятня, курятник, площадка для водоплавающих, пасека. Вся живность использовалась в лабораторных занятиях студентов МГУ. На другой территории биостанции планировалось разведение растений, но что-то не заладилось, отдали площадь под огороды сотрудников биофака. Здесь находился старый амбар, который папа вместе с двумя плотниками, преобразовал в жилое помещение, а территорию облагородил аллеями из клёнов, лип и каштанов. Это жилище без удобств (вода с колонки, печное отопление, туалет во дворе) служило нам домом до 1964 года. Все попытки папы улучшить жилищные условия оканчивались отказами, пока в 1963 году МОПИ им. Н. К. Крупской, где папа заведовал кафедрой зоологии, не построил дом для преподавателей в Бабушкине, куда мы переехали в трёхкомнатную «хрущёвку».

Жильё к 1950 году было благоустроено, докторская диссертация защищена, семья объединилась, дети пошли в школу. С этого времени начался новый этап в жизни семьи. Папа полностью отдалился от бытовых проблем. Поэтому с 7 лет мы с братом стали опорой мамы в ведении хозяйства: носили воду, пилили дрова, разгружали уголь для печки, стояли в очередях за продуктами, убирали снег, ухаживали за огородом. А папа с этого времени приступил к осуществлению своей мечты — каждое лето, в отпускное время совершать поездки в разные уголки нашей страны (причём за свой счёт). Благодаря этим путешествиям папа проводил основную исследовательскую работу, собирал и обрабатывал коллекционный материал, не отчитываясь перед чиновниками за истраченные средства. В связи с этим, семья, конечно, не бедствовала, но была лишена некоторого комфорта.

Папа был равнодушен к комфорту и уюту в доме, жалел средства на какие-либо обновления, но не скупился, когда дело касалось оборудования коллекционных материалов, экипировки для его путешествий. В еде был непритязателен: если в доме были сливочное масло, белый хлеб, яйца, пельмени, то его это меню вполне устраивало.

В одежде были свои предпочтения: фланелевые рубашки, ковбойки, мягкие домашние брюки. Гардероб официальной одежды обновлял редко.

Мама, после защиты диплома так ни дня не работала, оставалась домохозяйкой (как писалось в анкетах). Да, мама вела хозяйство, принимала в доме многочисленных папиных посетителей, кормила вечно голодных студентов и аспирантов, устраивала домашние праздники с обильным столом, которые папа очень любил. Самое же главное мама стала помощницей, соратницей во всех папиных делах. Сопровождала его на подавляющее большинство союзных и международных конференций, вела переписку с биологами, как нашей страны, так и зарубежными. Когда папа стал собирать коллекцию бабочек, мама стала препаратором, расправляла бабочек, довела эту кропотливую работу до совершенства. Когда папа стал катастрофически быстро слепнуть, мама стала его глазами, поддержкой и поводырём.

Не скажу, что папа ценил её преданность и самоотдачу. Понял это фактически в последний год своей жизни. «Какие же вы молодцы!» — сказал он, когда подписывал завещание, по которому всё его имущество безраздельно переходило в мамино пользование. Родители прожили вместе 47 лет.

Дети. До школы мы с братом в основном находились в Серпухове, у родителей мамы, а когда поселились в Москве, в Останкино, началось наше биологическое образование.

Первое, что показал нам папа, были опыты с летучими мышами по эхолокации. В берёзовой роще Ботанического сада: из садков выпускались в свободный полёт две группы летучих мышей, На мышах одной группы были надеты лёгкие кожаные колпачки. Именно «летучки» этой группы не могли ориентироваться в пространстве, натыкались на любые препятствия, оказались беспомощными.

Вторым эпизодом, запомнившимся из тех лет, был выезд в природу на целый день. Папа взял на исследование лесов в Сходне (в 1950-е годы этот уголок ближайшего Подмосковья был типичным участком южной тайги) своих подопечных аспиранток: эстонку Линду Поотс и литовку Стасю Мальджунайте. Эти девушки, впоследствии, защитили диссертации и успешно работали в своих республиках, до последних дней жизни папы поддерживали с ним связь. Сын Линды Поотс — Мати Мазинг, стал специалистом по летучим мышам.

Несколько раз в начале 1950-х годов папа вывозил нас в Чашниково для изучения мелких позвоночных.

В сентябре 1950 года мы с братом пошли в школу. После окончания четвёртого класса мне с братом представилась возможность пройти хорошую школу изучения природы Подмосковья, сбора и обработки коллекционных материалов на биостанции МОПИ им. Н. К. Крупской в окрестностях Крюково (деревня Горетовка и речка того же названия). Вместе со студентами ловили мелких млекопитающих, птиц; делали из них тушки; выходили в ночной лес, чтобы на заре послушать птичек, определять их по голосам, вели учёт. Самым ценным результатом этого лета было то, что мы овладели, конечно, не в совершенстве, профессией таксидермистов.

По совету отца в 1956 году мы стали членами городского биологического кружка Всероссийского общества охраны природы (ВООП) под руководством Петра Петровича Смолина, которого кружковцы звали ППСом. Сам папа с 1930 года состоял в кружке юных биологов зоопарка (КЮБЗ) и не прерывал эту связь до конца жизни. Кюбзовцы, в основном, занимались изучением животных в неволе, а вооповцы изучали дикую природу во время специальных выездов по Подмосковью. В декабре 1956 года мы с братом провели самостоятельный учёт птиц на маршруте Малино — Фирсановка Октябрьской ж. д., о чём брат сделал доклад на конференции ВООПа.

Летом 1957 года я поехала работать на основной базе ВООПа — в Приокско-Террасный заповедник. Больше месяца мне приходилось проводить опыты с растениями — по испаряемости и фотосинтезу, учёты крупных млекопитающих на водопоях в поймах притоков реки Ока —

речек Тоденка и Паниковка, ежедневные наблюдения за климатом. Результаты работы ежедневно записывались в соответствующие журналы. Работать было легко и интересно; использовался опыт работы в природе с папой.

В том же году папа вывез нас на неделю в Ленинград. Ему надо было поработать в Зооинституте, а мы наслаждались достопримечательностями города.

1959 год. Окончились занятия в девятом классе и папа устроил нам удивительное путешествие. Началась наша «экспедиция» в районах Северного Урала: Сейда, Лабытнанги, Обская губа. Как в любой экспедиции на каждой остановке ставили ловушки, отлавливали зверьков, препарировали улов. Позже выяснилось, что в моём ряду ловушек поймана полёвка с необычными признаками. Этот экземпляр был описан в одной из папиных статей.

В Лабытнангах нас приняли на базе Уральского института экологии растений и животных под руководством С. С. Шварца. Нам повезло: институт включил нас в состав отряда, направленного в тундровый посёлок Ныды Южного Ямала. Целую неделю продолжалось наше путешествие на тралботе в устье реки Обь и южной части Обской губы. Нас немного покачало на волнах в 5 баллов, но неприятности скрашивались знакомством с тундрой, рыбой обской фауны: муксуном, нельмой, бычком и налимом.

Через три недели нашего пребывания на Северном Урале мы уже всей семьёй (к нам присоединилась мама) из Салехарда вышли в верховье Оби на теплоходе «Чернышевский». По пути следования мы три часа гуляли по Тобольску, городу детства моего отца. С теплохода мы высадились в Омске на поезд до Новосибирска, где началась работа в другой настоящей экспедиции — по выработке способов ликвидации водяной крысы, которая в те годы косила урожай зерновых в лесостепных и степных районах Западной Сибири. Работа проводилась в Барабинских степях. У меня был свой раздел работы — определить какой из кормов наиболее охотно потребляется этой крупной полёвкой в лаборатории, а затем на полях с разными зерновыми культурами. Причём корм должен был быть хорошо обволакиваемым ядом (фосфидом цинка) и легко рассеиваться из ёмкостей самолёта. Результатом моих исследований стал доклад, с которым я выступила в 1962 году на совещании зоологов пединститутов в Москве и на съезде молодых учёных в Ленинграде.

Последним моим совместным выездом вместе с папой было путешествие в Сочи, вернее в Хостинскую заповедную самшитовую рощу. Мой брат ещё пару раз ездил с папой в Туркмению и сочинскую Красную поляну.

По рекомендации папы меня в 1962 году приняли в состав экспедиции по изучению и определению переносчиков клещевого энцефалита в Красноярском крае. Экспедицией руководил папин аспирант Рудольф Леонидович Наумов. Три с лишним месяца в деревне на реке Большой Кемчуг, в 140 км от Красноярска, мы с сокурсницей каждый день выходили в тайгу, расставляли линии ловушек, к концу дня собирали улов мелких млекопитающих, очёсывали с каждой особи клещей, обмеряли

зверьков, определяли их половозрелость. В день обрабатывалось от 30 до 150 зверьков. Все материалы были сданы на исследования в Институт медицинской паразитологии и тропической медицины.

На этом закончилось моё «общение» с зоологией позвоночных животных, потому что после окончания института я ушла в другую область — микробиологию. Мне удалось собрать и написать работу с использованием моих знаний по биологии и географии, с поддержкой папы, с использованием его советов по построению и оформлению разделов будущей диссертации. Однако обстановка в Институте вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова не дала возможность мне защититься. Мне пришлось резко изменить своей профессии и уйти в идеологию.

Брат закончил географический факультет МГУ, стал специалистом и учёным в области охотоведения.

Учителя, ученики, друзья. Папе везло на встречи с хорошими людьми, которые помогали ему в разные периоды его жизни.

В Тюмени и Тобольске нашлись учителя, природоиспытатели, поддержавшие интерес мальчика-сироты к изучению природы. Однако мне этот период жизни папы не очень знаком. В Москве, пятнадцатилетнему юноше помогли получить достойное образование, приобщили к научным исследованиям.

Так Евгений Михайлович Климек, директор Московского зоопарка, принял мальчика на работу, обеспечил продовольственными карточками, а затем прикрепил к столовой, выделил угол для проживания. С этой семьёй папа не терял связь до последних дней жизни. Племянница Евгения Михайловича навестила папу за день до его кончины.

Пётр Александрович Мантейфель настоял на завершении папой среднего образования на рабфаке, приветствовал поступление юноши в Пушной институт, а затем переход на учёбу в МГУ. Параллельно Пётр Александрович руководил научной работой папы, проводимой на базе кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗ). С участниками этого кружка папа контактировал всю жизнь.

Одновременно в зоопарке таксидермист Павел Сергеевич Николаев обучил папу премудростям препарирования животных, искусству обработки шкурок млекопитающих, птиц, из которых делались тушки и чучела.

Сергей Иванович Огнёв принял эстафету опеки над папой, стал его наставником в науке, руководителем кандидатской диссертации и советчиком при написании докторской. Папа очень дорожил этими отношениями, не раз посещал могилу своего учителя и друга.

Многолетняя дружба объединяла нашу семью с семьёй Владимира Францевича Натали.

Интерес к орнитологии и сборы коллекции птичьих гнёзд объединили папу с Евгением Павловичем Спангенбергом, автором книги «Записки натуралиста», с Владимиром Владимировичем Леоновичем, страстным коллекционером птичьих гнёзд, хотя основной его профессией была нумизматика.

Цвет орнитологии собирался в Останкино у Леонида Фёдоровича Ларионова, по определённым дням, обсуждались вопросы орнитологической

науки, готовили выпуски сборника «Орнитология». Папа был активным участником этих собраний и автором статей этого сборника.

Частыми гостями в нашем доме были папины однокурсники: Леонид Петрович Мосолов, Дмитрий Иванович Бибиков, Николай Николаевич Кондаков. С другими соучениками папа знакомил меня на научных съездах и конференциях, куда с удовольствием брал меня с собой. Не помню, чтобы кто-то из папиных друзей «таскал» своих детей на такие встречи.

Самое большое удовольствие доставляло папе занятие с учениками: 36 аспирантов, ещё больше соискателей, студенты группами и по одиночке были гостями нашего дома, так как институт не мог предоставить необходимого помещения для занятий, а дома размещалась и необходимая библиотека и коллекционный материал. Несколько раз папа брал небольшие группки из 3-4-х учеников в свои летние поездки.

С удовольствием отмечаю, что большинство папиных «подкидышей», как он ласково называл своих учеников, стали хорошими специалистами, преподавателями. Большинство посещали наш дом после присвоения им учёных степеней и званий: Иво Грулих (Чехословакия), Ирина Рахматулина (Баку), Линда Поотс (Таллин), Юрий Равкин (Новосибирск), из москвичей — Женя Равкин, Костя Панютин, а с семьёй Павла Александровича Пантелеева (папиного земляка из Тобольска) и Аллы Терёхиной тёплые отношения сохранились до настоящего времени.

По разным причинам большинство «подкидышей» отдалились и от учителя и от семьи, где их принимали, но остались действительно благодарные и преданные. Первой назову семью Мазиных, Льва Николаевича и Ольгу (она была папиной студенткой). В первые годы, после кончины папы, они посильно помогали нашей осиротевшей семье и до сих пор мы дружим. Лёва продолжает папино дело. Низкий поклон ему за биографические исследования жизни и деятельности А. П. Кузякина, отражённые в его юбилейном докладе. Юбилею папы посвятила свою последнюю работу Валентина Тагирова (Хабаровск). Почти тридцать лет хранит добрую память о нашей семье и продолжает общение Людмила Прилуцкая. Практически все ученики приняли материальное участие в установке памятника своему учителю.

Колоссальные нагрузки, ночные бдения для оформления своих идей в жизнь рано подорвали здоровье моего отца. В 60 лет он стал катастрофически быстро слепнуть. По мнению врачей, слепота — один из сильнейших стрессов. Вот тогда и началось пристрастие папы к алкоголю и все связанные с этой трагедией последствия. В течение десяти последних лет жизни личность постепенно деградировала, здоровье ухудшалось и в результате — рак, с которым организм боролся почти год. К этому времени я имела уже своё жильё, но когда был установлен диагноз, переехала к родителям и ухаживала за папой до последних минут его жизни.

В трагические моменты жизни уходят все неприятные воспоминания, остаётся только хорошее. Любящим, трудолюбивым, приветливым остался папа в моей жизни.

Мой отец — Александр Петрович

В. А. Кузякин

В этом сборнике собраны воспоминания некоторых учеников Александра Петровича. Естественно, что они могли освещать в основном его профессиональные качества. А я — его сын, жил с ним вместе почти всю свою жизнь. Поэтому могу рассказать, каким Александр Петрович был в семье.

По рассказам отца, они познакомились с моей мамой в общежитии на Стромынке. Это было общежитие МГУ. Она училась на историческом факультете, он — на биологическом. Но общежитие было общим для любых факультетов. Там по вечерам устраивались танцы. Отец был прекрасным танцором. Вальс, падеграс, танго — всё это в его исполнении было замечательным. Этим он и увлёк Валентину Ивановну.

Как говорила мама, тем не менее, «когда мимо аудитории проходила какая-либо дама неописуемо дородной комплекции, он тут же обращал на неё внимание и даже бросался вдогонку». Впоследствии я неоднократно убеждался в его душевной приверженности к полным, жирным и даже совершенно бесформенным женщинам. Он мне сам говорил: «Чего ты всё худышек выбираешь, костями, что ли, об кости стукаться?». Или: «Хорошего человека должно быть много. Тем не менее, отец остановился на Валентине, женщине среднего телосложения, и это был единственный в его жизни брак.

Они поженились. Когда началась война, формировалось народное ополчение по защите Москвы, отца назначили каким-то бригадиром, и он командовал бригадой, состоявшей в основном из женщин, преимущественно студенток МГУ. Они копали противотанковые рвы с запада от Москвы. За это его наградили медалью «За оборону Москвы». Когда ему предложили составить список людей из его бригады, заслуживающих эту награду, он Валентину не включил: «Подумают, что я развожу здесь семейственность».

После успешной обороны Москвы возникла проблема с нашествием на Москву серых крыс. Отца назначили начальником дератизационной службы в звании майора медицинской службы. Он рассказывал, например, как по ночам из интендантских складов, что располагаются напротив теперешней станции метро «Парк культуры», тогда её еще не было, а на этом месте была водопроводная колонка; так к ней со складов тянулась цепочка крыс на водопой и такая же цепочка с водопоя. С офицерскими пайками семья жила неплохо. Сначала она жила в подвалах, принадлежащих МГУ, в переулках у Сретенки, потом отцу удалось поселиться в старой кирпичной бане в Переславском переулке недалеко от Рижского вокзала. В 1942 году родилась дочь — Татьяна, а в 1944 — ваш покорный слуга. Помещение бани, немного обихоженное, представляло собой маленькую прихожую-раздевалку, из которой шла дверь в туалет, а другая дверь — в бывшую помывочную, где мы и жили. Мы с сестрой спали в чемодане под столом: она — в большом отделении чемодана, я – в крышке. Первое

моё впечатление, которое я запомнил на всю жизнь — это непроглядный табачный дым, который резал глаза. Это отец курил «Беломор», прикуривая одну папиросу от другой. Он усердно работал, несмотря на войну, послевоенные тяжелые годы, несмотря на весьма криминальную обстановку, которая царила во дворе, где располагалась наша баня.

Где-то в 1947 году мы переехали в Останкино, жили в комнате рядом с крысиным виварием. Мать всегда боялась, что когда-нибудь крысы отгрызут носы или уши у её детей. Отец уговорил кочегара и плотника Останкинской биостанции МГУ помочь ему переоборудовать амбар на другой стороне 2-го Останкинского переулка в жилое помещение. Они это сделали, и мы переселились туда, предварительно обработав стол и диван от клопов. Жили там аж до 1964 года, когда Александру Петровичу, тогда уже заведующему кафедрой в Московском областном пединституте, дали квартиру в г. Бабушкин, на Ленской улице. Дом тогда был в Московской области, сейчас это не самые окраины Москвы.

Ещё в Останкино отец принимал в нашем доме множество коллег, аспирантов, членов кружка ВООП под руководством Петра Петровича Смолина, вёл с ними научные беседы. Там же собиралась компания крупных зоологов, в основном пострадавших от разгула лысенковщины. Тогда телефонов не было, и радость человеческого общения воплощалась во всю мощь. Любой день рождения учёного из компании или его жены праздновали или в Останкино, или по месту проживания юбиляра. При этом на стол подавались самые изысканные деликатесы, для этого делались закупки в Елисеевском гастрономе на улице Горького. Отец пил мало: одну, ну две рюмки красного вина, а потом уходил в другую комнату — свой кабинет, и там садился работать, пренебрегая коллективом. А в компании профессуры всегда обсуждалось будущее последствий вакханалии Лысенко с властями.

Нам с сестрой Татьяной всегда было радостно, когда у нас собирались гости. Можно было вкусно покушать, устроить какое-нибудь детское представление. Отец, всегда приветливый с коллегами, учениками, держал семью, как он говорил, «в чёрном теле». Иногда обижал мать, но без рукоприкладства. А детей воспитывал в строгости, всегда делал замечания, нравоучения. Однажды он встречал меня из школы, когда я в 6 лет учился в первом классе. Ребята баловались, все лупили друг друга портфелями. Отец довёл меня до дома и дал оплеуху за моё поведение с одноклассниками. Я не надолго потерял сознание. А летом на Останкинском колхозном рынке, что был в соседнем квартале, мне очень понравился у торгующих ремесленников деревянный свисток в форме соловья. Он заливался водой и издавал музыкально чистую трель. Хотел попросить у отца 2 рубля (в сталинских деньгах), но сестра сказала, что отец на это денег не даст. Тогда я попросил 3 рубля на диафильм, которых у нас была целая коллекция, и мы часто смотрели их. На это дело он дал деньги. Я побежал покупать вожделенную игрушку, сестра бежала за мной и отговаривала от опрометчивого поступка. Не подействовало. А она рассказала отцу. Он мне врезал такую пощёчину, что я потерял сознание на несколько часов, а мать выхаживала несколько дней, не подпуская отца.

Когда мы с сестрой немного выросли, Александр Петрович настоятельно посоветовал нам пойти в биологический кружок П. П. Смолина. «Это настоящий энциклопедист в биологии, он кого хочешь научит». Мне было тогда 10 лет, на теоретических занятиях я тогда мало чего понимал, зато на практических занятиях с коллекционным материалом много чего запоминал. Я всю свою жизнь безмерно благодарен отцу, что он направил меня в этот кружок.

В те же годы отец устраивал наши с ним поездки загород для ловли птиц. Сейчас я понимаю, что это ему не очень-то нужно было, а ради воспитания сына. Он обучал различать голоса птиц, объяснял, какая птица где живёт, какие местообитания предпочитает, чем питается, как надо её ловить. В 1954 году отец немного перестроил дом в Останкино, и мне досталась маленькая изолированная комната площадью метра 4. Там я устроил птичник. На всей стене висели клетки, садки для передержки, а за окном осенью сделал точок для ловли птиц понцами, и вывешивал на клён под окнами западок с любимыми манными птицами. Ловил много, передерживал, наблюдал за индивидуальным стилем поведения особей, отбирал самых толерантных к человеку, их оставлял, а остальных кольцевал и выпускал. Так у меня сформировалась когорта манных птиц, которая манила всех. Так, лазоревка, прожила у меня 12 лет, снегирь — 14 лет, и они приманивали любых пролётных птиц в западню без промаха. Потом я работал в Главном ботаническом саду, где я лазил по деревьям, проверял скворечники и дуплянки, метил тушью каждое появившиеся яйцо. Тогда я притащил в дом трёх птенцов пустельги и двух — ушастой совы. Они жили у меня долго, а один самец пустельги так ко мне привык, что мы с ним ходили на рынок, а он сидел на плече и никуда не хотел улетать.

Александр Петрович поощрял все эти мои увлечения, он давал деньги на корм птицам, в том числе соколам, а потом и летучим мышам, и другим животным, которых он привозил из своих поездок. Но вся беда в том, что родился я технарём. Это от деда по маминой линии. Иван Васильевич Комков, который, кстати, принимал мои роды, во время первой мировой войны, был телеграфистом. Естественно, телеграфисты тогда, волоча катушки с проводом, всегда были на линии фронта и в тылу врага, и первыми попадали в плен. Дед попадал в плен два раза, каждый раз бежал, и пешком из Германии доходил до дома в Серпухове. Говорил, что в плену их держали по фермам, занимались сельхозработами, кормили неплохо, в том числе кофе по утрам, содержали в сарае, который на ночь запирали. Ну, а что деду замок, с его-то техническими знаниями? После второго плена он приехал в Серпухов на немецком велосипеде, который был у него не один десяток лет. И я учился ездить на нём. А в 14 лет я сделал ручным инструментом 10-зарядный полуавтоматический пистолет, из которого случайно школьник сильно ранил своего друга. Прокуратура, следователи и прочее. Александр Петрович рассердился, выбросил весь ящик моего инструмента, не сказав куда. Сказал, что пойдёшь поступать на геофак МГУ, а не в свою Бауманку. Так и пришлось, судьба, наверное? Может быть, я благодарен этой судьбе. Хотя технические способности превратились в разнообразные хобби.

Мне всегда нравилось, как Александр Петрович занимался со своими аспирантами и прочими учениками. Он прекрасно владел русским языком, он его чувствовал. Недаром его учителя были из российской аристократии: С. И. Огнев, Н. А. Бобринский, Г. П. Дементьев и другие. Отец усаживал своего ученика рядом с собой и читал какие-либо его начертания. С первой же фразы, прочитав её, он говорил: «А что Вы этим хотели сказать?». «Ну, я, типа того, хотела сказать …». «Ну, Вы так и напишите! Через несколько дней принесёте другой вариант». На первый день работа заканчивалась на первой или второй странице. На второй день чтение произведения аспиранта продвигалось ещё на насколько страниц. Для обучаемых аспирантов формирование диссертации оканчивалось несколькими такими уроками. Сейчас никто не работает с аспирантами, дипломниками, курсовиками, как работал отец. Были случаи, когда аспиранты не выдерживали такого обучения, упрёков отца, бросали аспирантуру. Они, кстати, потом никогда и не появлялись на научном небосклоне. Я всегда прислушивался, подслушивал уроки отца с аспирантами, и многому научился. Теперь меня считают хорошим редактором. Спасибо отцу!

Вообще, отец был замечательным педагогом. Недаром он работал почти всю свою жизнь в педагогическом институте. Он был хорошим оратором, лекции читал без бумажки. Даже когда он потерял зрение полностью, это ему нисколько не мешало читать лекции. Он любил проводить практические занятия с коллекциями животных, часто у нас дома.

Александр Петрович был заядлым коллекционером. Это его хобби отняло значительную часть его жизни. Когда он уходил от семейного или коллективного застолья, он больше занимался не научными статьями, сборниками, определителями, а своими коллекциями. Страсть к ним поглощало его всего. Сначала он занимался сбором коллекционных тушек рукокрылых, насекомоядных, потом — мышевидных грызунов, других млекопитающих, а одновременно — птиц, их кладок, а уже ближе к концу жизни — булавоусых чешуекрылых. Нужно сказать, что именно страсть к коллекционированию, к внимательному рассмотрению учёным коллекционного материала дала ему возможность правильно оценить проблемы систематики животных и создать систематический порядок в классах птиц, млекопитающих, создать свою концепцию видообразования, упорядочить систематику булавоусых бабочек.

Стремление к научному коллекционированию заставляло отца использовать весь свой служебный отпуск и любое свободное время своему занятию. Каждый год в студенческие каникулы он отправлялся в дальние путешествия, один, с минимальным запасом жизнеобеспечения: один рюкзак и один пустой чемодан с пустыми коробками для сборов. Все путешествия были за свой счёт. Учёные коллеги удивлялись: «Как Вы ездите в такие дали за свой счёт? Почему Вы не требуете от организации служебные командировки?». А он отвечал: «Если я возьму деньги в пединституте, то тогда оставлю нескольких аспирантов без возможности осуществить летнюю практику». Другой довод был такой: «Если я возьму деньги, буду обязан отчитываться, и вообще потеряю свободу».

Наша семья, конечно, чувствовала в некоторой степени этот эгоизм

отца, но никогда не выступала против его научных устремлений. Его эгоизм — это ради науки и ради страны, и для его уверенности в науке. Впрочем, мы не очень-то ощущали того, что большая часть зарплаты уходила на его самостоятельные экспедиции. Нам хватало на безбедную жизнь. Зарплата учёным в советское время это позволяла, и никто не задумывался о завтрашнем дне.

Александр Петрович, как и полагается крупным вдумчивым учёным, был в некоторой степени зануда, то есть — принципиальный, непримиримый к иному мнению, и даже не сдерживался в крепких словах, если ему что-то не нравилось в понятиях оппонентов, говорил такие слова прилюдно, в том числе на конференциях, совещаниях. Вообще, к недобросовестным учёным относился с несдерживаемой эмоцией. Например, когда на каком-то совещании обсуждалась номенклатура зоологических названий животных, некто Пидопличко предложил называть кабана дикой свиньёй, а домашнюю свинью — кабанчиком. Тут мой отец взорвался: «До каких пор хохлы нам будут навязывать свои термины». Или: «Этот Гептнер, фриц недобитый, предлагает что-то …». В принципе, он всегда был прав, но, по моему разумению, не надо было так. Тем не менее, он любил юмор, анекдоты, часто шутил и в семье, и с учениками, иногда подшучивал над ними, но по-доброму.

Отец мне рассказывал, что когда он жил в семье своего отца, у них был большой дом, двухэтажный: для 10 детей от первого брака и 4 — от второго. Отец был 10-м ребенком от первого брака. Семья считалась зажиточной, могла на Московском тракте в Тюменской губернии содержать в своём доме трактир и постоялый двор, конюшню для почтовых подставах. В 1929 году, в период коллективизации в Сибири, деда объявили кулаком, хотя он не эксплуатировал никого, кроме своих детей, тем не менее, расстреляли, как и многих из их семьи. Отцу удалось убежать от расправы и под вагонами доехать до Москвы. Он стремился добраться до Аскании-Нова, однако в Москве его задержал случай. Дальнейшая судьба, скорее всего, будет описана в других очерках, а я хотел сказать не об этом. Поскольку в детстве отца в доме был трактир, алкоголя там было много. Отец рассказывал, что в детстве он попробовал, надо полагать, в немалых дозах. После чего ему было плохо, он проспал под лестницей длительное время, и после этого он зарёкся никогда не пить. В моём детстве отец иногда, потом регулярно принимал рюмочку портвейна с мамой. Дальше — больше. Перешел на «сучок» и не слезал с него до самой смерти. При этом не было никакой агрессии, семья не чувствовала каких-либо сдвигов в сознании. Вероятно, ему это было надо для поддержания тонуса и здоровья. Я его ни в коем случае не осуждаю.

Мне иногда задают вопрос: «Как влияет на тебя фамилия твоего отца в твоей жизни?». Скажу откровенно. Когда мы с Татьяной поступали в институт, отец специально уехал в экспедицию «чтобы никто не мог подумать, что я имею какое-то влияние на поступление детей в вуз». В моём поступлении сказалась история противостояния с Лысенко и изгнание отца с биофака МГУ. А на геофаке оказалось несколько преподавателей, изгнанных с биофака по тем же причинам. В дальнейшем он мне всегда

помогал в науке и жизни, за что я ему всегда благодарен, Правда, были у нас научные споры с размолвкой на полгода по расхождению в географических пониманиях, но это со временем уладилось. Я никогда не пользовался именем своего отца. Мне иногда было неприятно, когда, например, Саша Сорокин, произнося тост на 75-летии Владимира Евгеньевича Флинта, сказал: «Предоставляем тост Володе, сыну знаменитого Александра Петровича Кузякина». На что Флинт его сразу поправил: «Владимир Александрович — это самостоятельная научная единица». В то же 75-летие Флинта в Союзе охраны птиц России он сказал В. Г. Кривенко: «Не надо сравнивать Володю с его отцом, Володя будет посильнее своего отца». Я не знаю, как реагировать на эти высказывания В. Е. Флинта. Помоему, какая разница, что у отца было 150 публикаций, у меня — 250? Ну и что? Никакого значения это не имеет. Важно то, что именно содержится в этих публикациях. Мы жили в разное время, в разных условиях, во многом — разных направлениях науки. Он — больше в зоологической систематике, я — больше — в охотничьем ресурсоведении. Так что сравнивать меня с отцом бессмысленно.

А я всегда помню своего отца, благодарю его за то, что он дал мне глубокую научную школу, школу полевых работ, школу русского языка. Ценю, что он был настоящим учёным, всегда отстаивал свои взгляды и понятия, невзирая на ущерб своему благополучию, что он сделал очень много для зоологической науки. Как однажды сказал Ю. С. Равкин, Александр Петрович создал в зоогеографии целую новую систему научных ценностей. Я согласен с Юрой. Благодарен, что он воспитал много учеников не только в смысле научной школы, но и в отношении человеческой порядочности. А кто там выше или ниже — дело десятое.

Из письма к П. А. Пантелееву 13 мая 1992 года

С. С. Фолитарек

Я знал Шуру с момента его появления весной 1930 г. в Московском зоопарке, когда он договорился с Дядей Петей (так мы все звали Петра Александровича Мантейфеля) о возможности здесь работать. На вопрос, а где будешь жить? — сказал, что ночевать он может, например, здесь в кабинете Петра Александровича на стульях. Шуру тогда поселили на чердаке над клеткой белого медведя, а работать он стал помощником препаратора. Здесь и закрепилась его любовь к природе и коллекциям, мастерское умение набивать тушки зверей и птиц, и многое другое. Приезд Шуры в Москву и всю его дальнейшую жизнь и деятельность я всегда сравнивал с легендарной историей М. Ломоносова. «Да, были люди в наше время» — теперь вряд ли кто согласиться ночевать на стульях.

Александра Петровича Кузякина мне Бог послал

П. А. Пантелеев

Об Александре Петровиче Кузякине воспоминаний написано немало. Кажется всё рассказано в специальных мемуарных книгах: «Московские

орнитологи, 1999» и «Московские териологи, 2001». В статье одной из них я был даже в соавторах. В моей мемуарной книге «Я — зоолог, моя семья и эпоха, 2012» Александру Петровичу посвящены тексты с фотографиями, а под его портретом подпись: «Александр Петрович Кузякин открыл перспективу моего профессионального пути». Упоминается он и в книге «Дорогами победы! Биологи МГУ имени М. В. Ломоносова — фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — Изд. МГУ, 2015». Многогранная деятельность Александра Петровича как учёного-фундаменталиста и как учёного-прикладника, а также выдающегося педагога и зоолога-коллекционера освящены в литературе. Чтобы не повторять сказанное, я остановлюсь только на одной теоретической (фундаментальной) и одной прикладной работе. Это теория видообразования и дератизация крыс-пасюков в Москве.

***

Александр Петрович считал своей главной научной заслугой — вклад в теорию видообразования: скачкообразное превращение одного вида из другого на примере летучих мышей. Было несколько его выступлений с изложением этой теории на зоологических совещаниях с публикацией тезисов. Полностью его теория опубликована дважды: «Труды Института зоологии и паразитологии АН Узбекской ССР, 1956» и «Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, 1958». Чтобы убедиться в том, что формы, получившие название близкие виды, являются не просто морфологическими аберрациями, а действительно разными биологическими видами, есть только один способ доказательства — с помощью современных генетических методов. К сожалению, в период разработки А. П. Кузякиным теории видообразования, у нас в стране генетика была в полном загоне, в связи с процветанием лысенковщины. Не искушённому в генетике человеку трудно было отмежеваться от постулатов Президента двух академий наук, что пшеница произошла из ржи, а кукушка от пеночки. В самом деле, ведь мутации не отрицались биологической наукой.

***

В годы войны чисто прикладная деятельность по истреблению крыс в Москве оказалась весьма эффективной с позиции фундаментальной теории, и завершилась замечательным открытием. Как вдумчивый зоолог, Александр Петрович не просто руководил дератизационными работами. За период 1944-1946 гг. произведены выборки по определению пола у 95 000 пасюков и по генеративному состоянию почти у 53 000 самок. Обработанные данные по «Журналам вскрытий крыс» позволили определить проценты беременных самок, изменения среднего количества эмбрионов по месяцам за три года. В сопоставлении с материалами наблюдательных станций Минздрава СССР по численности крыс за 1942-1946 гг. в Москве, было установлено, что «интенсивность размножения грызунов имеет прямую связь с изменением и состоянием их численности в данный момент». В скрытой форме (другими словами), это означает по современной терминологии внутрипопуляционную регуляцию численности вида.

Этим выводом нанесён первый удар по длительно господствовавшей

теории Мальтуса о геометрическом размножении биологического вида в условиях отсутствия внешних сдерживающих факторов. Публикация этих материалов с основательными фактическими данными (11 таблиц и 3 графических рисунка) осуществлена под скромным названием «О размножении пасюков в городах» в журнале «Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 57, вып. 3, 1952». Похоже, что Александр Петрович сам не оценил своего открытия о несостоятельности мальтусовской теории, которая несла большой вред биологической науке, особенно в экологической области динамики популяций. Впрочем, возможно он сознательно обошел скользкую тему, ибо в то время это был бы выпад против данной Партией всепоглощающей философской «установки», что всякое развитие (борьба) происходит под воздействием внешних, но отнюдь не внутренних факторов. Страна находится под прессом (вражеских) внешних факторов. А внутренние факторы сохраняют страну в покое. Борьба возможна только между странами (межвидовая), внутри страны мир и покой (внутривидовая исключена). Я думаю, что в основе всех идей «народного академика» Т. Д. Лысенко, а также его сподвижников, включая наиболее известных Г. М. Бошьяна и О. Б. Лепешинскую, лежало внедрение в практику именно этой партийной «установки». Иначе, с высоты нынешнего времени не хочется думать, что все так называемые лысенковцы, включая и самого лидера, были полные дурни от науки, не желающие белое называть белым, а чёрное видеть чёрным. Полагаю, что ради личного благополучия и прорыва по иерархии вверх, или в заблуждении под влиянием общего «установочного фона», многие учёные подстраивались под философскую партийную линию, а вузовские преподаватели через микроскопы упорно видели «грязь», смотря на хромосомы. Мы привыкли весь вред, нанесённый биологии в тот период, относить в первую очередь на Т. Д. Лысенко. Задумаемся, а мог ли один человек перевернуть такую свободную отрасль человеческой деятельности, как наука, если за ним нет великого открытия, и если сам он не политический тиран. Поскольку Т. Д. Лысенко к первой позиции отнести никак невозможно, остаётся второе положение. И если устраивать «великой партии» покаяние типа Нюрнбергского процесса, одним из обвинительных эпизодов должен быть отброс на 20 лет назад биологической науки.

Идея возможной авторегуляции популяционной численности в конце 1940-х годов назревала в умах экологически мыслящих зоологов. Александр Петрович впервые представил фактические данные по теме на Второй Всесоюзной экологической конференции в 1950 г. в Киеве. С докладами по этой проблеме выступили также Н. И. Калабухов и А. Н. Формозов. Особенно ценным для видения проблемы с физиологической стороны было сообщение ленинградского физиолога И. Д. Стрельникова. На Конференции разразилась бурная дискуссия с ругательствами и обзываниями в принадлежности к буржуазной науке, с крикливыми выпадами наклеивания ярлыков. Я попал на конференцию по случаю, будучи ещё первокурсником МГУ. Не понимая сущности дискуссионного скандала между сторонниками межвидовой и внутривидовой борьбы, я был поражен накалом выступавших. В конечном итоге Конференция приняла резолюцию,

налагающую табу на всякое изучение экологических факторов эндогенного характера. Так в нашей стране важнейшая теория в экологии животных была убита на корню в самом начале своего развития.

За рубежом началом развития теории эндогенной динамики численности, видимо, надо считать 1960 г., когда вышла статья английского зоолога Д. Читти: «D. Chitty. Population processes in the vole and their relevance to general theory //Canad. J. Zool., 1960, 38, N 1». Она открыла целую лавину журнальных публикаций по развитию теории в разных странах. Среди наиболее часто встречающихся авторов назову Д. Христиана (J. J. Christian) и Д. Девиса (D. E. Devis). Соединённая с теорией стресса Ганса Селье, эндогенная теория динамики численности популяций пришла к нам в страну, завоевав большую популярность среди специалистов. Жаль, что имеем — не храним, потерявши — плачем.

***

Для характеристики чисто человеческих качеств Александра Петровича Кузякина, я задумался о форме изложения моих воспоминаний. Отношения с ним длились с той поры, как я был восьмиклассником и до его берёзки на Щербинском кладбище Москвы. Как назвать эти отношения, если Александр Петрович был для меня как отец родной. Бывало мы годами не общались, живя по разным городам. Но так бывает и в настоящих семьях. Мне представилось, что если я буду писать всё последовательно, то это будет переплетение двух биографий. Но ведь у меня задача представить материалы только для одной биографии. Свою жизнь со всеми предками и потомками я уже изложил в семейной саге «Я — зоолог …». Поразмышляв, я выбрал форму изложения воспоминаний о дорогом человеке в виде эпизодов.

***

Эпизод № 1. 1948 год. Александр Петрович после подготовки докторской диссертации приехал отдохнуть к сестре в мой родной город Тобольск. С ним две студентки и аспирантка Надежда Николаевна Скокова. Конечно, Александр Петрович не мог не посетить краеведческий музей, где работал и жил известный природовед Михаил Петрович Тарунин. Я был завсегдатаем музея как председатель юннатского кружка, организованного Таруниным, а Михаила Петровича чтил больше отца родного. К тому времени я вёл фенологические наблюдения с 1942 года, и мой дневник «Лесная газета» был насыщен преимущественно наблюдениями за птицами и рисунками. Александр Петрович вполне оценил мою любовь к природе, к птицам, рассказывал, где и как учат стать орнитологами. Вернувшись в Москву, прислал мне «Определитель птиц» с наставлением, чтоб продолжал птиц любить и не бросал ими заниматься. С той поры А. П. Кузякин взял меня под свою эгиду.

***

Эпизод № 2. В Тобольске в один из дней Александр Петрович с тремя своими девицами решили совершить экскурсию на другой берег Иртыша. У всех рюкзаки, а у Кузякина ещё и ружьё. К вечеру порядочно устали, да ещё и вымокли снизу при переходах бродов. Стемнело. Решили переночевать в ближайшей деревенской бане. Спали на полках, как убитые.

А к утру в баню врываются мужики то ли с палками-вилами, то ли с ружьями. Арестовывают наших экскурсантов (очень они подозрительны) и ведут в сельсовет. В доме власти всё выяснилось. Мужиков поблагодарили за бдительность, а экскурсантов отпустили.

***

Эпизод № 3. 1950 г. Я приехал в Москву с намерением поступать в Пушно-меховой институт, имевший, по рассказам Александра Петровича, хорошую известность по подготовке биологических специалистов, в том числе и орнитологов. В Университет, на чём настаивал Александр Петрович, решил не рисковать: провалюсь — назад в Тобольск, а там меня ждёт военкомат. Прямо с вокзала еду к Кузякиным в Останкино. Одинокий деревянный домик в центре огороженной площади, в котором жила семья Александра Петровича, оказался под замком. В замке была хорошо свернутая бумага — для меня письмо. Сообщается, что мой наставник уехал со всей семьёй в Камышин для работы на лесополосе. Но я не забыт. Мне надлежит перейти через дорогу, там биостанция МГУ, и у профессора Ларионова для меня есть пакет.

На биостанции меня уже ждали. Это была таксидермическая мастерская. Вячеслав Федорович Ларионов был необычайно приветлив, сказал, что здесь на базе я могу ночевать, и вообще, если будет необходимость, жить сколько угодно. Какие люди! Как принимают парнишу! Пакет от Александра Петровича был посвящён обстоятельной агитации моего поступления не в «Балашиху», а в Университет. В случае провала, для жилья будет эта биобаза. Подав документы на биолого-почвенный факультет МГУ, я получил ордер на университетское общежитие в «Стромынку».

После сдачи вступительных экзаменов я не набрал 24-х мужских очков, меня нет в списке принятых. Биология в ту пору была не в моде, парней поступало много меньше, чем девушек, и для них один вступительный балл был скошен. А у меня две «четверки» — немецкий язык и химия. Иду получать назад вступительные документы. О!…Великая Радость! Зачислен сверх списка. Мне возвращается мой фенологический дневник «Лесная газета», и к недостающему баллу, говорят, есть в деле характеристика от А. П. Кузякина. Одновременно со мной принят, тоже недобравший, Лео Степанян из Ессентуков. За него похлопотал кто-то из профессоров Зоомузея. Так и остались наши спальные кровати рядышком в «Стромынграде».

***

Эпизод № 4. Став первокурсником, иногда я ездил в Останкино повидаться со своими благодетелями. В. Ф. Ларионов создавал специальную ландшафтную учебную коллекцию птичьих тушек для географического факультета МГУ. Постоянно подчёркивал, что очень недостаёт малого лебедя (*Cygnus bewickii*), обитающего только в тундре, откуда трудно получить материал. Александр Петрович решил, а почему бы мне не совершить летом необходимую поездку в тундру. Этому способствует высокая цена на птичьи тушки, в особенности из редких дальних мест. Началась моя подготовка к экспедиции при постоянном руководстве Александра Петровича. Каждое воскресение мы ехали до платформы «43 км» Ярославской

ж. д. Там мой шеф подстреливал 2-3 птицы: синиц, иногда поползня, дятла. Возвратившись в останкинский домик, после обеда и отдыха мы обрабатывали добычу. У Александра Петровича получались отличные тушки, у меня — вполне корявые. В работе и беседе время проходило быстро, неоднократно я спохватывался успеть бы на последний трамвай.

Экспедиция моя была намечена на полуостров Ямал, в район реки Щучьей, где ряд лет назад работали университетские зоологи В. В. Кучерук, Т. Н. Дунаева и В. И. Осмоловская. Я проштудировал их публикации с результатами экспедиции, а на одном из МОИПовских четвергов решил поспрошать самого В. В. Кучерука о тех местах, куда мне предстояло добираться. Кучерук сразу спросил с кем я еду. На ответ: «Один, — сказал, — это невозможно», и я перестал его интересовать. Одному и в самом деле нельзя: где-то рюкзак надо поохранять, поискать лодку, катер, оказию … Но я не сознался, что со мной будет девица. В Котласе ко мне в поезд присоединилась студентка Свердловского университета, моя тобольская подруга.

***

Эпизод № 5. Из экспедиционного вояжа я привёз для В. Ф. Ларионова засоленные шкурки двух лебедей, тундровых куликов и других птиц (виды не помню). Оплата окупила все расходы, да ещё купил фотоаппарат «Киев» и хватило на бостоновый костюм. Спутница моя представила у себя курсовую работу по материалам красной полёвки. Александр Петрович потребовал быстро обработать материал по проведённым учётам птиц, для подготовки доклада на Зоологической секции МОИП. В один из зимних четвергов моё сообщение состоялось совместно с докладом Дмитрия Ивановича Бибикова о сурках. Александр Петрович передал мне, что А. Н. Формозову мой доклад понравился больше, чем бибиковский. Теперь ко мне сам подошел В. В. Кучерук с расспросами, а в заключении предложил в предстоящее лето принять участие в его экспедиции на нижнюю Волгу для исследовательских работ в туляремийном очаге. Я посоветовался с моим наставником. Он отнёсся положительно, отметив, что в результате может быть собран материал на курсовую работу. (Получилось даже и на дипломную).

Для завершения обсуждаемой темы укажу, что по представлению Александра Петровича, я был избран членом Московского общества испытателей природы. Членский билет № 1464 за подписью В. Н. Сукачёва. По учётам ямальских птиц вышли две идентичных публикации: 1) Учёные записки МОПИ, т. 65, вып. 3, 1958 и 2) Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, вып. 1, 1959.

***

Эпизод № 6. После третьего семестра второго курса физически здоровых парней неожиданно волюнтаристски переводят на химический факультет для обучения по секретной тематике. Еду к Александру Петровичу в полном шоке. Будем бороться, заявил он. После того, как набралось до десятка характеристик, аргументирующих целесообразность возвращения раба божьего в зоологическую альма-матер, были разосланы письма с копиями характеристик ректору МГУ акад. И. Г. Петровскому, президенту АН

СССР акад. А. Н. Несмеянову и в ЦК КПСС. Всё дирижировал мой дорогой наставник. Через месяц возвращение состоялось по указанию ректору МГУ из ЦК.

***

Эпизод № 7. После окончания Университета менее чем через полгода я оказался волею судьбы нелегальным свободным волонтером в МГУ. На этот раз на географическом факультете. На кафедре биогеографии работал Вячеслав Федорович Ларионов, завкафедрой Анатолий Георгиевич Воронов, другие сотрудники — Н. В. Тупикова, А. М. Чельцов-Бебутов и т. д. — все меня знали и хорошо ко мне относились. Судьба и здесь свела с Александром Петровичем. Как приглашённый почасовик, он читал студентам курс зоологии. Нередко заранее давал мне для подготовки какую-нибудь систематическую группу животных, которую затем я сам читал студентам.

***

Эпизод № 8. В качестве младшего научного сотрудника новосибирского Биологического института СО АН СССР работаю в составе Барабинской экспедиции по борьбе с водяной полёвкой на массовом размножении этого вредителя. Каждое лето в состав экспедиции приезжает из Москвы А. П. Кузякин (кстати, вместе со всей семьей и полдюжиной своих студенток). Начальник экспедиции С. С. Фолитарек назначает Кузякина начальником авиаотряда. Я числюсь его заместителем. Работаем вместе как коллеги, постоянно общаемся, можно сказать, дружески. Я не чувствую ни малейших начальственных, командных ко мне отношений.

***

Эпизод № 9. Мною подготовлена рукопись кандидатской диссертации на тему «Экология водяной полёвки в Волго-Ахтубинской пойме и в Барабинской лесостепи». В отличие от европейских и американских правил, у нас на диссертации должен значиться на титуле научный руководитель (или руководители). Ставлю на титул своего толмуда В. В. Кучерука, как Волго-Ахтубинского шефа, и А. П. Кузякина, как Барабинского шефа. Но, ни тот, ни другой рукописи не видел. Из Новосибирска везу свой толмуд в Москву на благословление диссертационных руководителей. В. В. Кучерук продержал рукопись два дня, и по возвращении сказал только одно замечание — снять его фамилию с титула. Я в замешательстве. «Но почему? — отвечает, — Не хочу быть вместе с Кузякиным». А я и не знал о нетерпимости их взаимоотношений. Передаю рукопись Александру Петровичу, сообщаю решение В. В. Кучерука. Также через два дня возвращает рукопись со своим решением: 1) Диссертация в объеме докторской, надо только добавить теоретическую, хотя бы и водянистую главу, 2) Эту рукопись существенно сократить, нельзя в кандидатскую отдавать столь богатейший материал, 3) С титула снять надо только мою (А. П.) фамилию. Кучерука обязательно оставить, он человек не простой, чтоб в будущем тебе не напакостил (как в воду глядел!!!).

Переделав, с полным сокращением текста, кандидатскую я защитил в Новосибирске в 1964 г., а подработав материалы, по совету моего ГУРУ, докторскую — в начале 1969 г.

***

Эпизод № 10. В связи с тем, что по велению жизни мне пришлось основную ориентацию сменить с орнитологии на териологию, Александр Петрович, когда я к нему приходил, бывало встречал меня фразой: «А, перебезчик пришёл». Но это было сказано добродушно. Мне хотелось хотя бы частично от этого ярлыка избавиться. Когда представлялся случай, я работал по птицам. Так, даже в Волго-Ахтубе, где всё было посвящено водяной крысе, я собрал материал и опубликовал статью «Значение серой вороны в Волго-Ахтубинской пойме // Сб. Орнитология, вып. 7. — Изд-во МГУ, 1965». Будучи директором Тобольского краеведческого музея, нашёл деньги для экспедиции на реку Конду с чартерным У-2. Проведённые там учёты птиц опубликованы: «Материалы к количественной характеристике авифауны южной тайги Зауралья // Сб. Орнитология, вып. 10. — Изд. МГУ, 1972».

В период работы в Новосибирске была териологическая экспедиция в Нарымский край Томской области. Между «териологическими» делами удалось провести учёты птиц, опубликованные в статье «О птичьем населении долины Оби и прилежащих ландшафтов в Нарымском крае // Сб. Орнитология, вып. 10. — Изд-во МГУ, 1972».

Эти работы не канули в вечность. Данные учёты использованы в капитальных зоогеографических трудах учеником Александра Петровича Ю. С. Равкиным, который усовершенствовал методы учёта птиц нашего общего учителя и продвинул дальше идеи Александра Петровича до создания нового направления — факторной зоогеографии.

Наконец, уже после того как Александра Петровича не стало, я выполнил ещё по его методике учёты: 1) «Состав, динамика, фенология птиц Боровского района, 2009», 2) «Птицы юго-западных окраин Подмосковья // Брошюра «Тр. Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», т. 6. — Изд. Зоомузея МГУ, 2010».

***

Эпизод № 11. Наш старший сын Александр сдаёт вступительные экзамены на биофак МГУ и не набирает проходного балла. С теми же баллами без дополнительных экзаменов, с подачи Александра Петровича его зачисляют в МОПИ им. Н. К. Крупской.

Саша в пединституте становится отличником. После первого курса в летние каникулы по заданию Александра Петровича едет в экспедицию в Туву. Александр Петрович понимает разницу дипломов Университетского и Пединститутского. На втором курсе способствует переводу Саши на биофак МГУ. Саша становится студентом кафедры высшей нервной деятельности (зав. проф. Л. Г. Воронин). После окончания МГУ зачисляется в лабораторию клеточной нейрохирургии Института химфизики, где директор акад. Н. Н. Семёнов. Вначале работать было интересно. Но через год понял, что карьера учёного не несёт соответствующей материальной отдачи. Уволился и ушёл администратором в музыкальный ансамбль. «Но это уже совсем другая история».

***

Переехав из Новосибирска в Москву, с Кузякиными мы дружили се-

мьями, отмечая вместе какие-либо события, праздники.

Я не знаю, кем бы я был, если бы на моем пути жизни не встретился столь замечательный бескорыстный Человек и учёный. Царство тебе небесное дорогой и любимый Александр Петрович. В памяти всей моей семьи ты останешься до конца наших дней.

Мой коллега — Александр Петрович Кузякин

Н. П. Матвеев

Александр Петрович Кузякин был любимым преподавателем студентов. Его лекции всегда были интересны, отличались широтою взглядов, глубоким освещением проблемы. При освещении того или иного вопроса он излагал взгляды и идеи различных учёных и, как правило свое понимание и отношение к проблеме. Александр Петрович был прекрасным лектором, мог заинтересовать, увлечь аудиторию, показать важность проблемы. Им было написано учебное пособие «Зоогеография СССР» 1962 г., по которому прошли подготовку многие студенты биологического и географических факультетов.

Большое внимание Александр Петрович уделял научной подготовке студентов. Под его руководством студенты выступали с докладами на научных конференциях. Доклады публиковались в изданиях института. Студенты реально ощущали важность проблемы и результаты своих исследований.

Александр Петрович всегда был окружен учениками, которые разрабатывали его идеи. Им были подготовлены 77 кандидатов наук, из которых 40 кандидатов из социалистических стран. Много времени он уделял полевым исследованиям. Александр Петрович был учёным — натуралистом. Он считал, что без полевых исследований не может быть полноценной научной работы. Его все ученики были натуралистами.

Александр Петрович каждый год использовал для полевых исследований, которые он проводил на широкой географической основе. Он считал, зоогеографические исследования могут внести большой вклад в природное районирование территории СССР. Александр Петрович считал, что надо пропагандировать новые научные идеи, чтобы они прошли обсуждение в широкой научной аудитории.

Мне запомнился его доклад на ученом совете географо-биологического факультета о биологическом виде и видообразовании, в котором он изложил свою теорию видообразования. Александр Петрович решительно отстаивал свои взгляды и идеи.

Выпускники и коллеги биологического и географического факультетов с большой благодарностью вспоминают Александра Петровича.

О Профессоре Александре Петровиче Кузякине

Женг Гуанмей

Профессор и доктор А. П. Кузякин оказал важное влияние на развитие зоологического, экологического и зоогеографического направления в науке Китая. Он отдал всю свою жизнь делу науки. Его незаурядные

взгляды, работоспособность и энтузиазм в науке и особенно его большое внимание к практическим работам, стали примером для его китайских студентов. Многие из его китайских студентов провели замечательные исследования по рептилиям, птицам и зверям и стали ведущими специалистами в этих направлениях. Конечно же это заслуга А. П. Кузякина

Вспоминая Александра Петровича Кузякина

Ю. П. Губарь

Александр Петрович оказал большое влияние на некоторые существенные стороны моей жизни, хотя я не входил в число его студентов, аспирантов или близких учеников. Осознание этого пришло, благодаря нескольким моим личным выступлениям, а также коллег, на заседаниях научных обществ, посвященных памяти А. П. Кузякина. Произошедшее со мной, а также многие другие причины, позволяют мне считать полезным для личностного восприятия издание сборника воспоминаний об этом замечательном ученом и человеке.

В 1957-1960 гг. я был студентом Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина и учившийся курсом старше А. В. Мошкин (однокурсник Н. Н. Дроздова и П. П. Второва) привел меня (своего подопечного и впоследствии соавтора) в удивительное сообщество. Называлось оно межвузовским студенческим объединением (официальное его название, возможно, звучит иначе). Работало оно при Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской и руководил им профессор А. П. Кузякин.

Возможно, меня не сильно поразила атмосфера этих собраний, и я, по наивности, полагал, что так должно и быть. Рабочая степень свободы, уважительное, дружеское, при всей горячности, обсуждение, насыщенное, по возможности конечно, содержание выступлений и реплик — все это, в значительной мере определялось личностью Александра Петровича. Обычно делалось это ненавязчиво, при необходимости — твердо. Здесь были равны (в «правах») зеленые энтузиасты и уже «маститые» докладчики — полевики, аспиранты и далее по рангам. При всей демократичности, позитив деятельности преобладал. Я оценил это позже, когда понял — мне повезло, не так много я видел впоследствии подобных обсуждений.

Здесь уместно вспомнить черту, характерную для Александра Петровича, — чем «зеленее» был его собеседник, докладчик, тем мягче, бережнее он обращался с ним, хотя пустословия он не терпел. Напротив, в баталиях «верхнего» уровня, на «взрослых» совещаниях, Александр Петрович бывал жестким и неуступчивым, мог быть и язвительным. Кстати, в то время, мне казалось, что личные отношения отделялись от научных споров — это были два разных поля.

На занятиях, конечно, Александр Петрович мог распекать студентов, но мне он запомнился скорее улыбчивым, добродушно посмеивающимся над попытками воспроизвести его точные манипуляции при работе с тушками зверьков. У него всё получалось легко, как бы само собой, вроде бы иначе и нельзя. Я наблюдал это и во время занятий на биостанции

в 1975 г., где Александр Петрович дал мне работу в тяжёлое для меня время. Это тоже было очень характерно для него — если он мог помочь, то он помогал.

Не буду говорить о роли Александра Петровича в науке. Об этом, есть кому сказать. У меня — личное. Попытаюсь изложить те его методические подходы при сборе, изучении и изложении материала, которые я приобрёл, осознал и усвоил в значительной степени благодаря Александру Петровичу.

Во-первых, кажется, от Александра Петровича я услышал лозунг «Термин — это знамя». Действительно, ведь знамя — это сигнал, который собирает бойцов в дыму сражения, или единомышленников в иных битвах. Термин, как необходимая ступень понимания. Этому учил Александр Петрович. Если адекватного и удобного термина нет, то его следует придумать и внятно обосновать его полезность, его отдельность от схожего термина, не впадая в избыточность.

Во-вторых, обнаружение смыслов в хаосе информации возможно путём ранжирования, структурирования массива данных. Тогда можно искать ещё и неизвестное. Конечно, это азбука, но ко меня она пришла от Александра Петровича. Взять хотя бы простую операцию по оценке численности. Для меня, всю мою «карьеру» это было основным занятием. Мы выделяем виды: многочисленные, обычные, редкие и характерные из редких. На эту ось нанизывается масса уточнений, исключений и проч., но в «хаосе» уже проложена тропа. Мне это очень пригодилось, когда с 1980-х годов и до сравнительно недавнего времени я занимался проектами Оценок воздействия на окружающую среду (ОВОС). В них необходимо «восстанавливать» среднемноголетние характеристики животного населения при отсутствии представительных полевых данных на конкретных территориях, ведь данные за 1-2 сезона случайны.

В-третьих, использование картографического кадастра, картосхем и вообще пространственная точность результатов из публикаций. Точечные схемы ареалов из «Определителя млекопитающих СССР» (1965) под редакцией А. П. Кузякина до сих пор не имеют аналогов и не потеряли своего значения. «Закрывая» точки нахождения леммингов к югу от Архангельска, я ориентировался по карте из этого источника.

В-четвёртых, разнообразие объектов внимания (птицы, рукокрылые, бабочки и проч.) и проблем с ними связанных для Александра Петровича было не разбросом интересов, а, в сущности, одним из инструментов глубокого познания природы, включая теории высокого уровня.

В-пятых, внимание к практической стороне исследований, будь то медицинская или сельскохозяйственная зоология, или практика научной работы, методика, от сбора полевых материалов до написания статей. Мне очень жаль, что я знаю о работе Александра Петровича с авторами только понаслышке. Однако даже она полезна. Поэтому к своим текстам стараюсь относиться строго. Не знаю насколько это получается.

В-шестых, жажда коллектирования, дремавшая во мне, в лице Александра Петровича, получила идейную и технологическую поддержку. Он говорил: «Редкие виды надо добывать, они должны быть в коллекциях!»

К сожалению, тех высот, на которых работал Александр Петрович с коллекционным материалом мне достичь не удалось. Правда, кое-где кое-что хранится! В области таксидермии руки Александра Петровича — это отдельная песня. Его сын, Владимир Александрович, к счастью унаследовал многое от отца, в том числе и замечательные руки.

В своё время Александру Петровичу не удалось «получить свою долю» в министерских баталиях за создание при кафедре зоологии проблемной лаборатории, которая была создана лишь в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ) им. В. И. Ленина. Я имел удовольствие работать в ней с 1964 по 1974 гг. Считаю, что мне повезло там с руководством — научным С. П. Наумова и административным А. А. Иноземцева. Кроме того, кафедра зоологии МГПИ, особенно её орнитологическая составляющая, была очень сильной, но и та внимательность, с которой Александр Петрович растил «молодую поросль» была мне очень полезной.

Склоняясь перед памятью своих учителей — Петра Петровича Смолина, Иосифа Иосифовича Малевича, Николая Николаевича Руковского, Сергея Павловича Наумова и многих других, в числе их должен признать и значительное место Александра Петровича Кузякина. Учителей не забывают, если есть понимание того откуда что берется. Увы, от них при большем старании и способностях можно было бы получить, перенять много больше.

Не знаю, был бы Александр Петрович в восторге от того, что я считаю его одним из своих основных учителей, хотя и с ограниченным контактом, но для меня он — Учитель.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Э. В. Рогачева

Я познакомилась с А. П. Кузякиным в 1950-е годы. К нам на кафедру зоогеографии географического факультета МГУ пришел новый преподаватель. Молодой, моложе остальных — ему было в это время лет 40. И сразу повеяло свежестью.

Мы любили своих преподавателей, все они читали хорошо. Но кафедра зоогеографии (потом она стала кафедрой биогеографии, объединившись с кафедрой географии растений) была организована недавно, и руководство кафедры, видимо, искало новых интересных преподавателей. И вот нашли А. П. Кузякина. Он читал менее академично — гораздо непосредственнее и веселее.

Я не помню точно, какие курсы он нам читал. Кажется, ландшафтную зоогеографию. И много говорил также о медицинской зоологии, о которой мы не имели представления.

Мы были первым выпуском кафедры зоогеографии — всего 5 человек: Н. Барсанова, В. Бутьев, Л. Лавров, Э. Рогачева, А. Столяров. Несмотря на нашу малочисленность, Александр Петрович с нами возился очень много. Кроме лекций, он оставался и отвечал на наши бесконечные вопросы — о новых для нас областях науки. Он объяснял нам, зачем нужно создавать на кафедре учебную коллекцию птиц и млекопитающих

(в то время это была одна из главных забот всех сотрудников кафедры, включая А. П. Кузякина и В. Ф. Ларионова). Он даже ездил с нами в лес слушать птиц.

В 1962 г. вышла основная зоогеографическая работа А. П. Кузякина — «Зоогегография СССР». В ней он изложил свои представления о месте зоогеографии в системе других наук, историю ее возникновения в России, основы и методы исследований ландшафтной зоогеографии. Для нас она была в дальнейшем настольной книгой в наших работах.

Ландшафтная зоогеография в те годы была делом новым. Её идейные родоначальники — В. В. Докучаев и Л. С. Берг. Л. С. Берг разработал учение о ландшафтах и развил учение В. В. Докучаева о природных зонах. А. П. Кузякин преклонялся перед Л. С. Бергом, упоминал его постоянно в своих лекциях и просто в разговорах. Мнение Берга было для Александра Петровича всегда внутренней поддержкой, благодаря которой он сравнительно успешно сражался со своими многочисленными оппонентами среди зоологов. «Как сказал Лев Семенович Берг, …» — мы слышали это очень часто.

В 1950 г. (год смерти Берга) А. П. послал ему тезисы своего доклада «О характеристиках распространения наземных животных» для 2-й экологической конференции в Киеве. И получил от Льва Семеновича ответное письмо — 25 ноября 1950 г., написанное меньше чем за месяц до смерти (он умер 24 декабря): «Я всегда считал, что зоогеография — это раздел географии, а не зоологии. География на все предметы и явления смотрит с точки зрения нужд человека, и перед зоогеографией стоят те же практические задачи, на которые Вы справедливо указываете».

Помимо ландшафтной зоогеографии, А. П. Кузякин познакомил нас и заразил важностью изучения количественных характеристик животных. До этого зоологи не обращали на численность животных особенного внимания. Наоборот, изучать редкие виды считалось гораздо более интересным. Вероятно, впервые А. П. обратил внимание на необходимость учёта численности животных во время своих занятий медицинской зоологией в конце 1930-х годов. Разработку методов количественного учёта разных групп животных А. П. Кузякин считал важнейшей задачей.

Вдохновившись необходимостью количественной характеристики населения птиц и разработки современных методов этой оценки, в 1954 г. я написала под руководством Александра Петровича свой диплом — о количественной характеристике птиц смешанного леса Подмосковья — благодаря опять же предоставленной Александром Петровичем возможности работать на базе Крюковской биостанции МОПИ.

Написала диплом. Александр Петрович его одобрил. Защита диплома — это было первое мое выступление перед научной публикой (до этого были только доклады на Научном студенческом обществе). Я не очень себе представляла, как это делается. Я была уверена, что работа у меня хорошая. Иллюстрации тоже были хорошие. Я развесила свои карты и таблицы с учётами численности птиц. Кое-что было мною придумано и в методике учётов. В общем, я была уверена в успехе. Поэтому, ничто же сумняшеся, я выступила примерно так:

— Здесь дана характеристика населения птиц смешанного леса Подмосковья. Но это не самое интересное. Самое интересное — это новая методика учёта птиц. Поэтому я буду говорить в основном о ней … . И говорила о методиках — разных и моей в частности.

Мне было задано много вопросов. А под конец одна из очень почтенных преподавателей — Н. В. Тупикова сказала: Ну, Рогачева изложила все безобразно, почти не коснулась основной темы диплома — птиц, а эти новые методики — кому они интересны? И предложила поставить мне за диплом «4».

Это было бы, конечно, позором. Но не согласились другие преподаватели, поставили «5». А для меня это стало хорошим уроком. Но я считала, что пострадала за «правое дело» — защитила количественные учёты, преподанные нам Александром Петровичем.

Материалы для диплома я собирала, присоединившись к полевой практике, которую Александр Петрович проводил со студентами 2-го курса МОПИ. Летом 1954 г. на 2-м курсе МОПИ биологов было человек 30, из них почти все девчонки, мальчиков было только два. И один из них был Юра Чернов — впоследствии известный академик. Александр Петрович очень тепло к нему относился. Потом он, и как будто, его жена Нина Михайловна тоже были у него аспирантами — писали диссертации «по очереди» (так как у них родился маленький сын) — сперва Чернов, потом жена. А на полевой практике 1954 г. Александр Петрович со всеми студентами лазил по лесам и болотам около Крюкова. Чернов сильно хромал, и ему было очень трудно всюду лазить, прыгать и карабкаться, но он делал это безукоризненно, никогда не отставал и даже помогал девочкам.

Александр Петрович очень хорошо знал голоса птиц, отлично ориентировался в лесу, показывал нам и зверей, и растения, и насекомых. Было очень интересно! И все весело, просто, хотя и серьезно тоже.

Я окончила университет в 1955 г. Заранее — за год — Александр Петрович предложил мне идти к нему в аспирантуру. Благодаря этому у меня был спокойный 5-й курс: мне не приходилось волноваться и искать будущую работу, как это делали мои сотоварищи. Сама кафедра, кажется, тогда не очень заботилась, куда пойдут работать её бывшие студенты (первый выпуск — думали, что всё просто, сами найдут и выберут себе работу).

В результате лекций Александра Петровича мы все слегка помешались на природных зонах и на ландшафтной зоогеографии. Для меня это стало основой всей моей будущей работы. В результате вдоль Енисея — отличного зонального «разреза» Северной Азии от полярных пустынь до пустынь Центральной Азии (3600 км с севера на юг) — мы с Е. Е. Сыроечковским с 1956 г. стали вести работы по характеристике фауны отдельных зональных выделов этого разреза и – тоже с подачи Александра Петровича — занимались количественной характеристикой животного населения этих выделов.

В 1965 г. в Алма-Ата на 4-й Всесоюзной орнитологической конференции А. П. Кузякин сделал доклад о первых итогах развития ландшафтной зоогеографии. Она развивалась со скрипом. Первыми удачами Александр

Петрович считал рост интереса к распространению количественных учётов птиц, созданию региональных орнитологических сводок и к рационализации использования охотничьих ресурсов.

После лекций Александра Петровича по ландшафтной зоогеографии, о необходимости ландшафтного районирования, о меридиональных разрезах через все природные зоны на территории разных природных регионов СССР, о необходимости количественной характеристики населения животных мои представления о будущей работе изменились и пополнились. Всё это я применяла в течение всей последующей жизни.

Предложив мне аспирантуру, Александр Петрович нарисовал такую общую картину. Он берет несколько аспирантов, даёт каждому задачу — один из «разрезов» нашей страны: Европейская Россия, Западная Сибирь. Восточная Сибирь, Дальний Восток. Аспирант должен (в одиночку, со спальным мешком) поработать во всех природных зонах — с юга на север: в пустыне, степи, тайге, тундре — и составить количественную характеристику населения птиц каждого зонального выдела. 5-6 аспирантов — и будет готова первая орнитогеографическая характеристика всей страны!

Это, конечно, была мечта, но я восприняла её вполне серьезно. Александр Петрович исходил из собственного опыта: он на свои деньги ездил по всей стране и делал подобную работу. Мне он предложил Западную Сибирь — от Казахстана до Карского моря. Надо было только найти минимум денег или присоединиться к какой-то экспедиции.

Мои родственники и все кругом были в ужасе: молодая неопытная девчонка поедет невесть куда одна, без всякой поддержки и без денег! Надо было искать минимальные средства и, по возможности, спутников по экспедиции.

Я стала искать — и нашла с помощью Е. П. Спангенберга, который посоветовал, куда обратиться. В Институте географии АН СССР предполагалась подобная экспедиция вдоль всего Енисея на протяжении нескольких лет под руководством Е. Е. Сыроечковского. Западную Сибирь пришлось поменять на Среднюю. И это была моя судьба! А всё из-за красноречивых лекций Александра Петровича!

Е. Е. Сыроечковский, человек, совсем не похожий на Александра Петровича, был увлечён теми же идеями. В результате работы на Енисее, организованные им, — не только орнитологические, но и комплексные, включая все биологические ресурсы Енисейской Сибири и их использование, — продолжались 43 года — с 1956 до 1998 гг.

Я была в аспирантуре в 1956-1959 гг. в МОПИ, на кафедре, которой руководил А. П. Кузякин. Но в 1957-1958 гг. он уезжал на работу в Китай, и поэтому большую часть своего аспирантского срока я провела, когда кафедрой зоологии руководил профессор В. Ф. Натали. Диссертацию я защитила только в 1966 г., поскольку была возможность продолжать полевые исследования в Средней Сибири от Института географии АН СССР, куда я поступила работать, ещё не закончив аспирантуру.

Осенью 1956 г., после первой удачной экспедиции в составе коллектива Института географии АН СССР, чтобы иметь возможность ездить

в экспедиции и дальше, я поступила работать в отдел биогеографии, к А. Н. Формозову — туда же, где работал Е. Е. Сыроечковский. Вернее, формально я числилась в отделе биогеографии, а меня взяли как референта по иностранной переписке к директору Института — И. П. Герасимову. И с тех пор, с 1956 до 1969 г., я вела его иностранную переписку — переводила ему приходящие письма, иногда и отвечала (на английском, французском и польском, которые я знала лучше). А переводить пришлось с 18-ти европейских языков! (с литовского, венгерского, румынского, испанского, итальянского и пр.). Мне это даже нравилось, но занимало, конечно, много времени. Зато мне разрешили участвовать в экспедициях Института, и я могла ездить на свой Енисейский разрез!

Увлечённость работой у Александра Петровича нам казалась невероятной. На работе и дома, за счёт отдыха и сна. Потом мы поняли, что это вполне естественно — только так и можно заниматься научной работой. Но в студенческие, сравнительно свободные годы это производило на нас особое впечатление.

При огромной работоспособности он всё делал очень тщательно, был требователен к себе и ко всем своим ученикам.

У Александра Петровича были замечательные коллекции — териологическая (в основном рукокрылые и землеройки), оологическая и лепидоптерологическая (дневные бабочки). Качество экземпляров было бесподобным, безукоризненным, всё было чисто, аккуратно. Смотреть за тем, как он все это делает, было безумно интересно: сравнительно крупные, грубые мужские руки делали тончайшую работу изумительно!

Оологическая коллекция Александра Петровича состоит из 1200 кладок 500 видов птиц СССР. Сейчас она находится в фондах Зоологического музея МГУ, сохраняя свой мемориальный статус. Помимо яиц, к каждой кладке прилагается или гнездо (для птиц размером до дрозда) или выстилка лотка — для более крупных птиц. Александр Петрович считал, что строительный материал гнёзд специфичен для каждого вида и заложен генетически. Ему удалось сделать эталонно-справочную оологическую коллекцию, отвечающую международным стандартам.

Териологическая коллекция, начатая как коллекция рукокрылых, но затем включившая в себя насекомоядных, грызунов и зайцеобразных (более 1200 эксземпляров) находится в фондах Дарвиновского музея.

В последние годы Александр Петрович начал заниматься дневными бабочками, которые, по его мнению, были более чуткими индикаторами особенностей природной среды и потому особенно ценными для систематики. В конце 1970-х годов он подготовил рукопись «Систематический каталог булавоусых чешуекрылых фауны СССР». В нём приведены русские названия видов, родов и семейств этой группы насекомых, составленных в полном соответствии с предложенными им же ранее принципами упорядочения русских названий животных. До этого у большей части видов бабочек русских названий не было.

Как он правил рукописи? Приезжаешь к Кузякиным вечером домой с куском диссертации или рукописью статьи. Александр Петрович недавно вернулся с работы, рассказывает: сегодня читал лекции, был на заседа-

нии дирекции, принял несколько посетителей … . А теперь вечером — я со своими делами. Он читал рукопись спокойно, внимательно, с комментариями по поводу каждой поправки текста (одно из любимых слов при этом было «неряшка!»), совершенно не щадя своего времени, как будто он нисколько не устал и был абсолютно свободен. Валентина Ивановна угощала нас чаем с каким-нибудь вкусным домашним печивом и тоже была спокойна и доброжелательна. Иногда со мной приезжал и Евгений Евгеньевич, и кроме просмотра рукописи велись бесконечные обсуждения всего происходившего, планов будущих работ (у каждого своих!), очень доброжелательные.

Вся история моего знакомства с Евгением Евгеньевичем проходила, по существу, на глазах семьи Кузякиных. И они относились к нам с большой теплотой и желанием помочь.

Собранные материалы Александр Петрович охотно всем показывал и легко отдавал, если нужно, для использования другим, что многих удивляло. Привычка судорожно сидеть на «своем» материале у нас ещё не изжита.

Александр Петрович уделял особое внимание молодежи — студентам и школьникам. Говорил о том, как важно «зажечь» в человеке интерес к делу в самом начале, тогда и вся жизнь пойдёт по-другому. Он организовал зоологический кружок в МОПИ, на заседания которого приезжали студенты и из университета, и из других вузов. Когда знаменитый школьный кружок П. П. Смолина остался «беспризорным» после ликвидации Потемкинского педагогического института, он тоже приютил его в МОПИ.

Мы всегда с большим вниманием прислушивались к советам Александра Петровича, и во многих случаях нам это очень помогало.

Помню, в 1960-е годы было совещание по учётам птиц. Мне было поручено сделать обзорный доклад по учётам воробьиных птиц. Поручил Ю. А. Исаков, у которого я работала. Конечно, я пошла советоваться с Александром Петровичем. Он считал правильными только свои методы учёта, но для обзорного доклада надо было поднять большую зарубежную литературу. Где взять? Он посоветовал: поезжайте в Ленинград, в ЗИН. Там есть вся основная зарубежная литература.

И я поехала в ЗИН (на два дня). Тогда ещё были живы все корифеи-орнитологи: А. И. Иванов, Е. В. Козлова, Л. А. Портенко, К. А. Юдин. Я пришла к ним как сотрудница отдела А. Н. Формозова — Александр Николаевич мне, кстати, тоже советовал — как пойти, к кому. Он знал каждого из них очень хорошо, а я их никого не знала. Решила обратиться к К. А. Юдину — всё-таки я тогда уже несколько лет работала в его родном Красноярском крае. Он очень живо откликнулся, привёл меня в комнату, где была их основная орнитологическая библиотека — огромная комната со стеллажами до потолка, и всюду книги, книги. В основном иностранные.

Я вытащила свою библиографию, стала искать то, что нужно. В основном это была англоязычная литература, частично французская. К. А. дал мне свою пишущую машинку, я стала читать и писать. Скоро выяснилось, что уже 6 часов, и ЗИН закрывается, и мне успеть всё сделать за два дня невозможно. И тогда К. А. сделал смелый шаг. Он сказал: «Я дам Вам

ключ от комнаты, оставайтесь в ней на ночь. Только не выходите особенно, а то Вас могут арестовать!»

Я поблагодарила и провела эту ночь с большой пользой. Не спала совсем, да и не хотелось — со страху. В общем, за два дня я всё успела, и потом сделала хороший доклад. А кто посоветовал мне поехать в ЗИН? А. П. Кузякин!

В Останкино, где жил Александр Петрович, мы с Евгением Евгеньевичем нередко ездили к нему и после моей защиты, так что связь с ним у нас не прерывалась все 1960-е и 1970-е годы.

Кстати, каждое наше с Евгением Евгеньевичем посещение дома Александра Петровича, независимо от количества дел по просмотру рукописей и прочего, неизменно начиналось с просмотра коллекций: он с гордостью показывал, что нового появилось у него после очередного полевого сезона и излагал свои мысли по поводу усовершенствования коллекций и их значения для развития науки вообще.

Систематика всегда было одной из основных линий работы Александра Петровича. Начиная с летучих мышей и выхода в 1950 г. его книги «Летучие мыши (систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства)». Её подготовкой он занимался с 1934 г. по издательскому договору с ЗИНом, кончил к 1938 г., но не смог напечатать, поскольку его выводы по систематике не согласовывались с дарвиновской схемой дивергенции.

С 1935 г. А. П. Кузякин начал заниматься медицинской зоологией. Занимался кожным лейшманиозом в Туркмении, природными очагами энцефалита, риккетсиозов и геморрагической лихорадки на Дальнем Востоке, чумными очагами на Аральском море. Занимался даже дератизацией Кремля. Во время войны вёл противоэпидемические работы на Центральном, Сталинградском и Калининском фронтах (была эпидемия туляремии и др.). Имел за это медали «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ». Конечно, для студентов-географов, которые слушали его лекции, его примеры из работ по медицинской географии были совершенно новы и очень интересны.

Александр Петрович читал курс медицинской зоологии в МОПИ, и на его лекции часто ходили мы — студенты биологического и географического факультетов МГУ.

В 1973 г. было создано Всесоюзное териологическое общество АН СССР, и Александр Петрович возглавил в нём комиссию по рукокрылым. До 1988 г. ему удалось провести 4 Всесоюзных совещания по этой теме. Александр Петрович много занимался совершенствованием систематики и таксономии рукокрылых.

Очень важно было появление 2-го издания «Определителя млекопитающих СССР» (1965) с его участием. Это было особенно важно для нас, географов, поскольку в это время в зоологии процветало деление видов на многочисленные подвиды, и все исследования велись на подвидовом уровне («эпоха видового распада»), а мы не были знакомы со всеми глубинами зоологической систематики, таксономии и прочих зоологических премудростей. Вид как основная таксономическая категория — таково было

основное положение систематических представлений А. П. Кузякина.

Всю свою научную жизнь, с 1930-х годов Александр Петрович занимался проблемой упорядочения русских названий животных — сперва рукокрылых, затем и млекопитающих вообще, и птиц, и булавоусых чешуекрылых. Он считал, что разработка национальных названий животных — важная задача зоологической систематики. В этом плане он также был последователем Л. С. Берга, который в ихтиологии первым унифицировал латинские и русские названия крупных таксонов рыб и привёл их в соответствие с международной системой таксономии.

В 1965 г. после 4-й орнитологической конференции в Алма-Ате была создана Всесоюзная общественная комиссия по выработке единых названий птиц СССР под руководством А. П. Кузякина. Комиссия разработала общие принципы упорядочения русских названий животных, которые Александр Петрович успешно доложил в 1969 г. на 5-й орнитологической конференции в Ашхабаде, и они были приняты.

А. П. Кузякин всюду, на всех совещаниях и сборищах настойчиво (иногда, как некоторым казалось, излишне настойчиво) предлагал свои новаторские идеи. Молодежь воспринимала их легко, с интересом, старшие — часто с трудом и даже с отторжением.

Желание помочь людям, попавшим в трудное положение, — ещё одна характерная черта Александра Петровича.

В 1969 г. Александр Петрович оказал неоценимую помощь нашей семье в связи с защитой докторской диссертации Евгения Евгеньевича. Мы с ним оба работали тогда в Институте географии АН СССР, в отделе биогеографии, которым руководил до 1964 г. наш всеми любимый А. Н. Формозов, с его непререкаемым авторитетом для всех зоологов страны.

Неверно то, что писал А. А. Насимович в своём очерке в книге «Московские териологи» (2001) об уходе А. Н. Формозова с поста заведующего отделом биогеографии в Институте географии. Конечно, Александр Николаевич не любил административную работу, но её количество в Институте было минимальным. Все его любили, руководство Института старалось ему помогать, и он с удовольствием принимал те скромные почести, которые ему оказывались в Институте. Все сотрудники отдела (а там было много известных учёных — С. В. Кириков, Ю. А. Исаков, А. А. Насимович, Д. В. Панфилов, О. С. Гребенщиков, К. С. Ходашева, Р. П. Зимина) были самостоятельны в своей работе и не требовали специальной опеки. И Александр Николаевич руководил ими, по существу, номинально, мягко и спокойно. Он был, по существу, скорее консультантом и другом, а не заведующим. Но он очень ценил то, что он заведует отделом в Академии наук — после того, как его, по существу, выгнали из университета из-за Лысенко. Конечно, его любимым «чисто экологическим» вопросам в отделе уделялось немного внимания: он был, по существу, почти единственным чистым экологом, хотя К. С. Ходашева и отчасти Р. П. Зимина были, безусловно, его ученицами. А проблемы «конструктивной географии», о которой писал Насимович в своём очерке об Александре Николаевиче в «Московских териологах» … Вероятно, он имел в виду активно развивавшееся в отделе направление исследований по ресурсам животного мира.

Это было веяние времени, хотя вначале большинство сотрудников отдела не хотело этим заниматься, и слово «ресурсы» было в течение нескольких лет почти ругательным.

А начало занятий ресурсной тематикой в отделе было связано с Е. Е. Сыроечковским — бывшим аспирантом А. Н. Формозова, работавшим в отделе с 1954 г. Ему только «позволяли» заниматься ресурсной тематикой, но совсем не собирались заниматься ею сами.

Но время заставило. Работа Института над 10-томной монографией «Природные условия и естественные ресурсы СССР» велась непосредственно в ресурсном плане, и отдел биогеографии должен был в этом участвовать. К середине 1950-х годов дело дошло до Средней Сибири, которой и занялся Е. Е. Сыроечковский.

Все переменилось, когда в отделе появился Ю. А. Исаков. А. Н. Формозов потратил немало сил, чтобы добиться его зачисления к себе в отдел. Он Исакова жалел и опекал, поскольку после ссылки и работы в Дарвиновском заповеднике у того не получалось устроиться на работу в Москве. А тут получилось.

Ю. А. Исаков сразу понял, что без изучения биологических ресурсов отдел не сможет вписаться в работу Института. Но А. Н. Формозов не собирался ими заниматься. И Исаков, с помощью поддерживавшей его Р. П. Зиминой (женой директора Института И. П. Герасимова), начал развивать в отделе ресурсную тематику. В результате получилось, что А. Н. Формозову в 65 лет предложили уйти на пенсию — очень деликатно. Но он страшно обиделся. Он ведь был создателем отдела, и вообще в Академии наук в то время люди никогда не уходили на пенсию так рано, тем более такие заслуженные люди! Но он сейчас же ушел, и после этого появлялся в отделе сравнительно редко. Я была тогда близко знакома с Формозовыми, часто бывала у них дома. И постоянно утешать его, повторяя, что никто о нем не забыл, что все его помнят и ценят, было одно из обычных дел при каждой встрече.

Развивая, помимо прочего, ресурсную тематику, Ю. А. Исаков и не думал работать вместе с Е. Е. Сыроечковским, и Е. Е. Сыроечковский не думал работать с ним. Это желание было взаимным, они мало симпатизировали друг другу. У каждого было свое представление о развитии зоогеографии, о необходимости (или не необходимости) доводить исследования до внедрения их результатов в практику, о необходимости природоохранных аспектов и т. п.

Предложения Евгения Евгеньевича по изучению биологических ресурсов Сибири не принимались. Их сторонились. Е. Е. был гораздо моложе остальных, и его успехи, его научные работы принимались пожилыми отдельцами неохотно. Для них это был мальчик, который хочет быть впереди всех. Возможно, сказывался и независимый характер Е. Е., и его нежелание идти на компромиссы по ряду позиций. А он в 1960-х гг. стал готовить докторскую диссертацию, закончил её в 1968 г. и подготовил к защите. Диссертация была на стыке нескольких наук: биологии, географии, экономики и этнографии. Это тоже не нравилось чистым зоологам отдела. Соответственно и оппоненты к защите были нескольких разных специальностей.

Евгений Евгеньевич предложил диссертацию в Учёный совет Института географии — ему отказали: не по профилю. Тогда он предложил диссертацию на Общий биологический совет Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске — и её там приняли.

Узнав об этом, члены отдела под руководством Ю. А. Исакова написали пространный отрицательный отзыв на работу Е. Е. Сыроечковского, принудив А. Н. Формозова первым подписать письмо. Письмо послали в Новосибирск, предлагая отказаться от принятия диссертации на защиту. Новосибирцы не согласились. Учёным секретарем Объединённого совета в то время был Н. Н. Воронцов. Был разослан автореферат Е. Е. Сыроечковского (заранее, в конце 1968 г.). Защита была назначена на февраль 1969 г.

Первым оппонентом у Евгения Евгеньевича был профессор В. Н. Скалон. Евгений Евгеньевич его мало что не боготворил — считал учителем, великим учёным и т. п. В. Н. Скалону нравилась диссертация Е. Е., он считал его проводником своих главных идей в науке. Но внезапно, за месяц до защиты, В. Н. Скалон написал, что он отказывается оппонировать — не может (чуть не по состоянию здоровья). Он жил в это время в Иркутске, ехать ему было до Новосибирска — рукой подать.

Евгений Евгеньевич оказался в трудном положении. Нужно было срочно искать замену первого оппонента! Остальные оппоненты — зоолог, этнограф и экономист — считали работу выдающейся и не собирались отказываться.

И вот в очередной раз в трудный момент мы с Евгением Евгеньевичем поехали к Александру Петровичу — посоветоваться, как быть. Он послушал, покачал головой. Сказал, что так часто бывает в жизни, особо огорчаться нечего. Он имел автореферат, работа ему нравилась. И вдруг — неожиданно для нас — предложил: «Хотите, я буду у Вас первым оппонентом? До защиты ещё месяц, я успею. Везите диссертацию!»

А диссертация была в 3-х томах — 1000 страниц! Скалон писал, что он трижды ходил на почту с рюкзаком, чтобы её донести до дому.

Мы были потрясены и обрадованы, конечно. Мы и думать не могли, что Александр Петрович, читающий лекции и имеющий массу дел, может на неделю оторваться от всего и поехать в Новосибирск. Наверное, кроме всего прочего, он хотел слегка «утереть нос» великим специалистам из нашего отдела. И он поехал. И блестяще выступил.

Письмо с отрицательным отзывом коллектива, в котором диссертант работал 20 лет, огласили в самом начале защиты, до отзывов оппонентов. После того, как зачитали отзыв, зам. председателя Совета подошел к Евгению Евгеньевичу и предложил ему отменить защиту. Евгений Евгеньевич отказался: «Буду биться, отвечать на все обвинения». И долго отвечал на них. А потом выступил первый оппонент — профессор А. П. Кузякин. И – всем всё стало ясно. После А. П. Кузякина выступили 3 остальных оппонента с сугубо положительными отзывами. Совет проголосовал единогласно. Так А. П. Кузякин помог Е. Е. Сыроечковскому.

В общем, Александр Петрович был для нас всегда надёжным советчиком, всегда откликался, если надо было помочь, а наша семья всегда будет об этом помнить.

После окончания аспирантуры и защиты в 1966 г. диссертации на Учёном совете МОПИ формальные мои связи с А. П. Кузякиным закончились. Но мы с Евгением Евгеньевичем продолжали постоянно с ним встречаться — ездили к нему домой, а по праздникам, когда мы собирали дома гостей — в основном знакомых зоологов и географов из университета и из Института географии — мы всегда звали Александра Петровича и Валентину Ивановну, и они всегда приходили. У нас было весело и просто — все пели, танцевали, играли в жмурки и в «щетку» — и молодые, и старые. Валентина Ивановна как-то мне сказала, что она любит ездить к нам домой. А это значило много! Она редко так говорила.

Валентина Ивановна (по образованию историк) — как будто сама не занималась науками мужа, но была полностью ему предана и помогала как могла. Вся её жизнь и деятельность (а ведь были ещё двое детей!) была полностью подчинена распорядку и деятельности Александра Петровича. Ей было, конечно, очень трудно. Я была в похожем положении — я тоже была полностью поглощена делами Евгения Евгеньевича, но у меня была и моя наука — цель, которая оправдывала всё остальное. У неё был только Александр Петрович, совершенно бескорыстное его обеспечение всем необходимым. Не знаю, помогала ли она ему в подготовке коллекций — наверное, да, помогала. Но об этом никогда ни слова не было сказано.

Вот один случай. Александр Петрович возвращался из экспедиции, Валентина Ивановна должна была его встретить на вокзале. Они жили далеко, у ВДНХ, ехать долго. В. Ф. Ларионов, который жил рядом с ними, предложил ей отвезти её на машине и забрать Александра Петровича с его вещами. Она согласилась. И вот они поехали к вокзалу и попали в пробку. Я до сих пор помню: обычно такое спокойное лицо Валентины Ивановны от рассказа её стало совершенно взволнованным: «Пока мы тащились в пробке до вокзала и опаздывали — я думала, я поседею! Ведь Александр Петрович никак не признает опозданий».

И действительно, он был всегда безукоризненно точен, если обещал куда-то придти, и требовал такой же точности от остальных — студентов, учеников. И все очень старались быть с ним точными, хотя обычно ребятам это было не очень-то свойственно. Как же! Раз Александр Петрович сказал!

Ему попадались хорошие люди и хорошие учителя. Смолоду в нём было что-то, привлекавшее к нему внимание взрослых, серьёзных людей. После расстрела отца он, вынужденный уйти из 7-го класса школы, уехал из дома и, без копейки денег, на ящике под вагонами добрался до Москвы — он прочитал книжку про Асканию-Нова и решил ехать из Сибири туда работать. Попав в Москву, он прежде всего пошёл в зоопарк. Там увлеченного мальчика заметил П. А. Мантейфель, заговорил с ним, поговорил по душам и уговорил не ездить в Асканию, а остаться работать тут, в Московском зоопарке.

Когда он поехал в 1932 г. в командировку от зоопарка в Ташкент, его заметил Р. Н. Мекленбурцев и сумел заинтересовать на всю жизнь рукокрылыми. Когда он привёз в МГУ собранных им рукокрылых, его там заметили и познакомились с ним А. Н. Формозов и Н. А. Бобринский. Последний потом работал в МОПИ, и именно на его место потом пришёл на

кафедру зоологии МОПИ Александр Петрович. Он восхищался статьями Н. А. Бобринского — лёгкостью и точностью его изложения.

Александр Петрович, не имевший образованных предков, сам учился писать, сам совершенствовал свой стиль. И постепенно дошел до высокого совершенства. Его работы с 1960-х годов представляют собой образец грамотного и точного изложения мыслей — ничего ни прибавить, ни убавить, — без архитектурных излишеств, но абсолютно грамотно с точки зрения русского языка и научного изложения.

Его многие не любили. Он был резок в спорах при защите своих идей, и это многим не нравилось. Когда в споре его хотели завести в научные дебри, чтобы показать свою глубокую эрудицию — из этого обычно ничего не получалось. Оказывалось, что он всё это знает, хотя в некоторых случаях он мог сказать: «Ну, про эту лабуду (его любимое слово) я знаю, но это не заслуживает внимания!»

Нельзя сказать, что мы с Евгением Евгеньевичем считали себя учениками и последователями А. П. Кузякина. Но в нашей молодости именно он вызвал у нас интерес именно к такому всепоглощающему подходу к научным исследованиям и своим примером бескорыстного служения делу был для нас примером.

Вот и теперь — мне 82 года, а я сижу и с удовольствием пишу первый из трёх томов монографии «Птицы Таймыра». И нередко с теплотой вспоминаю Александра Петровича.

Александр Петрович Кузякин — учитель, критик, оппонент

Ю. С. Равкин

С Александром Петровичем Кузякиным я познакомился летом 1955 г. при не самых лучших, для меня, обстоятельствах. В это время я перешёл на 2-ой курс заочно-вечернего отделения факультета охотоведения Московского пушно-мехового института. Очное отделение в 1954 г. было переведено в Иркутск. Поскольку близилось моё девятнадцатилетие мне предстояло влиться в доблестные ряды Советской армии, что, как минимум, на три года должно было оторвать меня от занятия биологией. Учитывая мою горемычность, Надежда Львовна Гершкович (паразитолог по образованию и роду работ, друг моих родителей ещё по Биостанции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева в Сокольниках) посоветовала обратиться за помощью к А. П. Кузякину и написала рекомендательную записку примерно такого содержания: «Дорогой Саша! Будь добр, помоги, если сможешь, подателю сего, Юре Равкину с переводом в МОПИ. Он человек хороший, но у него нелады с российской грамматикой». Последнее было истинной правдой, поскольку, пытаясь поступить в Московский городской пединститут, я умудрился сделать 5 ошибок в автобиографии и удостоился визы ректора на заявлении «Документы вернуть, абсолютная безграмотность».

Получив указанную записку, А. П., будучи заведующим кафедрой зоологии, начал ходить со мной по начальству и, если я отвечал на вопросы не так, как следовало, давил под столом своей ногой мою, чтобы я говорил так, как надо. Однако ему удалось добиться моего перевода толь-

ко на заочно-вечернее отделение факультета естествознания, хотя и на 2-ой курс. Правда, мне перезачли только один экзамен по истории КПСС, а остальное за 1-ый курс я досдавал одновременно с учёбой на втором. Через год я был уже в армии и лишь через 3 года вернулся к учёбе.

Сразу же стал ходить на заседания Межвузовского студенческого объединения, которое организовал А. П. На работу я устроился егерем в Лосиноостровское экспериментальное охотничье хозяйство (бывшая биостанция Московского пушно-мехового института). Под влиянием «Объединения» и выступлений А. П. сразу же стал считать птиц и воспринял всерьёз и на всю жизнь его девиз: «Считать везде, считать всегда и как можно больше!». Мой первый, сугубо фактологический доклад А. П. очень хвалил и назвал золотым вкладом в ландшафтную зоогеографию. Ну как после этого перестать ею заниматься?

После окончания пединститута я перешёл в старшие лаборанты Института экспериментальной биологии и медицины СО АН, который формировался тогда в Москве и уехал в противоэнцефалитную экспедицию на Алтай. В конце лета я получил приглашение А. П. поступать к нему в аспирантуру вместо Э. И. Коренберга, принятого на работу к В. В. Кучеруку. До последнего вступительного экзамена меня не допустил вернувшийся из отпуска ректор института из-за отсутствия требуемой рекомендации факультета. В связи с отпускным сезоном у меня была рекомендация лишь кафедры зоологии. А. П. ходил к ректору, но тот был неумолим. Позднее А. П. кому-то из знакомых, в связи с этим, сказал, что он не виноват, что у меня отец не арийского происхождения, а ректор, как говорят, обессмертил своё имя доносом на Л. Д. Ландау. Но что ни делает Господь — всё к лучшему. Не попав в аспирантуру в МОПИ, я избавился от педагогической карьеры, что меня более чем устраивало, и остался в Академии наук по сие время.

Тесный контакт с А. П. на этом не прервался, хотя он очень скептически относился к сотрудникам Академии наук. Несмотря на это, он стал руководителем моей кандидатской диссертации и, только по временно существовавшему запрету по докторским диссертациям, формально не был моим консультантом. Тем не менее, Александр Петрович Кузякин — один из трёх «китов», на «плечах» которых я стоял и стою до сих пор. Об этом я уже неоднократно писал[9]. Он, несомненно, Учитель, определивший мою систему ценностей и направление работ. Однако Александр Петрович был достаточно сложной, «многомерной» личностью. Страстность в науке и в отношениях с людьми выделяли его среди других, встреченных мною, учёных. Так, он говорил неоднократно, что новое надо внедрять в сознание других, при этом, чтобы направление не было искажено впоследствии, «палку надо перегнуть, чтобы, возвращаясь назад, она остановилась в нужном месте».

---

[9] *Равкин Ю. С.* Реализация и развитие зоогеографических представлений А. П. Кузякина в Западной Сибири //Систематика животных, практическая зоология и ландшафтная зоогеография (Чтения памяти А. П. Кузякина). М.: Наука, 1991, с. 47-58.

Равкин Ю. С. Пространственно-типологическая организация животного населения (подведение итогов) //Сиб. экол. журн., 2012, т. 19, № 1, с. 3-25.

Равкин Ю. С. Ландшафтная, экологическая и факторная зоогеография (методы, подходы, реализация) //Принципы экологии, 2012, т. 1, № 4, с. 32-43.

Наши отношения нельзя было назвать безоблачными, но они никогда не выходили за пределы взаимного уважения, хотя критика А. П. в мой адрес почти всегда была достаточно резкой и нелицеприятной. Тем не менее, она оказывала на меня самое благотворное и весьма полезное влияние, помогая даже в том случае, когда я с ним не соглашался. После жаркого обсуждения моей первой публикации (тезисов конференции по учётам животных 1961 г.). А. П. сказал: «Ты как баран, тебе можно сломать рога, но ты всё равно лбом будешь биться!». Рога мне так и не сломали, хотя многие пытались «вразумить», но я остался «бараном» несмотря ни на что. И, тем не менее, А. П. всегда поддерживал меня, хвалил за «жадность» к материалу, но тут же давал массу указаний, советов и пожеланий как надо было бы сделать, с его точки зрения. Он неоднократно, хотя и не часто, называл меня одним из лучших своих учеников и последователей, но не в числе самых лучших и не самых последовательных. Вообще, А. П. был бескомпромиссным критиком и часто «перегибал палку». Однако это никогда мною не воспринималось с обидой, а всегда с благодарностью, поскольку в жизни меня не баловали полемикой, а воспринимали чаще как человека упёртого и «с приветом».

Бескомпромисность А. П. проявлял не только в личных беседах, но и официальных отзывах. Помню текст его телеграммы-отзыва Учёному совету Биологического института СО АН СССР (1965 г.) на мою кандидатскую: «Диссертацию читал, сделал ряд замечаний. Если они учтены, считаю возможным представление её к защите». Председательствующий спросил: «Вы учли замечания руководителя?». На что я, с уже отмеченной особенностью, ответил: «Там, где согласился с замечаниями — учёл, а там, где я не согласен — оставил как было». Не смотря на гул в зале, Совет допустил меня к защите. В тот же год в докладе на IV орнитологической конференции в Алма-Ате, А. П. назвал меня в числе орнитологов, развивающих ландшафтную зоогеографию. Я далёк от мысли считать, как это принято в актёрской среде, по секундам длительность аплодисментов в адрес коллег, но мне всегда не хватало благожелательных оценок, хотя отрицательных было более чем в достаточном количестве.

С докторской было ещё хуже. Я уже ходил в «вероотступниках», а Александр Петрович к тому времени плохо видел и утолял свою оторванность от дел традиционным на Руси средством. А время было мерзопакостное, с дефицитом всего жизненно необходимого. Валентина Ивановна (жена Александра Петровича) боролась с ним на этом фронте как могла и угрожала, когда я приду, обыскать меня в прихожей. А. П. сразу спросил: «Принёс?». Я стал блеять что-то о трудностях текущего момента, но это мне не помогло. Боясь расправы, я стал извиняться, сказав, что, понимая сложность с чтением диссертационного тома, предлагаю прочитать ему только реферат. Прочёл его с замирающим сердцем, поглядывая иногда поверх листов на А. П., видя желваки, ходившие на его лице, ничего хорошего не ждал. Когда чтение закончилось, А. П. молча встал, зашёл в свою коллекционную комнату, где он работал и спал, насквозь пропахшую парадихлорбензолом, используемым для сохранности тушек (кстати, как выяснилось позднее, сильным канцерогеном). Из-за двери отчётливо

послышалось заветное бульканье, после чего А. П. вышел. Так же молча сел за стол, достал из пачки «Беломора» папиросу, ритуально смял её мундштук и сказал: «Ну, что я тебе могу сказать? Если бы я был членом Учёного совета, где ты будешь защищаться, то я не только голосовал бы против присуждения тебе степени, но и призвал бы остальных членов Совета голосовать также и я думаю, что они вняли бы моим доводам. Ты можешь не беспокоиться, я не пойду на твою защиту, но ты должен знать моё мнение». По-моему он говорил ещё что-то о моём всестороннем предательстве по отношению к нему и его идеям, но остальное я уже толком не помню, так же, как именно закончился разговор, но точно без резкостей и ругани.

Поскольку на защите после выступления А. С. Шилова я прошёл с превышением всего в один голос, не сомневаюсь, что А. П. поддержали бы. Тем более что не утверждали меня потом 1,5 года.

А. П. любил не только летучих мышей, художественно сделанных коллекционных тушек и кладок птичьих яиц, но и женщин, особенно мягких на ощупь. Уж не знаю, в какой мере они отвечали ему взаимностью, но отголоски бурь до нас доносились. Меня он прямо называл «сапожником» за полную неспособность к собиранию коллекций, а когда, уже после окончания института, я пожаловался на одну из преподавательниц на недостаточное внимание к научным работам студентов, сказал примерно: «Ну, это ты зря. Я танцевал с ней как-то на одном из факультетских вечеров, она так, вполне себе!».

Я должен сказать, что не люблю «лакированных» воспоминаний, а хочу видеть поминаемого человека живым и не приукрашенным. В доказательство прилагаю письмо Александра Петровича (см. выше) по поводу рукописи нашей с И. В. Лукьяновой книги «География позвоночных южной тайги Западной Сибири» (1976». Оно слегка купировано в «горячих местах». В этом случае поставлены точки.

С момента написания этого письма прошло уже 40 лет. Сейчас я склоняюсь к банальной мысли о многомерности мира в целом и животного населения в частности. В них, как в статистических ансамблях с внешним ограничением, есть всё-всё-всё и ещё немного. Поэтому все мы, исследователи, правы по-своему и нет нужды делиться на антиподы, на правых и ошибающихся. Изучая и описывая объекты своих исследований мы создаём новый мир собственных представлений, отличный от реального. Эту реальность нельзя понять, представить и описать без использования различных методов, подходов, допущений, системы ценностей и приоритетов, без ошибок выборочности и погрешностей, зависящих от наших возможностей и заблуждений. В зависимости от всего этого мы вырываем фрагменты рисунка из ковра, сотканного Природой или Творцом, в роли которого может выступать разум человеческий и закономерный случай. Проще и категоричнее говорил об этом Н. В. Тимофеев-Ресовский (см. документальный фильм Е. Саканян «Рядом с Зубром»): «… наука никакого действительного знания не даёт. Это система компоновки комбинаций наших сведений о том, что мы наблюдаем в мире вокруг нас …».

Поэтому я считаю, исходя из многомерности сущего на Земле, что всё,

что мы пишем, не столько противоречит, сколько дополняет друг друга. И наша задача сводится к выявлению иерархии значимости представлений, выявлении главного и отделения его от второстепенного для решения поставленной задачи. Оно (второстепенное) неверное, ошибочное, по мнению одних и важное, верное в представлениях других, нужно не отвергать с порога и навсегда, а взвешивать, встраивать в общий порядок по значимости его. Однако, без страсти, без эмоций и отстаивания своего мнения, иного взгляда, иных мысленных конструкций, нет движения вперёд, нет развития. Поэтому, несмотря на убеждение, что мы все равные и все разные, редактируя чужие статьи и монографии, постоянно ловлю себя на мысли, что так же, как Александр Петрович, хотя и неосознанно, обращаю внимание своих «учеников и последователей» на те же недостатки, на которые указывал мне в своё время А. П. Также попрекаю их за инакомыслие и «вероотступничество», подгоняю их представления под свои, перевожу сказанное ими на свой язык, чтобы лучше понять сделанное ими. При этом нередко про себя восклицаю: «Какой же я всё-таки кузякинец!», хотя всю жизнь перечил ему, отстаивая своё, а на самом деле строил наше общее с ним и другими его учениками здание и понимаю, что он на всю жизнь мой Учитель, Критик и Оппонент. Он до сих пор со мной и голос его звучит для меня по-прежнему и, как прежде, значимо.

Александр Петрович — моя судьба

В. Т. Тагирова

Шёл 1962 год … Первое полугодие моего последнего года обучения на биолого-химическом факультете в Хабаровском государственном педагогическом институте. До получения диплома оставались считанные месяцы. Я строила свои планы жизненного обустройства … Выбирала для преподавания общеобразовательную школу в пределах Хабаровского края. Других планов не предполагала … По-прежнему занималась помимо учёбы в научных кружках и любимыми видами спорта, выступала за честь факультета и родного вуза, а летом — в экспедициях. В процессе общения в спортивной секции с ребятами из Нанайского района узнала, что в поселке Найхин есть краеведческий музей, где представлена этнография нанайского народа. Вот это было бы мне по душе — думалось мне: могучая река Амур, рядом лес — родное пристанище малых народов, изучение природы …, знакомство с бытом, интересами … Уже просила однокурсников не занимать это место. Однако мой высокий учебный потенциал и бурная общественная жизнь в студенчестве оказались замеченными общественностью и в ректорат пришло приглашение на работу в городской комитет комсомола. Поскольку почти все каникулы мои были заняты экспедициями и туристическими походами по Приамурью, то на двух кафедрах — ботаники и зоологии параллельно было принято решение рекомендовать меня в целевую аспирантуру. Мой выбор пришёлся на зоологию …, подвижные существа перевесили чашу весов, хотя растения остались одним из самых привлекательных жизненно важных увлечений. К тому же между ними неотъемлемая связь, они в равной степени сохранились в моей душе … Впереди были «потёмки» … Надо было ехать в Москву.

Как будто меня подстерегала судьба … Все три вступительных экзамена сдала успешно в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской. Приезд в Москву пришёлся на 25 сентября 1962 года. Первый выезд из Хабаровска в огромный город продолжался почти семь суток поездом. После длительного путешествия по стране, оказавшись в мегаполисе, немного усилий нужно было приложить, чтобы найти улицу Радио, 10а, где располагался пединститут имени Н. К. Крупской. Приняв мой «рапорт» о прибытии, руководство института и отдела аспирантуры дали возможность определиться в студенческо-аспирантское общежитии в Переведеновском переулке (близ станции метро «Бауманская»), где мне предстояло расположиться. Доброжелательная встреча работников института и кафедры зоологии вдохновили. Одновременно были предложены: расписание сдачи вступительных экзаменов и координаты моего будущего научного руководителя, о котором была много наслышана ещё в Хабаровске от доцента Александра Николаевича Щербакова, преподававшего у нас на втором курсе зоологию позвоночных. Высоко положительный отзыв бывшего соискателя о своём руководителе и консультанте придавал мне уверенности и желания поступить в целевую аспирантуру именно к нему, Александру Петровичу.

Кто он — мой будущий научный руководитель? А он оказался, на первый взгляд, простым в обращении и очень понятным. С большим интересом и методично объяснил мои перспективные научные дела, о коих я пока имела самые слабые представления. Создал «формулу» темы предстоящих исследований: мелкие грызуны, птицы и в неблизкой перспективе дневные чешуекрылые. И всё это в плане наземной фауны и животного населения, то есть современной зоогеографии. Указал путь к распознаванию видов и освоению методов количественных учётов животных названных групп, ибо без знания качественного (видового разнообразия) и численного состояния нет будущего ни в зоологии, ни в современной зоогеографии. Кроме того, надо было знать при этом флору и растительность, как кормовую и защитную базу, и как ландшафтную основу, обеспечивающую условия существования животных.

… Отрывки из воспоминаний … В процессе обучения и воспитания своих аспирантов Александр Петрович только на первый взгляд при первой встрече показался простым. На самом деле это Человек взыскательный — строгий и требовательный. У него нельзя не выполнить заданное им поручение или вдруг не найти необходимый литературный источник — книгу или опубликованную научную статью.

Александр Петрович не просто требовал от аспирантов знаний, он проявлял заботу их обучения в полевых условиях. Как пример подражания, брал с собой двух — трёх из своих подопечных на полевую практику в Крюково Московской области (база проведения полевых работ со студентами института) для освоения методов исследования. Вместе со студентами проводили наблюдения и количественные учёты позвоночных животных в разное время суток, обрабатывали добытый материал. В этих же условиях коллекционировали, приобретали опыт полевых работ перед выездом по своим регионам. Кроме того, перед первым полевым сезоном

брал с собой аспирантов в дальние путешествия. Мне в составе аспирантского отряда под руководством Александра Петровича весной 1963 года, перед тем как выехать в Приамурье, пришлось побывать почти две недели в Грузии на границе с Турцией. Исследовали широколиственный лес в горных условиях Аджарии. Работали с мелкими зверьками и птицами по всем правилам строгого суточного режима. Здесь мы осваивали методы распознавания и учётов животных, их обработки. Кроме того, после второго года обучения в аспирантуре, в 1964 году, Александр Петрович с двумя аспирантами прибыл и на мое «поле» в окрестностях города Хабаровска. Хоть проездом на Курилы, но выкроил почти неделю для проверки моих дел на Дальнем Востоке. Вот такой был наш руководитель — Александр Петрович Кузякин.

Благодаря высоким требованиям моего научного руководителя к освоению современных зоогеографических основ я приобрела смелость в подходах к изучению трёх групп животных — дневных чешуекрылых, птиц и мелких млекопитающих. За три года целевой аспирантуры освоила методы не только качественного освоения биоразнообразия, но и количественных учётов этих животных. В эти годы мой руководитель в возрасте 47 –50 лет занимался не только позвоночными животными в разных аспектах их взаимоотношений в области морфологии, численного состояния, эпидемиологии, но и увлечённо занимался дневными чешуекрылыми, в том числе бабочками Дальнего Востока. Приходилось трудиться особенно в сезон полевых работ «от зари до зари» … Материалов добывалось много при высокой трудоёмкости их сборов. Надо было ранним утром провести качественные и количественные учёты птиц, хотя шёл процесс их освоения; собрать улов и расставленные с вечера ловушки на мелких млекопитающих, а днём (не упустить момента!) при солнечной погоде провести сборы на площадках или на линейном маршруте дневных бабочек … Большой частью они не могли войти в содержание моей кандидатской диссертации, которая значилась в конечном варианте «Мелкие млекопитающие основных ландшафтов Приамурья», защищённой в диссертационном совете МОПИ им. Н. К. Крупской 4. 01. 1967 г. Благодаря настойчивости и прозорливости «шефа» они мне оказались необходимыми при подготовке докторской диссертации «Наземные позвоночные Среднего и Нижнего Приамурья (фауна, зоогеография, проблемы охраны и рационального использования)», а также в процессе преподавания таких дисциплин как зоология, экология животных, биоразнообразие, биогеография и др. в вузе и в системе дополнительного образования, с учителями и школьниками. За выполнение докторской диссертации в 1999 году я также благодарна своему дорогому Александру Петровичу, хотя его уже не было с 1988 года. Его направление — целесообразное в изучении природопользования оказалось мне более чем существенным на многие десятилетия в моей научной деятельности, на всю долгую преподавательскую работу.

Только благодаря Александру Петровичу, его правильному строгому руководству, консультациям, требовательности я смогла обобщить, проанализировать сведения по фауне позвоночных, распространению и эко-

логии многих наземных животных, выполнила ревизию видового и численного состава млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных изучаемого приамурского региона, что очень важно знать в школе и вузе обучающейся молодежи. Провела инвентаризационные работы некоторых групп высших позвоночных животных. Подготовила и апробировала курсы по выбору: «Фауна и население животных Хабаровского края», «Местная фауна», «Животный мир Дальнего Востока» для студентов факультетов биолого–экологической направленности. Вместе со студентами с участием старших школьников в течение двух десятилетий разрабатывали проект «Чёрной речке — чистые воды» по динамике пребывания и численного состояния птиц долины реки Чёрной, окаймляющей окраину города Хабаровска с северо-востока. Ежегодные экспедиции по южной части Хабаровского края и Приморью, просто экскурсии в окрестностях города открывали новые горизонты изучения жизни животных, их ареальные возможности, численное состояние, популяционную жизнеспособность.

Отличительная черта Александра Петровича — настойчивость, которая проявлялась во всех его начатых делах. Она имела действие на всех его аспирантов. Очень уважал тех своих учеников, которые практически не пропускали его наставляющих указаний и серьезно работали как в полевых условиях, так и в библиотеках страны. В каждом аспиранте уважал трудолюбие, которое ему самому было присуще. Воспитывал в своих подопечных, будь то студенты или аспиранты, обязательность. Очень не любил опоздания своих подчинённых. При этом всегда был пунктуален во времени и в делах, сказанное им слово выполнялось с предельной точностью.

Первый год обучения в аспирантуре обозначился тем, что Александр Петрович обучал в полном смысле слова чтению научной литературы по закреплённой тематике. Мне необходимо было пройти типа стажировки по изучению мелких млекопитающих — в первую очередь грызунов и насекомоядных, во вторую — птиц юга Дальнего Востока, их морфологические признаки, систематику, численное состояние и ареальные возможности. Надо было определиться в знаниях фауны и животного населения. При этом уметь разграничить понятия зоологической географии (зоогеографии) в современном её представлении от дореволюционного (геозоологии). До середины 20-го века зоогеографию многие учёные представляли на фаунистической (ареальной) основе как распространение видов и других таксонов. С середины 20-го века представления этого научного направления расширились и углубились в сторону изучения численного состояния, сезонной и годовой динамики. Предстояло освоить методы количественных учётов животных на ландшафтной основе своего региона. Ежедневные посещения в научные библиотеки, в первую очередь имени В. И. Ленина, позволяли много узнать. Облачившись кипами многотомных публикаций, нужно было находить и осваивать теоретические и практические концептуальные понятия основ зоологии и зоогеографии. С отличительными признаками животных, особенно представителей семейств Землеройковые отряда Насекомоядные и Мышиные отряда Грызуны, а также птиц и других позвоночных узнавали в Зоологическом музее МГУ имени М. В. Ломоносова, в котором только ночевать не приходилось, работали

с коллекционными материалами «от зари до зари». Иначе нельзя, спрос был очень строгий, да и самой хотелось больше узнать; благо, что сотрудники музея доброжелательно позволяли и доверяли ценные тушки животных. К концу первого года обучения во всеоружии нужно было быть готовым к полевым работам в Приамурье юга Дальнего Востока. Заранее было известно, что научный руководитель пристальным взглядом даже с далекого расстояния протяжённостью более 10 тысяч километров усмотрит полученные знания за осенне-зимний период пребывания в Москве. Так оно и было. Весна и лето 1963 года оказались дипрессионными на «мышей и полёвок», птиц предстояло узнавать по голосам и «в лицо». С утра до ночи приходилось трудиться, чтобы осилить сравнительно большой объём полевых работ. С вечера расставлялись ловушки на мышевидных грызунов, проверялись заранее поставленные цилиндры на отлов и учёт землероек. С раннего утра проводился качественный и количественный учёт птиц на маршруте, надо было безошибочно определить вид по голосам на полную дальность обнаружения по методике, предложенной А. П. Кузякиным и его учеником Р. Л. Наумовым. Не оставались без внимания цилиндры, их проверяли не один раз в сутки, чтобы не дать зверькам погибнуть или испортиться. Совсем немного времени оставалось на обработку материалов, в том числе на приготовление тушек как беспрецедентное доказательство добытых животных (как пример оправдания перед строгим руководителем). Итоги полевых работ и сбора материалов по намеченной научной теме «Фоновые млекопитающие, птицы и дневные чешуекрылые основных ландшафтов Приамурья» пришли по душе моему «шефу» (так среди аспирантов именовали руководителя). В течение зимы предстояла обработка собранных данных и подготовка статей к публикациям. Впервые в жизни написать статью «не фунт изюма … «. Просмотрены десятки опубликованных статей в научных журналах, получены консультации, советы Александра Петровича …; решиться на такой «подвиг» стоило мужества. Только к новому 1964 году появился первый вариант статьи «Мелкие млекопитающие основных ландшафтов среднего Приамурья», который был опубликован в материалах Второй научной конференции зоологов педагогических институтов РСФСР (Краснодар, 1964, с. 242–244). Шёл второй год обучения. Надо отдать должное, у Александра Петровича хватило терпения править эту статью скрупулезно, со всеми знаками препинания и содержания. И тем не менее, похвалил и поздравил меня, как справившуюся с первым заходом в научный мир, сославшись на то, что бывает гораздо хуже. Меня это не то, что вдохновило, скорее встревожило. Надо было трудиться далее.

Второй год обучения проходил не то что легче, но доверия со стороны руководителя стало больше. Появившееся научное новое увлечение дневными чешуекрылыми не могло не отразиться на интересах его подопечных. Мне, изучающей животных Дальнего Востока, как и другим аспирантам разных регионов, предстояло интересоваться этой группой беспозвоночных как индикаторов выраженных ландшафтов. Узнали более 100 видов — обитателей с биоценотической значимостью. Он стал доверять просматривать научные статьи других авторов в плане комментариев: на-

ходить недостатки и достоинства. Нелегкий труд критиковать, когда мало опыта в написании текста, анализа и обобщения своих материалов, но надо было учиться. От зоркого взгляда и серьёзного подхода на выполнения любого задания А. П. Кузякина не уйти. Продолжались ежедневные выходы в библиотеки, в то же время надо было появляться на кафедре зоологии с обязательными вопросами по утверждённой диссертации. Если по каким-то причинам аспирант не явился, то волнения Александра Петровича порой превосходили все ожидания. По своей натуре наш руководитель был вспыльчив, в своих требованиях не отступал. При отсутствии аспирантов на кафедре он выражался так: «я вновь был как в пустыне» и обязательно требовал объяснения …

Вторая статья «Мелкие млекопитающие лесов Приамурья» у меня получилась в сборнике «Вопросы зоологии» Хабаровского государственного педагогического института в объёме более 18 страниц, вышла в 1966 году, была ободрена. В последующем приобреталась уверенность в сборе материалов и подготовке научных статей. Дальнейшие действия моих исследований находили поддержку Александра Петровича.

На третьем году обучения обозначилось, что две группы животных — птицы и чешуекрылые не войдут в состав моей кандидатской диссертации: слишком много оказалось собранных материалов. Мелкие зверьки образовали основу диссертационных выводов и заключений. Птиц оставили на доработку, потому как их разнообразие не ограничивается 300 видами в Приамурье, а с чешуекрылыми пришлось расстаться на любительском уровне. Они и сегодня привлекают меня, особенно эндемичные. Они, как и птицы, выступают биоиндикаторами основных ландшафтов.

После окончания аспирантуры я не переставала общаться с семьей Кузякиных, где находила самые доброжелательные отношения. Особой приветливостью отличалась Валентина Ивановна — хранительница семейного очага. На мой взгляд, она выполняла обязанности не только жены, но была первым Другом своего мужа. Всегда приветливая, ласковая, принимала участие во всех делах «подкидышей» Александра Петровича, во всём помогала.

Полевые экспедиции в составе других аспирантов под руководством Александра Петровича всегда носили исследовательский характер, а потому были режимно упорядоченными: от подъёма в ранние утренние часы до позднего вечера (ночи). С утра количественные учёты птиц, проверка уловов мелких млекопитающих, обработка материалов, изготовление тушек, которые должны были быть образцово-показательными, строго, как это делал сам Александр Петрович. Аспиранты учились готовить коллекционные материалы по образцам нашего руководителя, другого подхода он не признавал. Качество препарирования коллекционных материалов руками Александра Петровича были уникально образцовыми. Не случайно его коллекции хранятся в лучших государственных зоологических хранилищах города Москвы: Зоологическом научно-исследовательском музее МГУ имени М. В. Ломоносова, Государственном Дарвиновском музее.

Наследие Александра Петровича Кузякина многогранно. Действительно он состоялся не просто как учёный, но учёный высочайшего уровня

по многим направлениям: эпидемиолог, териолог, орнитолог, энтомолог, зоогеограф. Его бывшие аспиранты географически «рассеяны» не только по России, но по всему земному шару в качестве больших учёных, преподавателей вузов высокого профессионального ранга, работников научных музеев, учителей общеобразовательных учреждений. Он был доступен для всех категорий населения, к нему приходили на консультации не только студенты биологической направленности, никому не было отказано. Много лет при Александре Петровиче работал межвузовский кружок, который посещали студенты педагогических институтов и Московского госуниверситета, а также школьники Москвы и Московской области, нередко приезжали из других городов России. Частыми гостями в МОПИ были школьники «академии» Петра Петровича Смолина (так называли ребячий кружок в аспирантском кругу). Аспиранты участвовали в заседаниях и выездах по изучению птиц и млекопитающих в Подмосковье. Обучались освоению методов учётов птиц и мелких зверьков с раннего утра до позднего вечера, а птиц считали и ночью …

С наступлением весны все аспиранты нашего руководителя разъезжались по своим регионам для сбора материалов. Помню 1963 год. С апреля по октябрь я при исполнении своих обязанностей. Год оказался неудачный на отловы мелких грызунов. На 400 ловушек, поставленных в разных биотопах, отлавливалось всего не более 3–5 зверьков. А птиц продолжала осваивать на маршрутах. Паника вошла в мое состояние от того, что мало зверьков. Пишу Александру Петровичу о своих почти «нулевых» показателях. В ответ получила успокаивающее письмо, что «ноль — это тоже факт». Такой факт меня мало устраивал и я продолжала увеличивать количество выставляемых орудий отлова — ловушки и ставить цилиндры. Покой был потерян. Однако познания о птицах, их отличительных морфологических признаках и голосах на учётных маршрутах с каждым днем обогащались, и это приносило удовлетворение. Кроме полевых работ по позвоночным, у меня был новый «заказ» — учитывать на маршруте и на площадях, отлавливать дневных бабочек. Скучать не приходилось. В осенние месяцы прибавились уловы грызунов. В конце октября закончились мои полевые дела. Руководитель был доволен.

Александр Петрович отличался необыкновенной скромностью во всем и мало заботился о своей славе. О нём можно сказать, что он не был привязан «к блеску» …

Для меня мой научный руководитель пожизненно остался судьбой, она предопределила на всю сознательную жизнь «кузякинские» принципы. Я благодарна судьбе.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Е. С. Равкин

Познакомился я с Александром Петровичем Кузякиным на первом курсе естественно-географического факультета МОПИ им. Н. К. Крупской в 1965 г., хотя много слышал о нём и раньше из рассказов родителей и старшего брата. По их же рекомендации я и поступал в этот институт, где кафедрой зоологии заведовал известный учёный, профессор А. П. Кузякин.

Было это уже давно, более 50 лет назад, многое стёрлось из памяти. Но самые яркие впечатления сохранились. Например, лекции по зоологии позвоночных, которые нам читал Александр Петрович. На всю жизнь запомнилось, что он не пересказывал учебник, говоря, что мы сами его можем и должны изучить, а переходил к рассказам о своих экспедиционных поездках в разные уголки тогда ещё огромной страны СССР. По изучаемой теме у него всегда находились примеры из собственного опыта. И мы с большим интересом слушали, как он выслеживал редких птиц, искал их гнёзда, добывал и обрабатывал кладки разных видов. Как приходилось добираться в дальние края, организовывать полевой быт и работу. Это сразу привлекало внимание к занятиям. Александр Петрович рассказывал про внутривидовые отличия птиц в разных регионах и про многое другое — на примере собственного опыта, своих поездок и результатов работы.

В дальнейшем, когда я уже стал ходить на занятия созданного Александром Петровичем Межвузовского студенческого объединения, он демонстрировал нам свои коллекции мелких млекопитающих, птиц и их кладки, а позже и бабочек, показывая различия окраски, размеров и других признаков географических различий животных. Основные коллекции, сделанные собственными руками с большим мастерством, хранились у него дома. Когда мы приезжали к нему домой на занятия, нас рассаживали в большой комнате маленькой квартиры вокруг стола, на котором Александр Петрович раскладывал коллекции. После занятий его гостеприимная супруга Валентина Ивановна поила нас чаем, а сам Александр Петрович рассказывал интересные истории из своих полевых поездок.

Такое общение проходило в рамках изучения Зоогеографии СССР, учебный курс которой для студентов был подготовлен А. П. Кузякиным с уклоном на изучение не только, и даже не столько фауны, а в первую очередь — населения животных разных регионов страны.

Занятия в студенческом объединении проходили после лекций, вечерами, часто совместно с ребятами из кружка ВООП, возглавляемого П. П. Смолиным. Александр Петрович предоставлял возможность использования аудитории и коллекций кафедры зоологии для занятий вооповцев, которые в то время испытывали трудности с постоянным местом базирования кружка. Наиболее активная часть студентов нередко ездила на выезды с вооповцами. Организовывал наши совместные или отдельные занятия и поездки по Подмосковью один из старших вооповцев — Аркадий Малашенко (Рудков). Фактически, в МОПИ в те годы существовал филиал кружка ВООП. Со многими кружковцами разных поколений мы общаемся до сих пор.

У Александра Петровича было немало аспирантов и соискателей из разных стран и городов СССР, и он не упускал случая приглашать их на занятия с рассказами о том, как они работают и какие у них получены результаты. Запомнились приезды на занятия П. П. Второва, Н. Н. Дроздова, А. К. Темботова.

Работа студенческого объединения была построена по интересам студентов, который выявлялся по ходу занятий. Такой подход «по интересам» проводился в жизнь ещё со времён Биостанции юных натуралистов

(БЮН) в Сокольниках, где в 20-х годах прошлого века директором был П. П. Смолин. Впоследствии он ввёл такой же принцип работы в кружке ВООП. Аналогично работало и Межвузовское студенческое объединение при кафедре зоологии МОПИ.

Ещё запомнилось, что Александр Петрович всегда помогал с дальними выездами во время студенческих каникул. Причём помогал реально — добивался оплаты зимних поездок за счёт института, договаривался с преподавателями, чтобы у нас принимали экзамены и зачёты заранее, чтобы нам переносили подмосковные летние практики на время наших дальних поездок, и мы привозили отчёты о проведении практик, работая в разных экспедициях. Позже стали возникать проблемы с оплатой от института, поэтому тем, кто ездил вместе с Александром Петровичем в дальние поездки, он за свой счёт оплачивал расходы.

Когда мы на старших курсах проводили самостоятельные учёты животных, готовили отчёты и курсовые работы по собранным материалам, писали тезисы докладов на конференции, запомнилось, как Александр Петрович учил нас оформлять материалы и писать отчёты. Относился он к нашим писаниям очень серьёзно, приучая правильно, без лишних слов, излагать самую суть. Он не просто читал, что мы написали, а тщательно правил текст своим чётким почерком. И потом беседовал, объясняя в каждом конкретном случае, почему он это исправил. Не любил слово «является», говорил, что «являются только привидения». Учил правильно произносить и писать названия птиц, например, домóвый воробей, а не домовóй (объяснял, что «домовóй за печкой живёт»). Слова-паразиты всегда вычёркивал. Сочетания слов «Интересно отметить …» убирал, говоря, что «если вам интересно, то другим может быть и нет». Вводные слова и предложения тоже не любил. Учил чёткости, краткости и конкретности изложения мыслей и результатов работы. И это во мне осталось на всю жизнь.

Александр Петрович был достаточно резок в своих суждениях о науке, научном мире, в том числе о некоторых известных учёных того времени. Как мне сейчас видится, это во многом было связано с его самобытностью, категоричностью характера и мышления, своим, часто отличным от других, представлением в тех или иных научных вопросах.

Активная позиция в обосновании научных убеждений, собственный пример работы — всегда привлекают учеников, сторонников и последователей, которых у Александра Петровича Кузякина было немало. Надеюсь, что хотя бы в какой-то степени я тоже принадлежу к категории этой группы специалистов.

Воспоминания об учителе сквозь аспирантские годы

В. В. Титова

С Александром Петровичем Кузякиным моя встреча состоялась за два года до поступления в аспирантуру МОПИ им. Н. К. Крупской на кафедре зоологии, которую возглавлял Александр Петрович.

Окончив с отличием биолого–химический факультет Арзамасского педагогического института им. А. П. Гайдара, я была оставлена ассистен-

том кафедры зоологии этого ВУЗа. В сентябре 1971 года меня направили на курсы повышения квалификации в МГПИ им. В. И. Ленина. Там читали лекции лучшие профессора А. В. Михеев, С. П. Наумов. Кроме этого можно было слушать лекции и в МГУ, где я впервые услышала и увидела Александра Петровича. Меня настолько заинтересовали проблемы зоогеографии, что хотелось узнать об этом как можно больше.

Александр Петрович предложил ходить к нему на семинары, выезжать в зимние каникулы в Крюково на биостанцию МОПИ, чтобы научиться полевым исследованиям, методам учёта птиц и мелких зверьков. Зимой 1971 года в течение 10 дней я вместе со студентами МОПИ в Крюкове этому училась. Но наряду с этим были экспедиции в Баку, Дагестан, Абхазию, где мы изучали летучих мышей на зимовках, таким образом, в течение 1971–1973 годов я многому научилась у Александра Петровича. Он научил нас изготавливать тушки птиц, мелких млекопитающих для последующей работы с ними.

В 1973 году я поступила в аспирантуру к Александру Петровичу.

Тема работы была достаточно сложной и звучала так: «Население мелких млекопитающих и булавоусых чешуекрылых на разрезе через три зоны Казахстана».

Зимой я работала с литературой в библиотеке им. В. И. Ленина, а с апреля по сентябрь все три года проводила полевые исследования, материалы которых и легли в содержание диссертации.

В первый год полевых исследований Александр Петрович в течение месяца со своими студентами проехал те места, где должны были проводиться исследования, чем оказал мне неоценимую помощь и поддержку.

В зимний период он приглашал своих аспирантов к себе домой, где у него были уникальные коллекции бабочек, мелких млекопитающих, яиц птиц, с которыми мы могли работать. Дома у него была и уникальная библиотека с научной литературой, с которой мы тоже могли работать, не смотря на небольшую площадь квартиры, где размещалась его семья. Его жена Валентина Ивановна обязательно всех нас поила чаем.

В зимний период времени я посещала и его лекции, которые он читал студентам. Они были блестящими не только по содержанию, но и по форме их проведения. Я многое переняла у него, когда сама читала лекции в ВУЗе.

Человеческие качества Александра Петровича и его жены Валентины Ивановны трудно переоценить. Когда я защитила диссертацию в марте 1977 г., то была на восьмом месяце беременности, и накрыть праздничный стол по поводу успешной защиты они разрешили в их доме, взяв большую часть забот на себя.

Александр Петрович всегда, когда бы к нему не обращались, никогда не отказывал в совете или помощи, хотя он был всегда очень занят. Когда я стала работать в КГПИ им. К. Э. Циолковского, то мне поручили читать лекции по методике преподавания природоведения. Мне было страшно трудно, т. к. я не работала (на то время) в школе (в настоящее время у меня 25 лет учительского стажа). Я, конечно, приехала к Александру Петровичу за советом. Он высказал мне очень хорошую мысль,

которая помогла мне преодолеть этот барьер. Он сказал: «Если человек знает предмет, то он освоит методику. Нельзя освоить методику, если не знаешь содержания предмета».

Прошло очень много лет со дня последней встречи с ним, но до сих пор я вспоминаю Александра Петровича и отношусь к нему как недосягаемому идеалу учёного и преподавателя ВУЗа.

Александр Петрович Кузякин

М. Е. Черняховский

Александр Петрович Кузякин сохранился в моей памяти подвижным, подтянутым и с какой-то извиняющейся улыбкой. Для меня он был хорошим знакомым зоологом и простым в общении человеком.

Впервые я познакомился с ним будучи членом биологического кружка ВООП при Дарвинском музее, которым руководил Пётр Петрович Смолин (не забываемый ППС). Пётр Петрович и Александр Петрович были в дружеских отношениях. И часть занятий кружка проходила на базе кафедры зоологии Областного педагогического института им. Н. К. Крупской, которой руководил Александр Петрович. Помню сообщение Александра Петровича о его поездке и работе в Китае. Как он демонстрировал ряд фотографий, а из большого коричневого картонного тубуса достал тушку самца фазана, но в руки никому не дал. Запомнились рассказы его о методике сбора гнёзд птиц. Особенно, как он искал и первым нашёл гнездо пёстрого пыжика.

Один раз побывал у него дома. Помню белый одноэтажный дом где-то в парке. Совсем небольшую квартиру, но полную книг. И только тогда у меня сложилось, что та Танька, что ходила в наш кружок дочка Александра Петровича, а Володька — его сын.

Затем были короткие полуофициальные встречи в кулуарах Съездов зоологов пединститутов.

И как часто бывают нечаянные встречи на перепутье экспедиционных дорог.

Туркмения: Западный Копет-Даг. Возвращаюсь автобусом из посёлка Кара-Кала в Кызыл-Арват к железной дороге. Между ними 100 км. И примерно посередине кишлак Ходжа-Кала, в котором всегда делается остановка дабы поесть и попить в единственной чайхоне. Пью чай и тут приходит автобус, который идёт в Кара-Калу. И в валившейся толпе вижу человека в кожаной коричневой куртке с соломенной шляпой на голове, а через плечо висит бинокль в кобуре. Вижу его со спины и думаю, ну как похож на Кузякина. И здесь гражданин поворачивается. «Александр Петрович — здравствуйте, здравствуйте — Миша. Вы куда, а я обратно». Но за эту краткую встречу успеваю сказать: где и как остановиться в Кара-Кале и пути наши расходятся.

Приморье: Супутинский заповедник. Утром с рюкзаком топаю от заповедника по грунтовке на автобус, прогулка этак в 12 км. Дорога прямая и хорошо видно, что навстречу идут трое и тот, который в середине мне по фигуре хорошо знаком. Сближаемся. Александр Петрович со студентом

идёт в заповедник. Ну а мой путь в Кедровую падь. Узнаю, что они потом тоже туда приедут. И вот в Кедровой пади, когда молодёжь уже улеглась и мы вдвоём тихо беседуем на кухне — за науку. Александра Петровича в моих прямокрылых интересовало всё — какими методами отлавливаю, как веду наблюдения, как обрабатываю материал, куда ещё собираюсь попасть.

Ну а бесед за жизнь как-то не сложилось.

Последняя встреча была в Москве, когда было предложение Александра Петровича перейти к нему на кафедру, но что-то не сложилось в ректорате. Больше мы с ним не виделись, хотя сведения о нём постоянно доходили.

Так и остался он в моей памяти увлечённым человеком с доброй и слегка извиняющейся улыбкой.

Великий учёный и педагог

Э. А. Дидманидзе

Что я могу сказать об Александре Петровиче Кузякине? Всё только доброе! Это человек с большой буквы, великий учёный и педагог, не только на территории бывшего СССР, но и за границей. Он был человеколюб и считал, что должен всем помочь бескорыстно. Каждое его слово — это программа как работать дальше. Я не знаю, как лучше передать моё глубокое уважению к этому Человеку. К сожалению, наши контакты были только эпизодическими, о чём очень сожалею.

А. П. Кузякин и дети

В. А. Рыльников

Был эпизод моего случайного знакомства с А. П. Кузякиным в марте 1968 года. Я оказался среди участников районной биологической олимпиады. Перед детьми выступил Александр Петрович и рассказал о том какие птицы должны прилететь к нам их южных регионов и в каком порядке. Мне было понятно, что участие столь знаменитого ученого в мероприятии районного уровня — большая честь.

Рассказ о совместной работе с большим учёным и человеком

И. Й. Атанасова

В отличие от других людей, которые делятся своими воспоминаниями об Александре Петровиче Кузякине, я общалась и работала с ним небольшой промежуток времени. Но и сегодня, после того, как во время учёбы в аспирантуре, я имела возможность общаться и работать с Александром Петровичем и его коллегами, это время всё также для меня дорого и интересно.

В ноябре 1975 года самолетом прилетели в Москву болгары, победившие в конкурсе за право учиться в аспирантуре в различных ин-

ститутах и университетах Москвы. Поселились мы в общежитии МГУ им. М. В. Ломоносова. Каждому из нас сообщили номер телефона руководителя отдела аспирантуры в его институте и сказали: «А теперь справляйтесь самостоятельно».

Я позвонила в отдел аспирантуры МОПИ им. Н. К. Крупской и мне сказали придти к 16. 00 на следующий день оформить документы и встретиться с моим научным руководителем.

Только что закончилась защита кандидатской диссертации одного из аспирантов Александра Петровича. Впервые увидела и разговаривала с ним в коридоре института. Очень сильно волновалась, потому что, хотя прочитала тысячи страниц научной и художественной литературы на русском языке, сама практически не говорила на нём. Александр Петрович меня поддержал, сказав, что пройдёт немного времени и я буду разговаривать как москвичка. К сожалению, я не достигла этого уровня, но тогда его поддержка много значила для меня. Начался разговор и я уже не думала, какой падеж мне надо употребить. Ожидала, что он пригласит меня придти к нему на кафедру зоологии. К моему большому удивлению, Александр Петрович пригласил меня к себе домой, чтобы отпраздновать защиту диссертации его аспиранта.

Было очень холодно, шёл снег. Я была тепло одета и чувствовала себя хорошо. Вот только шапки у меня не было и Александр Петрович сказал мне, что в Москве зимой никто не ходит без шапки на голове. В этот морозный вечер я оказалась в культовой для многих зоологов квартире на улице Ленская. Там познакомилась с женой Александра Петровича Валентиной Ивановной, Татьяной и маленькой Светкой. Они приняли меня очень сердечно. Провожая, мне подарили шапку, и так началась наша дружба.

В этой квартире я встретилась с известными зоологами, имена которых я знала по их научным публикациям и не ожидала, что могу разговаривать с ними на равных.

Я с огромным удовольствием разговаривала с Александром Петровичем о моей научной работе, о том, что я уже сделала, о том, что предстоит сделать до моей следующей встречи с ним в Москве. Он был всегда терпелив и толерантен к моим идеям и предложениям, хотя и не всегда был с ними согласен. Конечно, я старалась больше слушать, узнать, понять из того, что этот высокоэрудированный человек мне говорил.

Когда уезжала в Болгарию, после первого приезда в Москву, Александр Петрович сказал мне, чтобы я чётко придерживалась сроков исполнения моего аспирантского плана, потому что вначале кажется, что времени много, а в конце его уже не хватает. Мне тогда показалось это странным, но когда прошли четыре года аспирантуры, я поняла как он был прав.

В июне, 1976 года Александр Петрович был приглашен в Шуменский университет «Епископ Константин Преславски» прочитать краткий курс лекций по зоологии, и после этого я работала с ним на местности и собирала материал для моей диссертации. Основная идея диссертации заключалась в изучении распределения мелких млекопитающих отрядов Насекомоядные и Грызуны по высотным поясам Болгарии. Начали мы от

уровня моря в окрестностях города Балчик, на равнинной местности Добруджа. Расставляли давилки по берегу Чёрного моря. Чтобы наш улов был богаче, я отправила моих студентов чуть подальше от берега моря, вглубь равнины.

И вот случай из нашей жизни здесь. Ничего не подозревая, студенты поставили палатки близко к месту, где банда охотников за сокровищами планировала копать. Поздно ночью пришли «охотники» и чуть не затеяли драку, подумав, что здесь разместились их конкуренты, и никак не могли поверить, что они ловят мышей. А утром Александр Петрович заразительно смеялся над этим происшествием.

После равнины мы работали в широколистных буковых, дубовых и смешанных широколиственных лесах горы Стара Планина. Затем переместились в леса из чёрной сосны в горах Родопы. Ночевали в маленьком домике вблизи туристической хижины. Хотя в сосновых лесах, многообразие видов мелких млекопитающих бедное, в то лето численность была высокой. У нас был богатый улов, и нужно было время, чтобы всё обработать. В хижине был хороший ресторан и много туристов. Каждый вечер слышалась музыка. Нас приглашали повеселиться, отдохнуть, но Александр Петрович говорил: «Нас наука заедает». И мы до поздней ночи занимались своими мышами и дневниками. Валентина Ивановна из солидарности была с нами.

Потом мы работали на горе Рила. Работали в еловом лесу около известного курорта «Боровец», а затем продолжили до субальпийского пояса в подножии самой высокой вершины Балкан Мусалы. Ставили давилки в трёх местах обитания: в кустах можжевельника, на берегу ледникового озера и между валунами, где виднелись трава и снег. Это место очень понравилось Александру Петровичу. Мы там поймали девять видов мелких млекопитающих. Разместились в туристической хижине. Люди думали, что мы ищем какие-то неизвестные лечебные травы среди валунов, кустов и по берегам озера, сильно удивлялись нашему объекту.

Эта экспедиция была для меня серьёзной школой в смысле работы на местности. Что касается методики, то я была подготовлена теоретически, а Алесандр Петрович показал мне как необходимо практически работать на местности. Это и подготовка давилок и их установка, установка приманок, выбор места, немаловажным являлось и время сбора улова. Особенно внимательно он относился к обработке собранного материала и ведению записей. Когда устанавливали давилки, он часто говорил: «Давайте поставим давилку здесь. Если бы я был землеройка, я бы непременно здесь жил».

Когда нам попадался интересный экземпляр, Александр Петрович начинал его препарировать. Я присутствовала при этом, смотрела, училась и перенимала бесценный опыт практической работы. На моих глазах животное превращалось в экспонат для научной коллекции.

Как и всякий аспирант, я после долгих обсуждений и работы с Александром Петровичем знала что надо делать, как должна выглядеть моя диссертация. Я собрала достаточный объём материала для анализа, сроки меня поджимали и пришло время начать писать диссертацию. К со-

жалению, тогда не было современных средств коммуникации, я работала далеко от моего научного руководителя и нужно было написать первый вариант диссертации по схеме, которую мы приняли с Александром Петровичем.

Для меня всегда было удовольствием общаться с коллегами, обсуждать идеи, научные результаты и поэтому я ожидала, что обсуждение первичного варианта пройдёт конструктивно. Была готова к замечаниям, коррекциям, спору, что вполне естественно между маститым профессором и незащитившимся аспирантом. К этому времени зрение Александра Петровича существенно ухудшилось и я ему читала мою диссертацию, записывала замечания, вносила коррективы. У меня был очень скромный опыт в написании научных текстов, в точном научном выражении мыслей, в корректном изложении и употреблении научных терминов. До сегодняшнего дня вспоминаю с приятным ощущением, что после долгого шлифования моей работы, Александр Петрович одобрил мой труд. Из-за проблем с русским языком, я хотела обратиться за помощью к специалисту по русской филологии. Александр Петрович неодобрительно отнёсся к моей затее и заметил, что филологи просто „искалечат научный текст». И предложил мне помощь своего аспиранта в редактировании текста диссертации. Возможно и сам он редактировал текст. Когда мы с ним встретились в 1983 году в Москве, Александр Петрович сказал: «Последнее зрение я потерял с твоей диссертацией, Иванка, и с работой В. Е. Соколова «Систематика млекопитающих».

В 1989 году, в Брно, я встретилась с Иво Грулихом, одним из первых аспирантов Александра Петровича. Тогда он был ведущим специалистом по хомякам не только в Чехословакии, но и в Европе. Иво Грулих вспоминал его с благодарностью и теплотой, с огромной признательностью.

Оглядываясь назад, всё больше ценю научный вклад Александра Петровича в зоологию. В первую очередь, у меня вызывает восхищение его глубокие знания в нескольких группах животного мира, известных своей сложной систематикой и большим многообразием видов. Из научной литературы по зоологии известно, что один человек, как правило, занимается одной из этих групп. Всем, кто был знаком с научной деятельностью и научными трудами Александра Петровича, было известно, что он был одним из самых больших и глубоких исследователей булавоусых чешуекрылых, птиц, рукокрылых и грызунов. Это представители трёх больших классов.

Карта СССР, висевшая на стене в доме Александра Петровича, с начерченными на ней маршрутами экспедиций, всегда вызывала у меня восхищение.

Теперь я понимаю, что когда человек обладает универсальными и глубокими знаниями мира животных и, исследовав такие огромные территории, в своих анализах не мог не придти к зоогеографическим идеям, которые были любимыми и важными для Александра Петровича.

После таксономического направления в творчестве Александра Петровича, зоогеографическое — второе по значимости.

С уверенностью можно сказать, что самое большое практическое значение в его работе имеет третье направление — медицинская и сельско-

хозяйственная зоология.

С моей точки зрения, самое уникальное научное направление в работе Александра Петровича — это бесценная научная коллекция бабочек, птиц, летучих мышей, мелких млекопитающих, которую Александр Петрович создал своими руками. Бесспорно, это примечательное дело, нашедшее отражение в значимых научных публикациях, через которые Александр Петрович известен и присутствует в научном мире сегодня.

При таком огромном объёме научной и практической работы, которую вёл Александр Петрович, он не жалел своего времени отдавать свои знания студентам и аспирантам. Может быть, никто не сможет сказать, сколько студентов и аспирантов выучил Александр Петрович. Важно одно — он живёт в их воспоминаниях.

Сейчас наука сильно дифференцирована, каждый работает в своей узкой области, и поэтому, такая фигура как Александр Петрович с универсальными и глубокими знаниями мира животных и природных территорий, вызывает респект и уважение.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Б. Н. Фомин

Впервые, Александра Петровича Кузякина, я увидел осенью 1964 года, когда стал посещать кружок ВООП. Это случилось в здании МОПИ, где, с благоволения А. П. Кузякина, наш наставник, Пётр Петрович Смолин, проводил семинары и занятия с нами — своими юннатами. Мне тогда было 13 лет и я, с товарищами, нещадно изучал коллекции птиц и мелких млекопитающих, любовно собранных А. П. Кузякиным и отданных нам, фактически, на растерзание. Уже тогда, Александр Петрович, казался мне таким же мудрым и бесконечно добрым как ППС. Лишь несколько лет спустя, я узнал, что А. П. Кузякин, не просто, штатный профессор, а он «одной с нами крови» — из тех легендарных юннатов, корни которых уходят в КЮБЗ, а, затем, и в ВООП.

Летом 1969 года, после своего провала поступления на Биофак МГУ — на экзамене по математике я получил двойку, и, сговорившись с моими товарищами, юннатами из разных кружков, такими же неудачниками, как я, решил поступать в МОПИ, к А. П. Кузякину. В тот год, нас, ребят, пришедших к А. П. Кузякину, было настолько много, что в учебных группах, мальчиков, оказалось больше, чем девочек — неслыханное дело для педагогического вуза.

После моего поступления в МОПИ, с первых же дней обучения в институте, произошло мое личное знакомство с А. П. Кузякиным. Этому способствовало то обстоятельство, что я, и мой друг, с ВООПовского детства, Лёва Вартапетов, отработали целый сезон в экспедиции Юрия Соломоновича Равкина — одного из любимых учеников А. П. Кузякина.

Естественно, что с первых дней, ещё толком не начав учиться, мы с Лёвой, сразу же, стали членами научного студенческого общества, организованного на базе МОПИ.

Во время обучения в институте, Александр Петрович читал нам лек-

ции по зоологии и биогеографии. Как лектор, он был, просто, великолепен. Многие факты, я запомнил, лишь, благодаря его личным комментариям.

Я учился на отлично, получал повышенную стипендию и весной, досрочно сдав сессию, уезжал в экспедицию, в Сибирь, к Ю. С. Равкину. Но, весной, по окончании второго курса, вдруг, что-то произошло.

Мы с Лёвой, как обычно, досрочно сдали сессию на одни пятерки, отработали практики и готовились к отъезду в экспедицию. Однако, в последний день перед отъездом, вызывает нас в свой кабинет декан факультета Г. Я. Малахова и заявляет: «Вы, ни куда не поедете, все ваши экзамены я отменяю, и, вообще, факультетом руковожу я, а не Кузякин».

У Лёвы, этот манифест совпал с необходимостью срочно жениться. Он бы и так, никуда не поехал в начале весны этого года, а я, решив, что это, просто, женский каприз, и, невзирая на предупреждение, уехал в экспедицию. Я рассуждал просто — билеты куплены, люди ждут, учёты должны начаться 15 мая, Г. Я. Малахова, наверное, за что-то обиделась на А. П. Кузякина, но, за 3,5 месяца моего отсутствия они помирятся, и всё обойдется. Но, не тут-то было. В самом конце экспедиционного сезона, я получаю от мамы телеграмму: «Боря, тебя исключили из института».

Когда я вернулся в Москву и приехал в институт, то, действительно, увидел на доске объявлений приказ: «Отчислить из института Фомина Б. Н. за нарушение учебной дисциплины». Мои однокурсники, и я сам, не хотели этому верить. Никто не понимал, какую такую, учебную дисциплину я нарушил. Добившись свидания с Г. Я. Малаховой, я узнал лишь только то, что много о себе воображаю. Мои однокурсники написали петицию ректору с просьбой восстановить меня в институте.

После этого началась моя травля. Моя мама, воспитанница детского дома, по своей советской наивности, обратилась за правдой к парторгу института. Он заявил ей, что я двоечник, пьяница и драчун, пусть скажет спасибо, что её сына просто отчислили, а не сдали в милицию. Из кабинета парторга, маму, на скорой помощи, увезли в больницу.

Малахова решила организовать общественное осуждение моих поступков. Начали с комсомольского собрания группы, которая в этот момент пребывала на «картошке».

Обрабатывать моих сокурсников собралась целая компания институтских чиновников во главе с Г. Я. Малаховой. Я стоял у автобуса, ждал когда соберутся все Малаховские клевреты, и мы поедем к ребятам «на картошку», закапывать мою честь и достоинство.

Как, вдруг, приезжает Александр Петрович Кузякин и заявляет, я поеду с вами и своего ученика в обиду не дам.

Что греха таить, до приезда А. П. Кузякина, были у меня пораженческие настроения. В отличие от своей мамы, я понимал, что реальная жизнь, устроена, несколько, по-другому. Я, совершенно, не рассчитывал, что А. П. Кузякин за меня заступится. Кто я, и кто профессор А. П. Кузякин. Я уже был благодарен ему за то, что два раза удалось съездить в экспедицию к Ю. С. Равкину. Нет, я понимал, что любой, из моих ВООПовских друзей, встал бы на мою защиту. (Так и случилось, огромную помощь во

всем этом деле мне оказал Тимофей Баженов и, конечно, Юрий Соломонович Равкин, — он, просто, водил меня за руку, и, даже, в Москву приехал специально для этого). Но, когда, Александр Петрович Кузякин заявил, что будет меня защищать, я решил, что и я, буду бороться до конца.

Борьба была долгой и трудной. Победителей в ней не оказалось. Поражение понесли обе стороны. В итоге, мне пришлось доучиваться в Ярославском педагогическом институте им. К. Д. Ушинского. К слову сказать, уровень обучения и преподавательский состав там был не хуже, чем в МОПИ.

Защищая меня от Г. Я. Малаховой и сопутствующего произвола советской системы, Александр Петрович, в отличие от меня, отчётливо понимал, чем он рискует. Мне, он не раз говорил: «Боря, постарайся не лезть на рожон. Ты даже не представляешь, чем, всё это, может кончиться». Но, тем не менее, за меня он боролся решительно и бескомпромиссно.

Что бы там не говорили о «тяжелом» характере Александра Петровича, для меня он всегда был образцом чести и человеческого достоинства.

Как и многие, «тяжесть» характера А. П. Кузякина, я испытал на себе, когда попросил его стать руководителем своей дипломной работы по окончании института. С тех пор в моем мозгу, навсегда, засел Кузякинский призыв: «Боря, не прячься за шелухой научных терминов — пиши проще, понятней для людей, которые, ещё только собираются прочесть, те научные книжки, знанием которых, ты тут щеголяешь». Но я, до сих пор, в душе ему возражаю: «Это хорошо Вам, Александр Петрович, обладая таким огромным научным авторитетом, писать проще, а как быть нам — простым смертным?».

Писать воспоминания о людях, с которыми общался много лет, очень тяжело. Пересказать все мгновения жизни невозможно, а пересказывать несколько житейских эпизодов — получается, как то убого, как будто, ничего другого и не было.

Поэтому, вместо рассказов «А вот, мы с Кузякиным . . . », я хочу, во-первых, изложить свою версию возникновения скандально известной истории про видообразование у летучих мышей, во-вторых, — вспомнить научно-философские заветы Александра Петровича Кузякина.

Я, специально, не касаюсь обсуждения заслуг и достижений Кузякина в различных областях науки, особенно, в области близкой мне, количественной зоогеографии. На эту тему, воспоминаний и так, сравнительно много.

Пока я учился у А. П. Кузякина, он много о чём рассказывал, опираясь на примеры из собственной жизни и, при этом, не забывал упомянуть о своем приоритете в той или иной научной области. Рассказывал он и о летучих мышах, но вот, ни разу из его уст я не слышал рассказа о предложенной им теории видообразования на примере летучих мышей. И, кажется мне, что основной целью, той скандально известной статьи, была не теория видообразования, а, по-Кузякински самоотверженная попытка, привлечь внимание эволюционистов и биогеографов к проблеме белых пятен палеонтологической летописи у современных видов на территориях их современного обитания.

Эта животрепещущая проблема эволюционной теории и биогеографии не решена до сих пор. Я бы даже сказал, что она не только ни кем не решается, но и, попросту, всеми замалчивается. А. П. Кузякин обратил внимание учёных на эту проблему и предложил им своё решение. Расчёт у него, видимо, был на то, что другие учёные, начнут предлагать другие, более обоснованные и не столь кардинальные, как у него, решения этой проблемы. Вместо обсуждения проблемы, Александру Петровичу достались обвинения в научном невежестве и отказ в публикации статьи.

В дальнейшем, А. П. Кузякину пришлось добиваться публикации этой статьи, хотя бы для того, чтобы доказать окружающим, что статья соответствует всем научным канонам и в ней написано, только то «что написано».

К такому пониманию идеи А. П. Кузякина в области видообразования я пришёл однажды, реферируя статью иностранных авторов, опубликованную в очень известном экологическом журнале. Авторы, в лабораторных условиях изучали биоэнергетику гусениц. На входе скармливали гусеницам листья, на выходе — измеряли прирост биомассы гусениц, количество выделенного углекислого газа и количество поглощённого кислорода. В итоге, у них получилось, что гусеницы поглощают заметно больше углерода, чем запасают в биомассе и выделяют с углекислым газом. Авторы написали в статье, что в биологических системах нарушается закон сохранения массы и энергии, и что они горды своим открытием. Ересь конечно, но их статья была опубликована, скоропалительных обвинений в научном невежестве, они не испытали, а вскоре, нашлось и решение. В ходе своих экспериментов, авторы не учли выделение метана.

Вот, если бы, статью А. П. Кузякина, в своё время, опубликовали бы, без лишних эмоций, то, может быть и принесла бы она свою пользу биогеографии и эволюционной теории.

Александр Петрович, всегда ратовавший за практицизм в науке, тем не менее, исповедовал и некоторые философские истины. Две из них, особенно, мне запомнились.

1. Идеи приходят во время работы, размышляя, сидя на стуле — ничего путного не придумаешь.

2. Не бойся, что твою идею кто-то украдёт, скорее наоборот, придётся потратить много усилий, чтобы донести её до других.

На этом, свои воспоминания я и хочу закончить.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Л. И. Прилуцкая

Познакомилась я с Александром Петровичем в 1977 году. Окончив биологический факультет Дагестанского государственного университета и работая ассистентом в Дагестанском сельскохозяйственном институте, я имела огромное желание продолжить заниматься наукой и поступить в аспирантуру.

Приехав в Москву, я по велению судьбы направилась в отдел аспирантуры Московского областного педагогического института им.

Н. К. Крупской. Заведующая аспирантурой рекомендовала мне научного руководителя — заведующего кафедрой зоологии, профессора А. П. Кузякина. Внимательно выслушав меня, он предложил поехать домой, познакомиться с его коллекциями и обсудить тему будущей диссертации. С первого знакомства я почувствовала его большую эрудицию, живость ума, доступность и открытость.

Квартира Александра Петровича напоминала музей, заставленный книжными шкафами и полками с коллекциями уникальных бабочек, грызунов. Он вспоминал о своем учителе, об экспедициях, гордился своими аспирантами «разлетевшимися» по всему Советскому Союзу и зарубежью. Меня поразила висевшая на стене географическая карта исчерченная маршрутами его поездок.

С этого дня в квартире А. П. Кузякина я всегда чувствовала себя желанным гостем. И сейчас закрывая глаза я вижу эту квартиру на Ленской с доброжелательными домочадцами: супругой Валентиной Ивановной (нашей мамочкой), дочерью Татьяной и внучкой Светланой. Мы, аспиранты получали от них любовь, внимание, тепло и заботу. Характерной чертой Александра Петровича было русское гостеприимство; поил чаем с пирогами; Валентина Ивановна угощала своими кулинарными творениями. Рецепты, записанные с её слов, я храню до сих пор. Редкий вечер у него не было двух — трёх посетителей, которых всегда ожидала вкусная еда и неизменная «рюмка чаю».

Зная, что не всем удаётся сохранить хорошие отношения со своими научными руководителями, мне повезло. У меня был золотой научный руководитель. Спасибо, большое человеческое спасибо, Вам, Александр Петрович! От него я получала отеческое внимание, тепло и заботу. Приехав из Дагестана, я прошла отличную «кузякинскую» школу. Я училась у него всему, набиралась преподавательского опыта, участвовала в летней полевой практике. Он был первоклассным полевым исследователем. Александр Петрович обладал великолепной памятью, эрудицией, читая лекции, увлекал студентов. Вместе с ним мы выезжали на научные конференции. Он советовал говорить просто и доступно. Не бояться публичных выступлений. В научных исследованиях не терпел поспешности и непродуманности. Меня он учил писать просто. По его мнению, писать даже серьёзные научные темы, нужно настолько просто, чтобы любой читающий мог понять, о чем идет речь.

К студентам Александр Петрович относился с уважением, называя на Вы. Видимо в нём был своеобразный моральный кодекс, который не позволял относиться к студентам иначе. Он привлекал их к практической работе, к самостоятельным исследованиям, участию в многочисленных экспедициях.

Александр Петрович с великой дотошностью, пунктуальностью и щепетильностью собирал необходимые для работы сведения, подбирал специальные литературу, чему и я училась у него. Его способность всего себя отдавать работе не знала границ и совершенно невозможно представить себе его предающемся праздности и даже отдыху.

Потеряв зрение, он продолжал активно работать, обобщая материал,

собранный в течение многих лет.

Доброжелательность, отзывчивость, какая-то особая житейская мудрость влекли к Александру Петровичу самых разнообразных людей, дружба с которыми длилась десятилетиями. Однако, несмотря на общую душевную доброту, он был в высшей степени принципиален, требователен к людям, подчас даже резковат. Именно поэтому он так легко наживал себе недоброжелателей.

Александр Петрович вырастил собственную школу зоологов, разделявших его научные взгляды и ставших помощниками в научных исследованиях. Его воспитанники работают в самых различных городах и даже за границей.

Жизнь А. П. Кузякина была интересной и многогранной. Память о нём, несмотря на прошедшие годы, живёт в его идеях и в сердцах всех, кому он помог стать солдатами науки.

Как я стал териологом

В. П. Стариков

В 1974 г. окончил биолого-химический факультет Курганского государственного педагогического института, отслужил в рядах Советской армии, поработал учителем биологии в 22-й и 24-й школах г. Кургана. В конце 1978 г. меня пригласили на должность ассистента в родной вуз на кафедру зоологии. Встал вопрос о моём повышении квалификации. В те времена соответствующей аспирантуры в г. Кургане не было. Получил направление для поступления в аспирантуру на кафедру зоологии МОПИ им. Н. К. Крупской. Проректор по науке Курганского государственного пединститута, напутствуя меня, сказал — какой из профессоров предложит тему, соглашайся, поскольку задела у тебя нет. Первый кто меня встретил в МОПИ, была профессор Ольга Николаевна Сазонова — крупный специалист по паразитическим членистоногим (блохам, комарам, слепням). В процессе нашей беседы она предложила мне заниматься комарами. Помня установку нашего проректора, я согласился. Аргументация О. Н. Сазоновой была убедительной, она предложила выполнять исследования по северу Западной Сибири (ранее она сама там работала). Единственное, что меня смутило, так это методика учёта комаров (сбор при нападении их на человека). После этих предварительных разговоров мы расстались. Я бродил по коридорам биофака, рассматривал биологическую информацию, фотографии известных учёных. В этот момент ко мне подошёл пожилой, но бодрый человек и спросил — кто я, откуда. Мы познакомились. Выяснилось, что мы в какой-то мере земляки. Передо мной был зав. кафедрой зоологии Александр Петрович Кузякин. Я рассказал Александру Петровичу, что прибыл из Кургана для поступления в аспирантуру и что у меня состоялся предварительный разговор с О. Н. Сазоновой, которой я пообещал, что буду заниматься комарами. Александр Петрович предложил мне не торопиться с выбором группы и пригласил домой посмотреть коллекции животных и тем самым окончательно определиться с группой животных. После задушевных разговоров и просмотра коллекций я, уже без сомне-

ний, дал согласие заниматься млекопитающими. Александру Петровичу удалось очень тактично уладить вопрос с О. Н. Сазоновой.

Выдержав конкурсные экзамены, я поступил в аспирантуру. Время пролетело очень быстро — полгода в полях, полгода в Москве. Вместе с Сергеем Ельшиным мы в срок представили диссертации и успешно были отчислены из аспирантуры. Защитили мы их в 1983 г. в Биологическом институте СО АН СССР. Здесь нам на предварительном этапе неоценимую помощь оказал Юрий Соломонович Равкин, который также начинал у Александра Петровича Кузякина.

Затем наступили трудовые будни в Курганском государственном педагогическом институте. В 1988 г. был направлен на 4-месячные курсы повышения квалификации в Москву. Времени у меня было много, вначале думал, что пройдёт неделя, и я встречусь с Александром Петровичем. Но какая-то внутренняя сила заставила меня прийти к Кузякиным в первый же день. Когда я оказался на пороге их квартиры, встретила меня Валентина Ивановна. Она сказала, что Александр Петрович серьёзно болен, но очень часто вспоминает о тебе. Я прошёл в кабинет Александра Петровича. Он лежал на кровати. Что меня сразу же поразило, так это его борода. Он это заметил и как бы извиняясь, сказал «ну вот, я уже не могу бриться». Он меня расспрашивал, как я адаптировался к преподавательской деятельности, какие предметы веду, насколько активно занимаюсь наукой. Потом он моё внимание переключил на рюкзак, который стоял в углу комнаты. Он сказал, что этот рюкзак для тебя. Александр Петрович подробно познакомил меня с его содержимым. В нём были давилки. Как сказал Александр Петрович выстраданные, выверенные, очень чувствительные, то же самое — кротоловки, капканы № 0 (они уже были сняты с производства). В рюкзаке также были: складной нож, китайский фонарик, механическая бритва.

Через несколько дней Александра Петровича не стало. Память об этом замечательном человеке и учёном будет со мной всегда.

А. П. Кузякин и зоологический поиск

Л. А. Хляп

Имя А. П. Кузякина было знакомо мне ещё с кружковских (ВООПовских) времен. Ведь именно в аудиториях института, где он преподавал, на улице Радио проходили знаменитые ВООПовские вторники, которые организовывал Пётр Петрович Смолин. С разных концов Москвы кружковцы разных поколений, преимущественно школьники, съезжались туда, чтобы услышать рассказы именитых учёных-биологов и только вступивших на этот путь. Большое значение для нас, детей, имели также коллекции тушек животных, особенно птиц, которые Александр Петрович не боялся давать нам в руки для подготовки к олимпиаде.

Отчасти могу себя считать ученицей А. П. Кузякина, т. к. он читал нам, небольшой группке студентов кафедры биогеографии географического факультета МГУ, несколько лекций в курсе зоологии. Они касались рукокрылых и некоторых видов грызунов. Это не были лекции, выстроен-

ные в классическом стиле. Александр Петрович рассказывал нам как бы случаи из своей жизни: как он решал те или иные зоологические вопросы. Удивляло, каким нужно было быть ловким, чтобы удилищем попасть летучей мыши по предплечью и сбить её. При этом тем, кто посвятит себя изучению летучих мышей, нужно быть готовым к ночным бдениям и забыть о сне в тёплой постели. Неординарные задачи пришлось решать, занимаясь вопросами истребления малых сусликов в природных очагах чумы. Сначала отравленную приманку — зерно, на которое с помощью подсолнечного масла наносили фосфид цинка — раскладывали в привычном для человека режиме: встали, позавтракали, собрались и отправились на работу. Суслики ели зерно, но отрава не действовала. После долгих исследований и раздумий оказалось, что к приходу людей к местам раскладки приманки земля прогревалась и становились активными муравьи. Они то и объедали масло с зёрен. Ядовитый порошок осыпался, а зерно без него не причиняло сусликам вреда. Другой вид и другая ситуация: в метро в 1950-х годах встречалось много серых крыс. Как заставить этих осторожных и умных зверьков есть отравленную приманку. И тут долгие эксперименты. Оказалось, что в качестве пищевой основы совсем не нужна дорогостоящая и любимая людьми колбаса. Крысы из предложенной пищи охотней всего ели свёклу. Была ещё одна заковыка: расставишь ловушки, а крысы их обходят. Долгие поиски, и вот попалась интересная работа Читти про реакцию избегания. Ответ найден: нужно набраться терпения. В течение недели на ловушках менять приманку, но не настораживать их. Крысы перестают бояться, и можно выловить многих из них.

Курс лекций закончился приглашением в свой дом для знакомства с коллекциями. И опять рассказы: как удалось поймать того или иного редкого зверька.

Все эти яркие рассказы запомнились на всю жизнь. Они учили зоологическому поиску.

Александр Петрович Кузякин — мой учитель

Н. П. Малков

Я не был прямым учеником Александра Петровича, но считаю его своим Учителем. Так уж сложилась моя судьба. Окончив в 1967 г. заочно Горно-Алтайский пединститут, я, тридцатилетний обалдуй с заочным образованием, был принят ассистентом на кафедру зоологии этого института. Решил стать териологом. С чего начать? Конечно же, с определителя млекопитающих! Повезло, приобрел «Определитель млекопитающих СССР» издания 1965 г. Изучил (именно изучил) всю теоретическую часть определителя, запомнил автора (А. П. Кузякин), захотел сделать коллекционную тушку летучей мыши, как на рисунке в Определителе, сделал, получилось, понравилось, начал совершенствоваться в изготовлении тушек других мелких млекопитающих. Начал «искать себя в науке», т. е. определяться с направлением. Нашёл! Нашёл то, что мне по силам, опять же в работе Александра Петровича — «Зоогеография СССР» издания 1962 г., в общем, «поумнел». Занялся учётом всех наземных позвоночных.

В 1974 г. я поступил в заочную аспирантуру МГУ. Мой научный руководитель Рюрик Львович Бёме определил мне тему исследования: «Эколого-географический анализ фауны наземных позвоночных Центрального Алтая». Я продолжал заниматься учётами всех наземных позвоночных. Мой научный руководитель не был в восторге от того, чем я занимался, но и не запретил, в результате на предзащиту я пришёл с диссертацией, объемом более 500 страниц. На предзащите Геннадий Николаевич Симкин категорично потребовал выбросить всё, оставить только птиц. Так я стал после защиты диссертации называться орнитологом.

С Александром Петровичем лично я познакомился в 1975 г., к нему в дом меня привёл мой брат, Юрий, поступивший тогда к Александру Петровичу в аспирантуру. Мы посидели за столом и Александр Петрович начал показывать мне свою коллекцию мелких млекопитающих. Я называл их виды, не ошибался. К тому времени я кое-что «накопал» по биологии алтайской рыжей мышовки (*Sicista napaea*). Её в коллекции не оказалось, и Александр Петрович посетовал, что никак не может её заполучить. Я пообещал привезти, на что он ответил: «Вы не угодите мне качеством изделия». В следующий мой приезд в Москву я привёз десяток мышовок. Увидя их, Александр Петрович воскликнул: «Коля! Ты же у меня не учился! Откуда такое качество?». Я ответил: «Учился, Александр Петрович, учился, только заочно». С тех пор Александр Петрович, не побоюсь этого слова, меня полюбил.

Я, каждый раз бывая в Москве, посещал хлебосольный дом Александра Петровича. Мы всегда подолгу беседовали на разные темы, и лишь один только раз, будучи в Москве, я в спешке не зашёл к ним в дом. Узнав об этом, Александр Петрович прислал мне гневное письмо. Больше я себе такого не позволял.

Последний раз я посетил Александра Петровича поздней осенью 1987 г., незадолго до его кончины. Предварительно я позвонил Валентине Ивановне о своём визите. Валентина Ивановна мне поведала, что Александр Петрович на каждый звук спрашивал: «Там не Коленька пришёл?», а когда я позвонил в дверь и переступил через порог, увидел Александра Петровича, пытавщегося выйти из своей комнаты. Валентина Ивановна ахнула: «Саша, куда ты?» — и мне: «Он уже несколько дней не вставал с кровати». Я помог усадить Александра Петровича за стол. Мы никак не могли наговориться. Александр Петрович попенял: «Пока был в силе, двери дома почти не закрывались, всем был нужен, а теперь никто не навестит». Проговорили мы с ним до поздней ночи, я едва-едва успел до закрытия метро.

Любил меня Александр Петрович. Я тоже его любил.

Александр Петрович Кузякин в моей жизни

С. П. Кретова

Учась в Московском областном педагогическом институте по специальности «География и биология» на естественно-географическом факультете, занималась научной работой под руководством доктора био-

логических наук, профессора Александра Петровича Кузякина по теме «Чешуекрылые, как индикатор ландшафта».

Мне посчастливилось участвовать в экспедициях, которые он организовывал вместе со студентами института.

Александр Петрович открыл волшебный мир бабочек, который украсил мою жизнь и положил начало моей коллекции, а, как известно, коллекционеры — самые счастливые люди. Я бы назвала Александра Петровича «очарованным странником» и «последним из могикан».

География экспедиций сравнительно обширна: Средняя Азия — Центральные Каракумы, хребет Копетдаг с его известной во всем мире Бахарденской пещерой с уникальным подземным сероводородным озером. Мы ещё застали эту пещеру в диком, неокультуренном виде. Она славится огромной колонией летучих мышей, изучая которую Александр Петрович защитил докторскую диссертацию.

Впечатление от пещеры незабываемое: кромешная темнота, которая только чуть–чуть освещалась небольшим фонариком, положенным на крутой склон озера, состоящего из многометровой толщи помёта рукокрылых, накопившейся за очень длительное время, высвечивалось озеро уходящее куда–то в тёмное пространство и свод пещеры, усеянный как грушами летучими мышами. Преодолевая страх, мы всё-таки искупались.

Перелетев через Каспий, очутились в Баку, далее — субтропики Ленкорани, Талышские горы.

На Дальнем Востоке вели учёты бабочек в Южном Приморье — Уссурийске, районе залива Петра Великого, заповедниках Кедровая падь, Супутинском, у озера Хасан, возле залива Посьет.

Побывали в Казахстане — на Джунгарском и Заилийском Алатау, а также хребте Тарбагатай и Казахском мелкосопочнике.

Александр Петрович был азартным, виртуозным охотником на бабочек казалось, он не чувствовал усталости, с лёгкостью забирался на вершины гор, был выносливым ходоком. Нам, студентам, давал во всём фору. Попутно рассказывал о встречавшихся на наших маршрутах птицах, и в этой области он был прекрасным орнитологом. Не ускользали от его внимания и мелкие грызуны, из которых по вечерам на стоянке, не смотря на усталость, он делал тушки.

Александр Петрович был неутомимым путешественником, трудоголиком, не любил безделья, не терял ни минуты впустую, переносил любые трудности, был неприхотлив в быту.

Экспедиции с Александром Петровичем расширили границы моей личной географии: «… мир стал загадочней и шире», привил любовь к познанию нового, сделал из меня путешественницу, влюблённую в жизнь. Меня часто посещают воспоминания о необыкновенных по красоте местах, в которых мы побывали: это таинственные субтропические леса Южного Приморья, Ленкорани, Талыша, лазурное Японское море, древний Копетдаг, пустыни Средней Азии, Кавказ. «Случайно на ноже карманном найдёшь пылинку дальних стран и мир опять предстанет странным окутанным в цветной туман». И все эти красоты посчастливилось увидеть и ощутить благодаря замечательному учителю, естествоиспытателю, эн-

тузиасту, большому учёному и прекрасному человеку Александру Петровичу Кузякину.

Низкий поклон, Вам, дорогой человек!

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Б. Л. Манин

Об Александре Петровиче Кузякине я впервые услышал в 1967 г. от ребят, которые были в туристическом походе на Восточном Памире. Они встретили его в долине речки Аличур. Для них было удивительным, что взрослый, серьёзный мужчина бегал с сачком за бабочками. Оказалось, что это московский профессор, который свой отпуск проводил в горах, занимаясь учётами птиц, мелких млекопитающих и дневных чешуекрылых.

После беседы со школьниками и их руководителем — учителем географии Германом Николаевичем Бабушкиным, произошли изменения в мировоззрении праздно путешествующих ребят. От Александра Петровича они узнали, что там, куда обычно стремятся туристы, то есть в дикие места, присутствуют наиболее интересные, редкие и эндемичные животные и растения. Особенно заманчивы в этом плане районы СССР, пограничные с Китаем и Афганистаном, где не производится выпас овец и коров. Несмотря на пустынные ландшафты, там присутствует множество экзотических видов дневных чешуекрылых. Не все ребята — туристы своё будущее определили с биологией, но все очень увлеклись учётом бабочек, понимая, что они занимаются нужным делом, изучая очень чувствительную часть ландшафтов.

После моей первой экспедиции летом 1970 года в горный Казахстан (Заилийский и Джунгарский Алатау, хребет Тарбагатай), когда посчастливилось проводить совместно с Александром Петровичем учёты дневных чешуекрылых в высотных поясах Джунгарского Алатау, мы получали навыки учётов мелких млекопитающих, птиц, поиск и учёт гнёзд, проводить описание ландшафтов в геоморфологическом и геоботаническом аспектах. Практически в природных условиях нам преподавался класс комплексного обследования территорий. Однако одному человеку невозможно охватить весь природный комплекс, поэтому Александр Петрович предлагал каждому студенту выбрать индикаторную группу животных для более детального обследования. Проводя учёты булавоусых в зоогеографическом аспекте, мы невольно попутно уточняли их фаунистический состав обследуемых ландшафтов.

Последующие три летних сезона (1971 год — восточный Памир, 1972 год — Тува, 1973 год — западный Тянь-Шань и западный Памир) Александр Петрович предлагал нам обследование территорий, представляющих максимальный интерес в зоогеографическом плане. К себе он нас уже не привязывал, так как считал, что мы можем проводить работы самостоятельно.

При подготовке к каждой экспедиции вместе с ним мы уточняли фаунистические списки территорий, которые предстояло обследовать. Для

того чтобы мы точнее проводили учёты в полевых условиях Александр Петрович демонстрировал чешуекрылых по экземплярам из личной коллекции. Кроме того, предстояло сохранить в переездах хрупкие экземпляры бабочек. Так у нас в рюкзаках появлялись коробки с ватными матрасиками для их сбора. Велись ежедневные записи в полевых дневниках. Неизвестные виды в дневниках мы обозначали с аббревиатурой *sp*. и после экспедиций, сидя в кабинете у Александра Петровича, уточняли учётные таблицы. Так в совокупности определялся фаунистический состав ландшафтов. Отмечу, что все студенты, которые были под опекой А. П. Кузякина оказались заядлыми путешественниками. Всё свободное от учёбы время они проводили на природе, занимаясь учётами животных.

Некоторые регионы, в которые направлял нас Александр Петрович для проведения учётов, имели исторические аспект, ибо были обследованы ещё в конце 19 века русскими путешественниками. Так, 26-30 июля 1973 г. в урочище Арам-Кунгей на Заалайском хребте нами было обнаружено в одном месте сразу 7 видов желтушек. Об этом месте мы узнали из работы Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло о его путешествии по Памиру в 1887 году в Мемуарах Великого князя Николая Михайловича Романова. Это уникальное явление — сохранение эндемичных видов желтушек через 100 лет просто потрясает, несмотря на то, что здесь постоянно ведётся выпас овец. Александр Петрович прекрасно знал и помнил все уникальные регионы с высоким разнообразием булавоусых, мелких млекопитающих и птиц. Его увлечённые подопечные после каждой экспедиции добывали новую информацию о численности изучаемых групп животных, а также уточняли фаунистические списки регионов.

После окончания института в 1974 г. я намеренно выбрал себе распределение в самый далёкий регион Советского Союза — на Чукотку. Судьба меня забросила в посёлок Уэлен. Это распределение было выбрано по принципу А. П. Кузякина, который заключался в том, что самые интересные районы — это пограничные, горные и находящиеся на стыке природных зон и материков.

Булавоусых чешуекрылых в регионе было немного, но птичье население в период гнездовья поражало своим обилием. По приезду я сразу попал на птичий базар, где кроме чаек гнездились тупики, топорки, несколько видов поморников. В море обилие моржей, нерп, серых китов.

На Чукотке в короткий летний сезон 1975 г. мне удалось собрать 20 куколок желтушки *Colias hecla*. Уже во Владимире из 19 куколок вывелись бабочки, а из одной целый рой мух.

После Чукотки я служил год в армии. И даже здесь, будучи одетым в солдатскую форму, удавалось бегать с сачком по степи и учитывать бабочек. Этот немного странный атрибут — сачок, был постоянным спутником А. П. Кузякина

К сожалению, студенческое увлечение не получило логического завершения. В дальнейшем судьба меня привела в город Владимир, где уже много лет работаю в НИИ с биологическим уклоном. Те направления в науке, которые были разработаны А. П. Кузякиным, в определённой степени помогают в других направлениях, в частности в клеточной биологии.

В свободное от работы время продолжаю заниматься булавоусыми и в какой–то степени зоогеографией. Так было обследовано население булавоусых основных ландшафтов Владимирской области. Кроме того, обнаружены уникальные места обитания обыкновенного аполлона (*Parnassius apollo*), который здесь многочислен.

Студенческое увлечение зоогеографией и первый научный наставник — А. П. Кузякин навсегда останутся в памяти, отражаются в дальнейшей деятельности и в глубинных стереотипах научного мышления. Это касается оригинальной теории видообразования, предложенной А. П. Кузякиным — теория близких, параллельных видов. По ней новый вид образуется параллельно существующему, т. е. практически из недр старого вида. Некоторое подобие процесса видообразования происходит в клеточной биологии, при получении перевиваемых клеточных культур. Этот вопрос до конца также не оформился в виде теории, но новые клеточные линии возникают спонтанно внутри существующей популяции клеток. Но об этой аналогии необходимо отдельное сообщение.

В этом небольшом сообщении о нашем учителе выделю главное. Александр Петрович обладал огромной эрудицией и, в совокупности с исключительной интуицией, ему удавалось сделать большой вклад в науку.

Воспоминания об учителе — Александре Петровиче Кузякине

Г. Н. Корчак

Благодаря профессору Ольге Николаевне Сазоновой, которая пригласила меня — начинающую студентку Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской на кафедру зоологии, я познакомилась с руководителем этой кафедры профессором Александром Петровичем Кузякиным.

Я видела его всегда в кругу людей — коллег по кафедре, студентов нашего или других вузов, в том числе и иногородних. Он отдавал им себя — обсуждал с коллегами какой-либо вопрос, а со студентами проводил разнообразные консультации.

Для меня общение с ним было исключительно интересным и познавательным. За непременным чаепитием я вслушивалась в его рассказы, споры и доказательства по вопросам разного объёма. При этом меня поражал диапазон его биологических знаний, практических наблюдений. Это касалось нюансов жизни разных групп животного мира — птиц, летучих мышей, бабочек и адресовалось специалистам разных специальностей — орнитологов, териологов, лепидоптеролов, медицинских зоологов.

Для студентов Московского госуниверситета он читал лекции у себя дома, используя уникальную личную оологическую (орнитологическую) коллекцию. В ней были представлены кладки яиц и гнёзда или их строительный материал почти всех видов птиц бывшего Советского Союза и частично сопредельных стран, например, Китая. Наиболее полно его коллекция показывала особенности орнитофауны северо-востока нашей страны.

При создании такой коллекции любой собиратель-коллектор даёт

себе задание — найти гнездо с полной кладкой. Зная биологию птицы, можно представить себе, что это адский и даже опасный труд. Место нахождения гнезда весьма разнообразно — узкий уступ крутой скалы, нора, дерево, около воды, над ней и проч., проч., проч. Кроме того, везде коллектор сталкивался с защитой гнёзд родителями. Затем собранные кладки необходимо было обработать, а это ювелирная работа мастера и доставить в коллекцию. Она в квартире профессора А. П. Кузякина занимала значительное место, в настоящее время хранится в Зоологическом музее МГУ им. М. В. Ломоносова. Её значение, в моём представлении, для орнитологов и биогеографов, равнозначно коллекции растений, которую собрал Н. И. Вавилов.

Кроме этой коллекции Александр Петрович сформировал ещё ряд коллекций — териологическую, в которой были представлены насекомоядные, рукокрылые, зайцеобразные, грызуны и мелкие хищники, а также лепидоптерологическую, где собраны булавоусые чешуекрылые. География этих сборов — все природные зоны Советского Союза. Весь материал был безукоризненно представлен — этикетирован и расположен в строгом порядке.

Рассказывая и показывая свои сборы А. П. Кузякин буквально завораживал нас. При этом, в его рассказах, даже об опасных экспедициях, он обязательно вносил юмористические нотки. Это создавало атмосферу доверительности и теплоты.

Александр Петрович был учёным, который поддерживал связь и вёл переписку с коллегами практически всего мира — Европы, Азии, Америки и Африки. Поэтому в его доме всегда кто-то был в гостях.

Об Александре Петровиче Кузякине

В. К. Мелков

Многие отмечали тщательность, основательность ко всему, чем занимался Александр Петрович. Мне запомнилось его выступление на одном из совещаний, посвящённом синантропным грызунам. Речь зашла об учётах численности грызунов в населённых пунктах. Выступающие говорили о трудностях, отсутствии единых подходов и методик учёта. Соглашаясь с предыдущими ораторами, А. П. Кузякин обратил внимание на то, что не только методики, но и сами средства учёта, а именно пружинные капканы или, как их ещё называют плашки, также не стандартизированы. Изготавливают их на разной основе: фанере или дощечках. Для пружин используют не стандартную, а ту проволоку, которую удаётся закупить. Принцип действия капканов, хотя и сходен, но сама конструкция отличается. Всё это влияет на результаты отлова.

А. П. Кузякин настоятельно призывал к стандартизации учётных средств. В противном случае полученные результаты не подлежат сравнению. Получаем не данные учётов численности грызунов, а результаты их отлова. Отсюда, вообще нельзя их считать учётами численности, и не только в населённых пунктах, но и в природных биотопах, т. к. используются всё те же не стандартизированные пружинные капканы.

Уроки таксидермии

Н. Ю. Обухова

Моё детство было неразрывно связано с биостанцией «Крюково», а юность с кафедрой зоологии Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. По окончанию МОПИ в 1975 году, заведующий кафедрой зоологии Александр Петрович Кузякин принял меня на должность лаборанта кафедры.

Под влияние Александра Петровича Кузякина я попала, будучи старшеклассницей в 1969 году. В те времена на биолого-химическом факультете в МОПИ широко практиковалась заочная форма обучения. Заочное обучение имело огромное значение для подготовки педагогических кадров для отдалённых районов и сельских школ. Многие учителя, имея крепкий педагогический опыт и многолетний стаж работы в школе, не имели диплома о высшем образовании. Вот тут на помощь им приходило заочное образование без отрыва от производства. В школе (по месту работы) учителю предоставлялся месячный учебный отпуск, и он, уже в качестве студента, приезжал в институт на «установочную сессию». За этот месяц студенты-заочники должны были прослушать лекции, отработать практические занятия, выехать на полевую практику, сдать зачёты и экзамены. На практику по зоологии позвоночных заочники, а это были в основном дамы 30-40 лет, приезжали в Крюково на биостанцию. Происходило это в октябре, когда осенняя миграция птиц уже завершилась, оставались только стайки кочующих и зимующих видов, а времени для экскурсий давалось всего один день. Провести полноценную зоологическую экскурсию в таких условиях было сравнительно сложно.

Александр Петрович привозил студентов в субботу во второй половине дня. Расположившись в одном из домов биостанции, они выходили на экскурсию, когда короткий осенний день уже клонился к вечеру, становилось сумеречно. Кавалькада девушек под руководством профессора спускалась в ближайший овраг поймы реки Горетовки. Нужно было расставить линию ловушек-давилок на мелких мышевидных млекопитающих, чтобы утром собрать улов, необходимый для проведения занятия по таксидермии. Александр Петрович брал давилку, по виду она отдаленно напоминала те мышеловки, что продавались для борьбы с грызунами в домах. Это была модернизированная и опробованная практически во всех географических зонах территории Советского Союза, знаменитая у специалистов — давилка Кузякина. Форма её деревянной платформы была без острых углов — овальная, по весу облегчена до предела, а, чтобы пойманный зверёк не смог её утащить, или хищник не утащил бы её вместе с пойманным зверьком, давилка фиксировалась на месте установки небольшим шнурком с колышком. Конструкция ловушки и её рабочие качества были продуманы и доведены до максимального результата. Захлопывающаяся дуга редко повреждала череп зверька, череп должен был оставаться целым, так как он имел большое значение для коллекции.

Объяснение начиналось с того, как нужно правильно взять и насторожить давилку, чтобы при этом случайно не травмировать себе пальцы,

а потом, где её поставить. Первые одну-две ловушки линии Кузякин ставил сам находя норку у комля дерева или у кучки валежника и объяснял: «Выбирайте место, где поставить ловушку и думайте — вот если бы я был мышкой, я бы здесь поселился».

На следующий день с рассвета собирали улов, это были мыши, полёвки, бурозубки. Потом группа поднималась на правый высокий берег Горетовки. Вслед за заросшими ольхой, бузиной и кустарниками склонами открывались колхозные поля, которые чаще всего засевались овсом или кормовыми травяными смесями. К концу октября на поле оставались небольшие копешки соломы, или кучи старого клевера. И тут Александр Петрович применял ещё один метод лова зверьков. Он просил студенток окружить копну соломы, а сам в стремительном броске поднимал её и отбрасывал в сторону. Как правило, на поверхности почвы оказывались две-три полёвки, жившие под соломой. Ошеломлённые зверки первые секунды не двигались с места, в этот момент надо было успеть схватить грызуна.

Но происходило всё примерно одинаковым образом. Как только очнувшиеся мыши начинали разбегаться, с визгом, или молча отскакивали от них студентки-девицы и более зрелые дамы. На добычу бросались я и Александр Петрович, освободившийся от соломы. Броски наши были удачными, и каждая копешка сулила какого-нибудь зверька.

Однажды, из-под одной кучи вынырнула ласка, я схватила её со второй попытки, вытянув руки и распростёршись на земле. Какое счастье, что перед этим студентка, пожалев мои обмёрзшие пальцы дала мне свои перчатки. Перчатки были велики, и ласка прокусила пустой кончик мизинца. Профессиональным движением пальцев Александр Петрович умертвил зверька, и только после этого смог разжать сомкнувшиеся челюсти.

В этот день мастерство таксидермии Александр Петрович демонстрировал, изготавливая тушку ласки. Обычно, он брал полёвку, или бурозубку и это происходило так.

После экскурсии и небольшого отдыха студенты собирались в лаборатории. Каждый выбирал себе зверька, уловы были хорошими и материала хватало на всех. Начиная объяснения Александр Петрович говорил, что, прежде всего, нужно обустроить себе рабочее место. Это легко сделать при помощи газеты. Вот, я беру четвертушку газеты и мне этого хватит, посмотрим, как получится у Вас. При этом он хитро щурился и улыбался. Да, действительно, по завершении работы у Александра Петровича на рабочем месте — куске газеты размером с печатный лист бумаги царил абсолютный порядок. Вверху красовалась изготовленная тушка, слева лежало тельце зверька, справа аккуратно по ранжиру набор инструментов.

Стоило перевести взгляд на рабочие места учениц — ужас! Некоторым не хватало разворота газеты «Правда» — везде валялась какие-то клочья, обрывки бумаги, кусочки мяса, ваты, вперемежку с инструментами. Даже повторяя все движения за профессором, редко кому удавалось с первого раза сохранять рабочий порядок.

Об учителе добрым словом

Д. А. Бондаренко

В 1971 году я стал студентом 1 курса естественно-географического факультета МОПИ им Н. К. Крупской. Преподавательский состав кафедры зоологии в то время был сильным. Здесь работали известные в своей области специалисты: профессор Ольга Николаевна Сазонова, доценты Мария Николаевна Денисова, Ленина Владимировна Руденская, Ирина Николаевна Васильева и Вера Ивановна Подаруева. Возглавлял кафедру профессор Александр Петрович Кузякин. По этой причине в институт поступала молодежь, уже имевшая подготовку в биологических кружках Всероссийского общества охраны природы и Клуба юных биологов зоопарка. У этих первокурсников уже сформировался интерес к предмету, некоторые их наставники сами обучались в прошлом в этом институте.

Другие первокурсники не были кружковцами, но их интерес к зоологической науке также быстро складывался благодаря той атмосфере, в которую они попадали. Здесь была большая заслуга преподавателей и особенно Александра Петровича. Благодаря ему на кафедре задолго до нашего поступления был создан и долгие годы работал научный зоологический кружок. На заседаниях кружка студенты делали вполне серьезные доклады о результатах наблюдений за животными в различных районах Советского Союза, куда им удавалось проникнуть. Часто Александр Петрович приглашал выступить с докладами своих аспирантов и учёных из других учреждений. Слушая на заседаниях кружка рассказы об увлекательных поездках, каждому новичку хотелось оказаться на их месте в экспедиции и наблюдать животных в природе. У меня сравнительно рано сложился интерес к герпетологии. Поэтому я всегда хотел побывать в пустыне, где видовое разнообразие и обилие пресмыкающихся, ни в какое сравнение не шло с Подмосковьем.

Иногда мечте помогает случай. В апреле женская половина курса на целый месяц ушла на занятия по медицинской подготовке, а парни оказались не у дел. Почему-то нас упустили и не загрузили учёбой. Образовавшееся в учебе «окно» захотелось использовать с пользой. Помню, как я, Сергей Пищенков и Володя Фоменко, зайдя в кабинет заведующего кафедрой, обратились с просьбой содействовать в поездке на юг страны, в какое-нибудь интересное место. К нашей радости Александр Петрович не только поддержал инициативу, но и сделал встречное предложение присоединиться к нему в поездке в Среднюю Азию. Оказалось, что он собирался в апреле в плановую командировку к своему целевому аспиранту, работавшему в Туркмении в педагогическом институте г. Чарджоу Сапару Реджепалиеву. Мы обрадовались: представился счастливый случай в одной команде с заслуженным педагогом и учёным побывать в экзотическом регионе. В марте-апреле пустыня оживает после зимнего оцепенения. Этот период считается одним из самых благоприятных для наблюдения за жизнью животных.

Собрались, полетели. Летели через Ашхабад. Прилетели в город утром. Рейс на Чарджоу был ближе к вечеру и Александр Петрович повёз нас под

Ашхабад, надеясь отловить уникальную бабочку — ашхабадскую белянку (*Elphinstonia tomyris Chr.*), обитавшую только здесь на очень узкой полосе предгорий Копетдага, а заодно познакомить нас с пустыней. В Чарджоу прилетели поздно. В аэропорту тепло встретил Сапар и повёз в студенческое общежитие института. Быстро разместились, но спать не хотелось, несмотря на усталость. Тёплая тихая ночь сильно контрастировала с московским холодом и интриговала. Трудно было удержаться не побродить по территории студенческого парка с фонарём. По стенам бесшумно передвигались туркестанские гекконы и богомолы, в воздухе летали экзотические ночные совки и наездники, у арыков сидели зелёные жабы…

Следующий день был организационным, пошли знакомиться с сотрудниками кафедры. Посмотрели фаунистическую коллекцию и обсудили планы. На вечер Сапар пригласил нас домой. Там впервые познакомился с бытом туркменской семьи. Было удивительно провести вечер, сидя на полу за достарханом с поджатыми под себя ногами, есть горячую шурпу и слушать интересные рассказы о природе Туркмении.

Сапар Реджепалиев работал над диссертацией по теме «Фоновые булавоусые чешуекрылые и рептилии Приамударьинской Туркмении». Ему было важно показать своему шефу типичные ландшафты, в которых он проводил сбор материала. За полторы недели мы успели побывать в песках левобережья в окрестностях железнодорожной станции Барханы, в Репетекском заповеднике, в песках на правобережье Амударьи у поселка Фараб, в амударьинском оазисе под Чарджоу, а так же в щебнистой пустыне у поселка Шагал. Последний природный комплекс оказался уникальным. В нём мы встретили узко эндемичный вид ящерицы — хентаунскую круглоголовку. Позднее я возвращался в это место специально для наблюдений за ней.

В конце апреля у студентов биофака местного вуза начиналась полевая практика в предгорьях Кугитангтау и мы на несколько дней присоединились к ним. Все места, куда мы ездили, имели неповторимую экзотику и отличались ландшафтным разнообразием. Однако наибольшее впечатление от той поездки оставили пески заповедника Репетек, которые ослепили желтизной барханов и восхитили зелёным ковром из песчаной осочки и кровельного костра, на которых выделялись пятна красных маков.

Во время поездки я наблюдал за техникой полевых работ Александра Петровича. Тогда же усвоил необходимые правила маршрутного учёта, которым позднее следовал в самостоятельной работе. Александр Петрович проводил комплексный учёт животных: птиц, бабочек и пресмыкающихся, чтобы оценить плотность их населения в ландшафте и внести коррективы в работу своего аспиранта. Записи в дневнике он делал карандашом чётким, хорошо понятным почерком, впрочем, как и надписи на коллекционных этикетках. На ночь несколько раз ставили ловушки на мелких зверьков, из которых потом делали тушки для коллекции. Его мастерство в изготовления тушек мелких млекопитающих было непревзойденным. Это признавалось всем зоологическим сообществом и к рассказу об этом вернусь позже.

В поездке Александр Петрович не только работал в поле, но и успел

прочитать несколько лекций студентам Чарджоуского педагогического института. Сейчас он называется Туркменский государственный педагогический институт им. С. Сейди.

Обратная дорога в Москву также пролегала через Ашхабад. Будучи крупным специалистом по рукокрылым Александр Петрович не мог не заехать в Бахарденскую пещеру, в которой обитала крупнейшая в СССР колония этих зверьков. Пещера с тёплым подземным озером нас восхитила, кроме Александра Петровича. Он помнил эти места по прежним годам, когда здесь бывал, и не скрывал своего огорчения из-за изменений, которые произошли с обликом и фауной пещеры. В пещеру провели освещение, построили лестницу, и её посещение стало очень популярным у туристов и местного населения. Эти изменения отразились на состоянии многочисленной колонии летучих мышей, которая значительно уменьшила численность.

Из поездки в Туркмению вернулись под большим впечатлением. После неё укрепилось желание продолжать работу в пустыне, возвращаясь в неё снова и снова. Пока учился ежегодно приезжал в Чарджоу к Сапару. Александр Петрович всячески поддерживал этот энтузиазм. Чтобы я мог после весенней сессии быстрее уехать в поле, ходатайствовал о замене практики на подмосковной биостанции работами в экспедиции по сбору коллекции. С Сапаром мы сдружились. Он продолжал помогать в организации поездок в интересные мне места, привлекая для этого студентов, происходящих оттуда родом. Благодаря их помощи мне удалось объездить всё среднее течение Амударьи от поселка Дарган-Ата на севере до г. Керки на юге. По итогам этих поездок были сделаны доклады на заседаниях студенческого зоологического кружка и научных конференций, опубликовано несколько работ.

Александр Петрович очень доброжелательно относился к студентам и аспирантам, которые подходили к нему за советом или просили посмотреть рукопись в надежде услышать его мнение и оценку. На критику никто не жаловался. Наоборот, она принималась как должная, поскольку качество работы только улучшалось. Он всегда находил время, чтобы выслушать и помочь. Вместе с этим, он был строгим и придирчивым редактором, когда знакомился с рукописью. Он обращал внимание на правильное использование русского языка и не терпел слов-сорняков. Например, сильно возмущался, когда в тексте встречал слово «являлся». «Является приведение», — говорил он, и просил его заменить. Ещё запомнилась его выраженная принципиальность в отстаивании своей научной позиции и непримиримость к компромиссам. Эти качества он старался передать окружавшим его ученикам.

Надо сказать, что с учениками часто складывались более ровные и доброжелательные отношения, чем с некоторыми равными оппонентами, которые также проторили свой путь в науке. С ними у него возникали сильные разногласия и непримиримые споры. На почве несогласия отношения могли полностью разладиться до нетерпимости. Например, Юрий Иванович Чернов, издав монографию «Природная зональность и животный мир суши» постарался полностью исключить в тексте ссылки на Алек-

сандра Петровича и любое упоминание его фамилии, хотя работа рассматривала проблемы природного районирования, зоогеографического деления и анализа структуры населения ландшафтов суши, в изучении которых Александр Петрович внёс большой вклад. Даже в списке литературы, где упоминается «Определитель млекопитающих СССР», указав первых двух авторов, вместо третьего — А. П. Кузякина, Ю. И. Чернов поставил «и др. ».

Коллегами и учениками сказано много добрых слов об Александре Петровиче, как о признанном коллекционере. С этим следует согласиться. Подчеркну лишь то, что он не скупился делиться мастерством и опытом сбора коллекций. Вспоминаются его мастер-классы по выделки тушек, которые Александр Петрович проводил на биостанциях в Акатово и Крюково. Мы смотрели и старались повторить. Тушки он делал неторопливо. Предварительно измерял зверька, чтобы повторить его размер и форму. Содержимое, включая голову и хвост, вынималось. Шкурка старательно вычищалась и обрабатывалась инсектицидным раствором для длительного хранения. На палочку по размерам зверька, как на стержень, аккуратно наматывалась слоями вата. Готовый макет вставлялся внутрь. Для придания формы и прочности хвосту в него вставлялась тонкая бамбуковая щепа. Шкурка аккуратно зашивалась на брюхе, а к задним лапкам привязывался вычищенный череп и заполненная ясным почерком этикетка. Законченная тушка поправлялась и причесывалась маленькой щёткой.

Ещё деталь. В поездках, как и в науке, Александр Петрович сохранял индивидуальный стиль. Он пользовался маленькой складной плиткой, которую растапливал таблетками сухого спирта. На ней в маленьком ковшике варил еду, а затем кипятил чай. Александр Петрович не раз повторял, что коллективный быт не должен ставить исследователей в поле в зависимость друг от друга, поскольку у каждого натуралиста свой график работ и свои задачи. Ритму работы быт мешать не должен. Позже, работая в больших коллективах, я пришёл к выводу, что индивидуальный стиль полевых работ не всегда выигрышный, но, тем не менее, бывает иногда необходим, если стоит выбор между удобством и результатом работы.

Если задаться вопросом: почему одни авторитетные учёные создали свою научную школу, а другие нет, то ответ легко найти. Те, кто не отмахнулся от молодёжи, начинающей путь в науке, но сумел заинтересовать их энтузиазмом и яркой харизмой, поддержал определиться с выбором в нужное время, у тех школа сложилась. Те же, кто следовал исключительно своим интересам, был равнодушным к ученикам, тяготился уделить им время, свою научную школу не создали. Александр Петрович был ярким учёным, создавшим направление и школу ландшафтной зоогеографии.

Занимаясь изучением экологии пустынных пресмыкающихся, я длительное время проводил их количественные учёты. Оказалось, что средние значения обилия видов в ландшафте органично соответствуют балльной шкале обилия, предложенной Александром Петровичем более полувека назад. Несмотря на критику со стороны некоторых зоологов за искусственную универсальность, шкала, тем не менее, хорошо описывает место вида в пустынном сообществе. Например, преобладающие по обилию виды

ящериц, к которым относятся круглоголовки и ящурки, в оптимальных условиях имеют обилие в пределах 10-80 особей на гектар. Среднеазиатская черепаха в оптимальных местообитаниях также имеет обилие выше 10 особей на гектар. И те и другие виды оказываются многочисленными согласно шкале обилия. Как показали наблюдения в пустынях, плотность населения обычных видов пресмыкающихся не превышает 10 особей, а редких — 1 особи на гектар. На бедных растительностью глинистых и каменистых равнинах плотность населения среднеазиатской черепахи обычно менее 1 особи на гектар. И этот вид действительно редок в местообитаниях такого типа. Привёл эти примеры с использованием балльной шкалы в зоогеографических наблюдениях для того, чтобы показать очевидную объективность и жизнеспособность идей Александра Петровича.

Спустя много лет после встречи с Александром Петровичем трудно представить, как бы сложился мой путь в профессии, если бы не его активная поддержка. Где бы ни работал: в пустынях Казахстана или Таджикистана, Ирана или Узбекистана, часто вспоминал первую поездку в поле и учителя добрым словом.

Семь небольших фрагментов воспоминаний об Александре Петровиче Кузякине с тремя лирическими отступлениями

А. А. Вахрушев

Я не был по-настоящему прямым учеником Александра Петровича, я его «научный внук» (ученик ученика Александра Петровича — Юрия Соломоновича Равкина). Тем не менее, мне повезло — я работал вместе с Александром Петровичем и под его началом. И на всю жизнь у меня сохранились яркие воспоминания об этом замечательном и всесторонне талантливом человеке.

1-е лирическое отступление — о магии цифр. Александр Петрович придавал цифрам большое значение. Он на полном серьёзе не разрешал делать в диссертации, например, 4 или 6 глав («лучше 3, но можно и 5 или 7», — говаривал он). Поэтому и в воспоминаниях об Александре Петровиче я постарался использовать ту же самую магию цифр (7 воспоминаний, 3 лирических отступления, 3 жизненных урока).

1-е воспоминание. Я ещё школьник и вместе со своим первым и главным учителем Петром Петровичем Смолиным (ППС) я занимаюсь изучением птиц: мы работаем с коллекцией тушек в МОПИ имени Н. К. Крупской, собранной Александром Петровичем. В отличие от других коллекций в пединституте у А. П. Кузякина нам разрешали потрогать и подержать птиц в руках. Именно благодаря А. П. Кузякину мы все и стали орнитологами, потому что по иллюстрациям птиц не выучишь. Как я понимаю уже задним числом, Александру Петровичу, конечно же, было жаль испорченных нами тушек (дети!), но он как никто другой понимал и важность приобщения детей к природе. И в этом плане они с ППСом были солидарны. В тех воспоминаниях самого Александра Петровича Кузякина не было, но была его

фамилия и знак глубокого уважения к нему нашего учителя Петра Петровича Смолина.

2-е воспоминание. Оно также без А. П. Кузякина. Август, я не поступил в МГУ и разговариваю с Аркадием Савинецким. Он говорит: нынче вся наука сосредоточена в МОПИ у А. П. Кузякина. Если не будешь ждать год после окончания школы и снова поступать в МГУ, то иди к Александру Петровичу Кузякину в Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. И я пошёл… и поступил.

3-е воспоминание. Я – студент МОПИ имени Н. К. Крупской. У меня уже есть небольшие публикации (тезисы конференции), за плечами несколько полноценных полевых сезонов в Сибири, так что я себя ощущаю своим в зоологическом кружке, которым тогда руководил Александр Григорьевич Сорокин (тогда Саша Сорокин — аспирант Александра Петровича). Изредка на заседания кружка приходит и сам заведующий кафедрой зоологии — Александр Петрович Кузякин. Он всегда доброжелателен, но его комментарии очень целенаправленны и точны, он легко видит и силу, и слабость каждой научной работы. Мне повезло выступать со своим докладом в его присутствии ещё будучи студентом. С позиций возраста и опыта сейчас я понимаю, что, скорее всего, тогда я просто что-то с важным видом мямлил, но Александр Петрович был весьма снисходителен и даже похвалил моё выступление.

2-е лирическое отступление — о снисходительности к чужим и требовательности к своим. Именно у Александра Петровича я заметил интересную особенность, о которой в дальнейшем неоднократно читал в книгах о самых разных знаменитых и замечательных людях. Такие люди всегда были снисходительны … к незнакомым людям. Например, Александр Петрович, в отличие от многих других преподавателей, был весьма доброжелателен по отношению к студентам. Он как бы мысленно говорил: «Ну что вы от него хотите, для него это замечательно …». В то же время со своих учеников Александр Петрович «сдирал шкуру», если что-то было сделано не очень аккуратно. Об этом свидетельствует, например, опубликованное в этой книге письмо Александра Петровича с критикой книги Юрия Соломоновича Равкина, в которой Александр Петрович вежливо, но целеустремлённо «разбирает по косточкам» книгу и почти не оставляет «камня на камне». Такой требовательности к себе я не ощущал — это могли оценить только близкие ученики, а я ведь был всё-таки не совсем свой.

По-видимому, такие талантливые люди как А. П. Кузякин понимают, что их требования по «гамбургскому счёту» не могут быть применены к обычным людям, ведь они — обычные люди — не в состоянии полностью соответствовать идеалам. В большой степени такое снисхождение к обычным грешным людям было порождено влиянием любимой Валентины Ивановны, которая всегда бросалась на защиту всех учеников, как только чувствовала, что её муж становился слишком требовательным к ним.

4-е воспоминание. Я уже год работаю в Дарвиновском музее, научился водить экскурсии и добился нескольких реплик от опытных и давних посетителей музея — учителей о том, что они впервые услышали такое ясное и простое объяснение эволюционным закономерностям. Хожу, за-

драв нос, с чувством удавшейся жизни. И тут звонок от Александра Петровича с приглашением работать на кафедре зоологии родного МОПИ имени Н. К. Крупской.

Я был очень горд, что Александр Петрович пригласил меня к себе на кафедру. Да ещё и вести практические занятия к своему курсу. Конечно, я стал слушать Александра Петровича уже не как студент, а как преподаватель, учась не только содержанию, но и форме подачи материала. Александр Петрович был отличным рассказчиком. К тому же вся зоология получалась у него личностно окрашенной. Сейчас такой подход называют методом кейсов — техникой обучения, использующей описание реальных ситуаций, придающих теории жизненный практический аспект. Александр Петрович изобрёл этот метод преподавания, конечно же, сам, он видел в жизни очень много, поэтому и мог себе позволить после изложения какой-либо теоретической мысли добавить свои жизненные воспоминания.

Омрачает мои воспоминания только собственная глупость, из которой я впоследствии извлёк очень важный урок, помогавший мне всю жизнь. Как всякий молодой человек, не умудрённый жизненным опытом, я был слишком самоуверен и очень любил теоретизировать. Поэтому вместо того, чтобы разъяснять идеи лекций Александра Петровича, старался вставлять в свои практические занятия собственные идеи, собственные размышления. Мой первый опыт ведения практикумов заключался в том, что я … читал свои собственные лекции и излагал там свои собственные мысли вместо того, чтобы практически продемонстрировать все идеи Александра Петровича. Спасибо Александру Петровичу за очень тактичные беседы. Урок я извлёк и всю жизнь, даже сейчас, постоянно ловлю себя на том, что вместо практики я опять пытаюсь рассказать всё сам, а не добиться, чтобы ученики попробовали понять это самостоятельно. И каждый раз у меня в мыслях рядом появляется Александр Петрович и очень вежливо говорит «Видишь ли, Сашенька …». Так он меня и сопровождает с этим уроком всю жизнь.

Жизненный урок от Александра Петровича: попробовать сделать самому важнее, чем услышать готовый ответ от педагога.

5-е воспоминание. Я уже ассистент и сижу на заседании кафедры. Мы планируем научную нагрузку. Естественно хочется написать уже в этом году «общую теорию всего», поэтому планирую какие-то работы. Александр Петрович обязательно вмешивается и спрашивает: «Что уже сделано?» Отвечаю, что пока это только задумки и мечты и никаких рассуждений. Александр Петрович сердится и требует планировать только то, что уже давно улежалось в голове, что уже наполовину сделано и продумано.

Отсюда ещё один жизненный урок, усвоенный мной от Александра Петровича Кузякина. Вначале осознай идею, поразмышляй о ней, о её связях с известными теориями, продумай детали, потом только озвучь как идею, а когда проработаешь — планируй и делай. Короче «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Этот жизненный урок я с благодарностью использую всю жизнь.

6-е воспоминание. Оно касается очень тяжёлого периода для Алек-

сандра Петровича — потере зрения. Для столь деятельного человека как А. П. Кузякин с его бесчисленными делами, учениками, «подкидышами», потеря такого важного канала связи с жизнью смерти подобно. Знаменитый учёный, изъездивший всю страну, видевший ВСЁ, вдруг теряет связь с миром, уходит с заведования кафедрой. Александр Петрович переносил это очень мужественно, хотя (особенно по началу) сжимал кулаки и «скрежетал зубами». В этот период мне повезло в общении с ним: мы с ним жили вместе на полевой практике, где проводили занятия: он со своей группой, а я со своей. Я в жизни сталкивался с разными руководителями, в большинстве случаев они очень любили, когда их сотрудники им помогали. Но не таков был Александр Петрович: даже в этой ситуации он всё делал сам. Хорошо с пониманием относились студенты: каждый день дежурные подходили к Александру Петровичу, планировали все действия, ведь любовь А. П. Кузякина к мелким млекопитающим и постановке давилок была всем известна.

Мы каждый вечер проводили вместе, сидели в его комнате, курили и разговаривали. Вернее, я слушал, а Александр Петрович рассказывал. Он был превосходным рассказчиком, а я уже к тому времени понял, что в жизни мне очень повезло и нужно «мотать на ус!», а не рассказывать о своих идеях. Так что этот период для меня был самым важным в общении с Александром Петровичем. Долгими вечерами он вспоминал свою жизнь и рассказывал о ней. Причём всегда к случаю подбиралось и воспоминание, в результате которого извлекался важный жизненный урок.

3-е лирическое отступление — о коллекционировании. Александр Петрович — замечательный и целеустремлённый коллекционер всего и вся. Начиная от рассказов, которые были прекрасно систематизированы по тем жизненным ситуациям, к которым они подходили, и урокам, которые из них извлекались. Заканчивая всеми делами, которыми он занимался. Александр Петрович всю жизнь продолжал собирать коллекции всех животных, которыми он занимался, от птиц, летучих мышей до бабочек. Дух коллекционирования сопровождал его всюду. Поэтому и важнейшая задача биогеографии, которую он поставил и решал всю жизнь — инвентаризация населения живых организмов ландшафтов суши — также по своей сути имела в основе коллекционный дух. Поэтому поиск информации о населении какой-либо группы животных какого-либо региона для Александра Петровича был равносилен ощущениям филателиста, гоняющегося за редкой маркой, нумизмата, мечтающего увидеть редкую монету. Только в отличие от других коллекционеров А. П. Кузякина интересовал реальный облик населения животных, который определяют фоновые виды — доминанты. Убеждён, что без такой страсти коллекционера Александру Петровичу не удалось бы увлечь такое огромное количество людей решением новой задачи — созданием ландшафтной биогеографии.

7-е воспоминание. Я был аспирантом Александра Петровича. Но правоверным и полным последователем А. П. Кузякина я не стал, так как на меня поначалу оказывал влияние Ю. С. Равкин — хоть и ученик Александра Петровича, но идущий своей дорогой. В дальнейшем большое влияние на меня оказал Александр Сергеевич Раутиан, научивший меня видеть

эволюционные проблемы даже в экологии, описывающей современную ситуацию в окружающем мире. А ведь у Александра Петровича были свои особые отношения с эволюционной теорией (и особенно с Эрнстом Майром). Я чётко понимал, что не всё в моей диссертации понравится Александру Петровичу. Однако Александр Петрович высказал терпимость. Он отметил, что из 5 (естественно!) глав моей диссертации 4 его вполне удовлетворили, хотя там и было много экологических материалов. Лишь одна глава Александру Петровичу не понравилась, но общий баланс 4 «за» — 1 «против» А. П. Кузякина удовлетворил, и он меня благословил. Конечно, мелких замечаний было море, и они практически все были очень корректными и грамотными, в итоге Александр Петрович мной даже гордился. А ведь это уже был период болезни, когда обычные нормальные люди давно сдаются.

Отсюда ещё один важный жизненный урок от Александра Петровича Кузякина — настоящий человек никогда не сдаётся. Александр Петрович до самого своего конца продолжал быть настоящим Учёным, настоящим Учителем и настоящим Человеком.